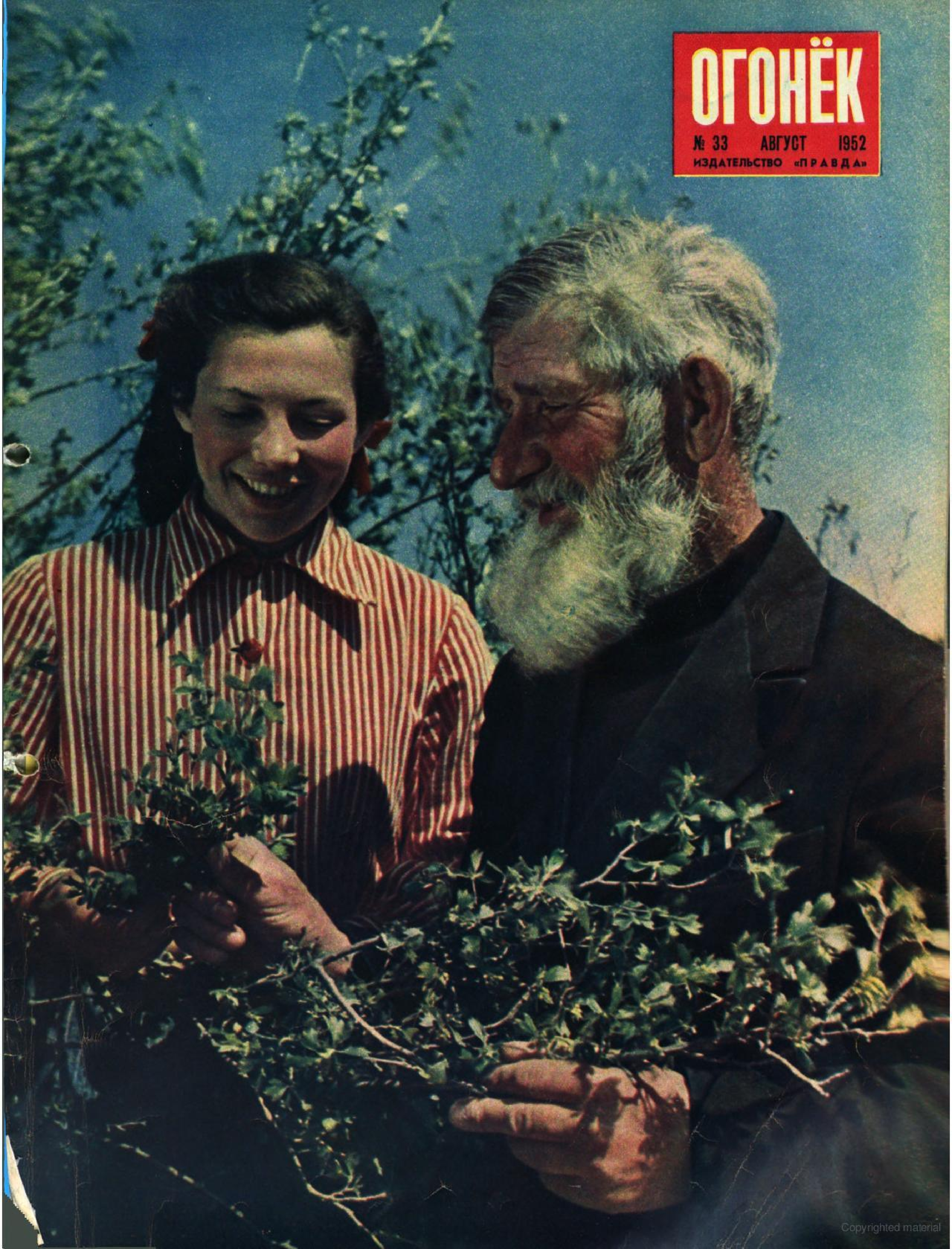

ОГОНЁК
№ 33 АВГУСТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДРУЖЕСТВО НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА

Фото И. Фетисова

Коллектив Ленинградского технологического института имени Ленсовета в свое время выступил в числе инициаторов массового движения — творческого содружества людей науки и производства. Это важное начинание и сейчас дает плодотворные результаты.

1. Научные сотрудники института активно участвуют в работе технических советов предприятий. На снимке: доцент В. Г. Абозин (крайний слева) и профессор Б. А. Порай-Кошиц (второй слева) на заседании технического совета текстильной фабрики имени Веры Слуцкой докладывают о новых методах окраски тканей.

2. Кафедры института помогают молодым инженерам. На снимке: бывшие воспитанники института инженеры Абразивного завода «Ильич» В. В. Карлин (слева) и В. Ф. Яковлева (справа) при участии доцента А. С. Полубеловой проводят научно-исследовательскую работу.

3. Работники обувной фабрики «Скороход» инженер Н. И. Пуненков (слева) и стахановец Е. П. Тарабанов (в центре) на квартире одного из старейших ученых Ленинграда, профессора В. Я. Курбатова, обсуждают технические брошюры, написанные производственниками.

4. Многие новаторы производства, читая лекции в институте, знакомят преподавателей и студентов со своими стахановскими методами труда. На снимке: знатный разметчик Металлического завода имени Сталина А. А. Дмитриев (слева) выступает с лекцией о своем методе разметки крупных деталей турбин.

На первой странице обложки:

Украшается зеленью город строителей Каховского гидроузла. Лесные посадки проводятся под наблюдением одного из старейших садоводов и лесоводов Украины, Степана Марковича Фалдзинского. Много лет занимается он лесными и плодовыми питомниками, колхозными и совхозными садами.

Ранней весной на машинах были доставлены саженцы плодовых и декоративных деревьев. Активное участие в древонасаждении принимали новоселы, в свободное время на помощь приходили школьники.

Привезенные деревья прижились на новом месте, смирились с песчаным грунтом, оделись нежной листвой. Сейчас С. М. Фалдзинский обдумывает план обширных осенних посадок, чтобы через год вся Новая Каховка зазеленела и зацвела.

На снимке: С. М. Фалдзинский с ученицей каховской школы Аллой Козловой.

Фото Н. Козловского

На последней странице обложки: Зубры в Беловежской пуще.

Фото И. Туннеля

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 33 (1314)

10 АВГУСТА 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ноябре прошлого года вторая сессия Всемирного Совета Мира, состоявшаяся в Вене, решила отпраздновать тысячелетие со дня рождения великого ученого Средней Азии Абу-Али Хусейна ибн-Абдаллаха ибн-Сина, прославленного в Европе под именем Авиценны.

18 августа все прогрессивное человечество торжественно отмечает эту знаменательную дату.

Гений нашего соотечественника обнял все отрасли науки своего времени. Ученый-энциклопедист выступал с произведениями философскими и поэтическими, занимался математикой и физикой, астрономией и химией, закладывал основы медицины и фармакопеи.

Авиценна неустрашимо боролся с мракобесием и ханжеством, нанес сокрушительный удар средневековой схоластике. Его труды расширяли горизонт человеческого знания, прокладывали путь в будущее.

Мы чтим в замечательном ученом неутомимого искателя истины, неукротимого борца за науку, свободную от оков религии, борца, оставившего неизгладимый след в истории мировой культуры.

АВИЦЕННА

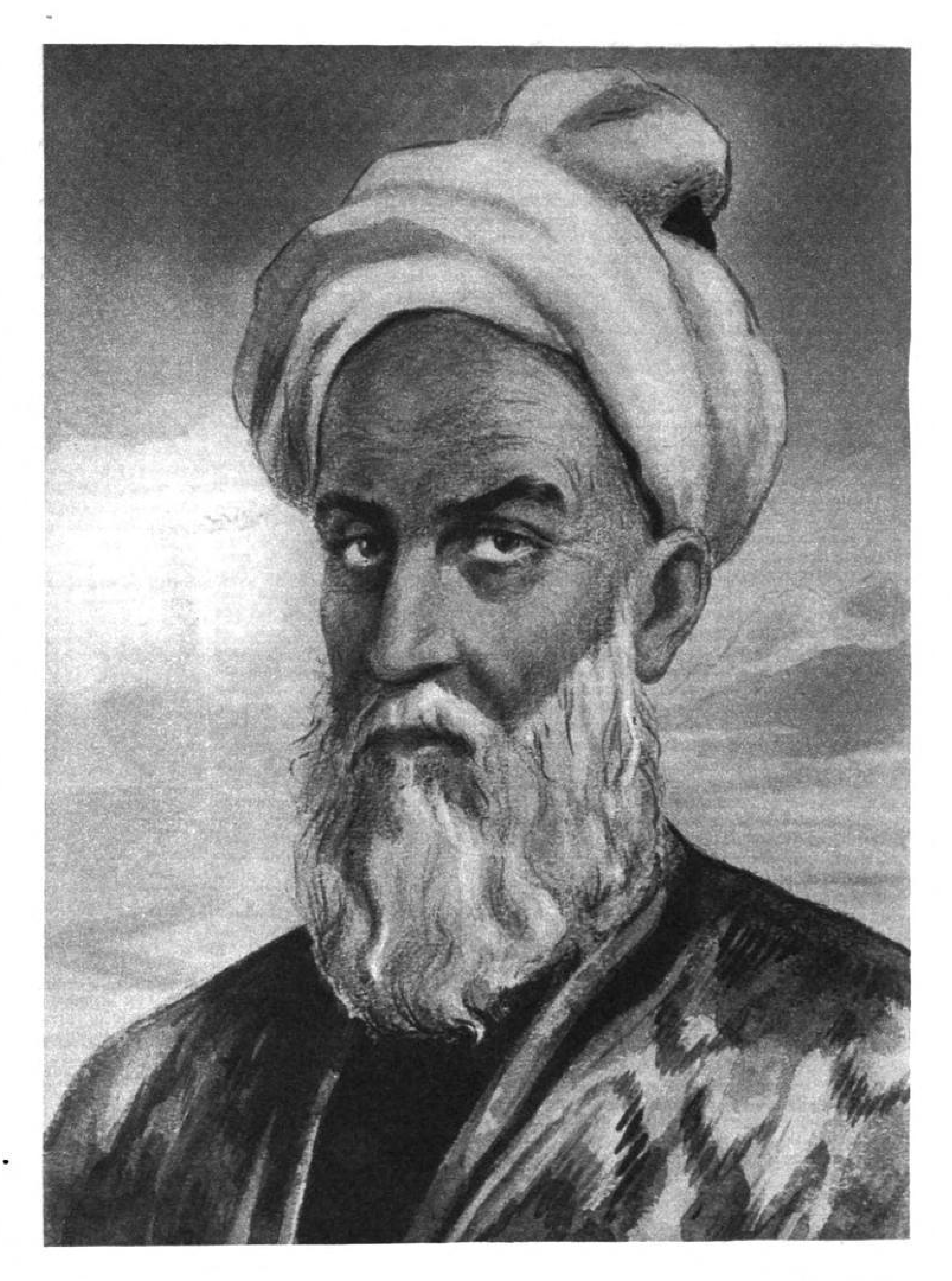

Рисунок В. Высоцкого

Гениальный мыслитель родился в крупном поселении Хармейсан, неподалеку от теперешней Бухары. Во второй половине X века она была столицей династии саманидов, объединившей под своей властью обширные пространства, населенные преимущественно народами иранского происхождения, среди которых ведущее положение занимали таджики. Бухара поддерживала связь со всеми саманидскими владениями. На ее базарах звучала разноязычная речь, там торговали не только местными изделиями, но и товарами, привезенными из далекого Китая, Индии и Египта.

Торговые сношения в значительной степени содействовали и культурному обмену. На базарах существовали ряды, где продавались рукописные книги и можно было приобрести почти любую новинку. Рукописная книга стоила очень дорого. Естественно, что большую библиотеку мог иметь только богатый человек, обычно сам эмир или его везиры — министры.

В обращении находились книги главным образом на арабском языке. Арабы, завоевав в VIII веке Среднюю Азию, насаждали ислам, сделали арабский язык языком «священной науки» — богословия. Вот почему и светские науки долгое время почти исключительно пользовались этим языком, подобно тому, как европейская схоластика — латынью.

Следует, однако, отметить, что такие гениальные мастера слова, как Рудаки и Фирдоуси, предпочитали писать не по-арабски, а на родном языке, называвшемся тогда дари или фарси, этом предке современного литературного таджикского и персидского языков. Попытки ввести его и в науку не получили большого распространения.

Совершенное знание арабского языка в Бухаре X века было обязательным для людей науки, но понятно, никто не станет утверждать, что, например, великий английский ученый И. Ньютон был римлянином только потому, что писал свои труды на латыни, так же как мыслители Востока, писавшие по-арабски, не делались арабами.

Буржуазная наука широко пользовалась и пользуется термином «арабская наука», включая в число «арабских» ученых всех, кто когда-либо писал научные труды на этом языке. Но основываться только на этом, конечно, нельзя. Правда, халифат в пору расцвета сыграл важную роль в распространении научных знаний, поощряя переводы древнегреческих, индийских, среднеперсидских, сирийских произведений на арабский язык. Но надо сказать, что среди переводчиков было немало и не арабов — сирийцев, иранцев.

Точно так же и Авиценна: хотя главные свои труды писал по-арабски, по происхождению не был арабом. Отец его родом из Балха — города, который теперь находится в Афганистане, а тогда входил во владения саманидов и был населен преимущественно таджиками, как и сейчас. Мать его родилась в кишлаке Афшане, неподалеку от Бухары, где тоже жили таджики.

Таким образом, по происхождению Авиценна — таджик. Отсюда не следует делать вывод о том, что его научное наследие должно считаться достоянием одного таджикского народа. Имя Авиценны тесно вплелось в культурную историю братского узбекского народа, веками жившего и живущего в тесном содружестве с таджиками. Наследие его занимало почетное место в развитии науки у иранцев и арабов. Западноевропейская наука своими многими успехами обязана трудам великого бухарца.

В средневековой Европе читали не арабские оригиналы его произведений, а их переводы на древнееврейский язык, где Ибн-Сину называли Авенсиной, а при переводе на латынь возникло начертание Авиценна.

Год рождения Авиценны нельзя считать точно установленным. В биографии, написанной его учеником Абу-Убейдом Джузджани, указано, что Авиценна родился в 375 году хиджры, что соответствует нашему 985—86 году. Но, кроме этой даты, есть и другие. На могиле Авиценны в городе Хамадане, в Западном Иране, лежит камень, неизвестно когда водруженный. На нем вырезано стихотворение с основными датами жизни ученого. Здесь обозначен 983—84. Во всяком случае надо считать,

что в текущем году исполнится около тысячи лунных лет со дня рождения ученого.

Детские годы Авиценна провел в кишлаке. Биограф подчеркивает, что его учитель обладал богатырским телосложением и крепким здоровьем, позволявшим целыми сутками сидеть за работой без сна и почти без пищи.

Мальчик подрос, наступило время обучать его грамоте и, как тогда полагалось, обрядностям ислама. Семья перебралась в Бухару. Десяти лет мальчик читал Коран и основательно изучил весь свод правил сложного мусульманского этикета. Скоро он так хорошо овладел арабским языком, что не только писал изящной и ясной прозой, но и стихами, звучными и весьма совершенными по форме.

Изучение светских наук началось с того, что мальчика послали к соседу-зеленщику, у которого он изучил индийский счет, искусство производить арифметические действия при помощи цифр, нами называемых арабскими. Слово «цифра» действительно арабское, на этом языке оно означает «ноль». Начертание значков — цифр — создано в глубокой древности в Индии и оттуда уже перешло к арабам.

Когда мальчик кончал занятия арифметикой, в Бухару приехал знакомый его отца, некто Натили. Желая дать сыну хорошее образование, отец Авиценны поселил Натили у себя в доме и предложил ему обучать сына. Острый ум юноши необычайно быстро впитывал в себя все. Вскоре он достиг такого совершенства, что Натили был не в силах учить его. Как бы там ни было, но занятия эти положили начало научной деятельности Авиценны. В одном из позднее написанных им трактатов он рассказывает о том, как наблюдал падение метеоритов, изучал найденные осколки и пытался раскрыть их состав. В другой работе он сообщает, что проследил, конечно, невооруженным глазом, за прохождением Венеры и Меркурия через диск Солнца.

Через некоторое время Натили уехал в Хорезм, а молодой ученый заинтересовался медициной. В перенаселенной Бухаре люди жили чрезвычайно скученно. Никакого санитарного благоустройства не существовало. Нечистоты текли по улицам зловонными ручьями. Разбросанные по городу хаузы — большие непроточные бассейны, откуда брали питьевую воду, — становились в жаркую пору настоящими рассадниками болезней. В этих бассейнах стирали грязное белье и туда же сметали отбросы и мусор с базаров.

У кого и как Авиценна учился врачеванию, мы не знаем, но принялся он за эту область знания с необычайным рвением и в кратчайший срок добился крупных успехов, шестнадцати лет стал лечить людей. Авиценна называл медицину легкой наукой, где житейский опыт стоял на первом плане.

Отрывки из переписки Авиценны с хорезмийским ученым Абу-Рейханом Бируни. Рукопись хранится в Институте востоковедения Академии наук СССР.

Изучая переводы древнегреческих и индийских медицинских трактатов, принимая больных, Авиценна не оставлял и другие науки. Он еще раз прошел логику, углубил свои познания в геометрии и математике, упорно занимался физикой и философией. Все это было возможно благодаря невероятному напряжению сил и крайней самоотверженности. Такой жестокий метод работы мог выдержать только железное здоровье.

Необычайная личность Авиценны оставила глубокий след в памяти народа. До сих пор ходят тысячи легенд о его изумительной проницательности, о его способности исцелять болезнь, чуть ли не воскрешать мертвых.

Заболел суровый повелитель Бухары эмир Нух. Придворные врачи пичкали его всякими снадобьями тогдашней медицинской кухни, но все их усилия ни к чему не вели, болезнь начала принимать хронический характер. Тогда вспомнили о гениальном юноше, прекрасном враче, уже успевшем прославиться. Его пригласили. И ему удалось вылечить эмира.

В награду молодой ученый испросил разрешения пользоваться огромной эмирской библиотекой, тогда одной из лучших в мире.

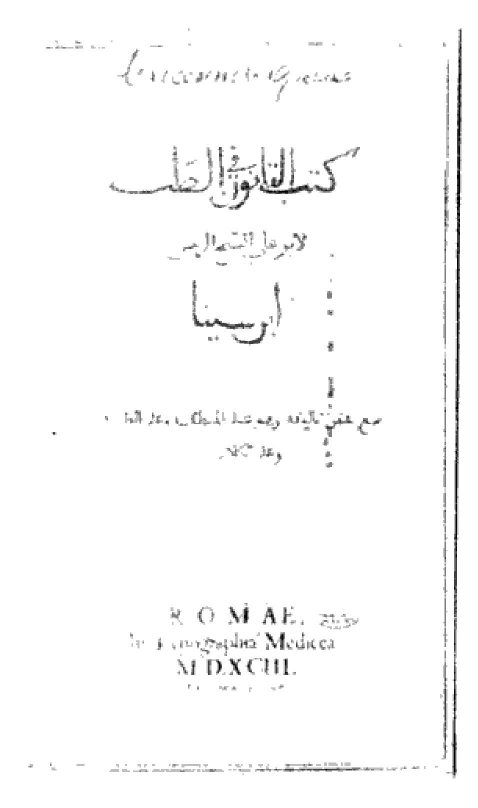
В эту эпоху в Средней Азии леса не были полностью истреблены. В Бухаре чаще всего строили деревянные дома. В узких, тесных улочках и переулках часто вспыхивали пожары, которые уничтожали иногда целые кварталы, не щадя и эмирских дворцов. Не избежала злой судьбы и драгоценная библиотека. Она превратилась в пепел, многие выдающиеся творения среднеазиатских ученых и поэтов навсегда погибли для человечества.

В девяностых годах X века жизнь в Бухаре стала тревожной. Наемные полководцы саманидов перестали повиноваться своим хозяевам, вели между собой нескончаемые кровавые распри, свергали и сажали по своему усмотрению на престол эмиров, превратившихся в жалких марионеток. Измученные тяжкими поборами, жители проявляли непокорство и не желали поддерживать династию. С востока надвигались несметные полчища кочевников-караханидов.

В это время умер отец Авиценны, и ему пришлось подумать о заработке. Наука могла прокормить человека лишь в том случае, если он отдавал свои труды какому-нибудь властителю. Авиценна поступил на службу в дворцовую канцелярию, но проработал там недолго. Вскоре он покинул родной город и направился в Ургендж, столицу Хорезма (позднее Хива).

Везир тамошнего правителя тепло принял молодого ученого. Ему тотчас же назначили месячный оклад — кормление, как говорили в старой Руси. Здесь Авиценна встретился с другим великим ученым, Абу-Рейханом Бируни, вел с ним горячие дискуссии, переписывался.

Но грозная туча нависла и над Хорезмом. К нему протянулась хищная лапа неутомимого завоевателя султана Махмуда, правителя Газны — ныне городок в Афганистане. Махмуд грабил и разорял окрестные страны под флагом насаждения строжайшего правоверия. С его точки зрения, всякий, кто интересовался философией, был еретиком и безбожником. Передовых ученых он истреблял беспощадно, произведения их публично предавал сожжению.

Заглавный лист латинского перевода «Канона медицинской науки» Авиценны, изданного в Риме в XVI веке.

Авиценне нельзя было ждать, когда палачи Махмуда появятся в Хорезме. Он бежит, долго скитается и, наконец, находит прибежище в Гургане, на южном побережье Каспийского моря, у эмира Кабуса. Его приняли хорошо. Один из гурганских вельмож подарил ему дом по соседству со своим.

Здесь вокруг ученого собрались ученики, в их числе Абу-Убейд Джузджани, с этого момента уже с ним не разлучавшийся.

Авиценна пишет философские трактаты и начинает книгу, доставившую ему мировую известность, — «Канон медицинской науки». Книга эта была переведена в XII веке на латынь Герардом Кремонским. До начала XVIII века она — основное пособие медицинских факультетов всех западноевропейских университетов. Объясняется это тем, что на протяжении многих веков не существовало книги, где бы так систематично и ясно излагались медицинские знания.

И поныне «Канон» поражает нас точностью выводов. Авиценна сумел установить, что чувство осязания и чувство температуры связаны с разными воспринимающими системами. Он впервые правильно описал устройство мышц глаза, создал учение о том, как, выслушивая пульс больного, можно сделать заключение о характере болезни. Он дал подробное описание симптомов ряда заболеваний, облегчающее диагноз. Он впервые указал на местные лекарственные растения, с тех пор успешно применяемые врачами.

Авиценна понял огромное значение профилактики; он советовал заниматься физкультурой для закалки и сохранения здоровья, рекомендовал сообразовывать упражнения с возрастом и полом. Отмечу, что предложенное Авиценной лечение неорганического порока сердца оправдало себя и в наши дни.

«Канон», в сущности говоря, впервые в истории медицины исчерпывающе строго давал систематическое изложение всей совокупности добытых тогда научных данных. Заменить это пособие сделалось возможным в Европе только в XVIII веке. Авиценна стал учителем врачей всего мира. И не удивительно поэтому, что «суровый Дант», воспитанный в фанатически католической Флоренции, хотя и отправил Авиценну в ад — иначе он поступить не мог, — но все же устроил великого ученого не в страшных пучинах, а лишь в преддверии, где он находится в исключительно избранном обществе:

Там — геометр Эвклид, там — Птоломей,
Там Гиппократ, Гален и Авиценна...

Любопытно, что Авиценна назван рядом со всеми своими учителями и в математике и в медицине.

Все же и в Гургане Авиценне долго оставаться не пришлось. Эмир Кабус, человек исключительной жестокости и кровожадности, возбудил против себя своих телохранителей, и они убили его. Его преемник Манучихр был в родстве с эмиром Махмудом, и оставаться в его владениях для Авиценны было опасно. Он покидает и эти места и, повидимому, именно в эти годы пишет большое стихотворение, начинающееся словами:

Когда я стал велик, не хочет принять меня ни одна страна,
Когда поднялась цена моя, не нахожу я себе покупателя!

Но «покупатель» все же отыскался. Авиценна нашел прибежище сначала у правителя Ха-

мадана, потом в Исфахане. Ему даже пришлось некоторое время занимать пост везира и тратить свое время на административную деятельность. Жизнь при дворе была отнюдь не легкой.

Западная наука любит почтительно говорить о «коронованных меценатах» Востока, удивляться их заботливому отношению к науке и искусству. Удивляться надо другому: как «покровительство» капризных деспотов не задушило в науке и искусстве все живое и ценное. Развивались они, конечно, не благодаря «меценатам», а вопреки им, несмотря на их тщетные попытки унизить поэтов, ученых, сделать их придворными шутами.

Авиценна то занимал высокий пост, то томился в темнице. Он долго скрывался, один раз бежал, переодевшись дервишем. Имущество его неоднократно подвергалось разграблению; погибла его библиотека и с нею рукопись написанной им двадцатитомной философской энциклопедии «ал-Инсаф» — «Справедливость». Утрачены все его записи с наблюдениями клинического характера, которые он хотел положить в основу второй части «Канона» — части, посвященной терапии.

Но невзгоды не могли лишить его душевного равновесия, и, несмотря ни на что, он продолжал писать научные труды, не прекращал эту работу даже в заключении. Его ученик рассказывает, что вторую философскую энциклопедию — «аш-Шифа» («Исцеление») — Авиценна писал, не пользуясь никакими пособиями, по пятидесяти страниц в ночь.

Эта книга состоит из четырех разделов и обнимает следующие дисциплины: логику, физику, метафизику и математику. Во всех этих областях она дает материалы, представлявшие последнее слово науки. Так, в физике Авиценна главное внимание уделяет проблеме движения, в метафизике подходит к вопросам соотношения формы и материи, утверждает реальность материи.

Таким образом, в комплексе своих трудов он высказался по всем основным проблемам той эпохи, причем во всех отраслях выказывал удивительную проницательность. Вот почему весь Ближний и Средний Восток, ссылаясь на него, почти никогда не называет его имени, а говорит о нем «аш-шейх ар-раис» — «старец-глава». Он действительно являлся главой науки.

Число написанных им работ столь велико, что до сих пор его творчество изучено в малой степени. Он трудился всегда, почти не зная отдыха.

Но и его богатырская натура не смогла выдержать столь безрассудного расходования сил. В 1037 году Авиценна, на 57-м году жизни, умер.

Труды Авиценны обнимают все области знания. Его прежде всего интересовала философия, и потому в творческом наследии преобладают философские мотивы. А заниматься ею было нелегко и небезопасно. Мусульманская схоластика уже к X веку успела создать ряд схем, за пределы которых человеку выходить не дозволялось. Примитивная мысль Корана, все подлинные и подложные изречения пророка Мухамеда в безжалостном свете логики производят весьма жалкое впечатление. Поэтому ислам начал поход не только против философии, но и против логики. Один из представителей мусульманского правоверия заявил, что греческая логика разрушает всякую подлинную религиозность.

Понятно, что по многим вопросам Авиценна не мог открыто высказывать свои мысли. Он разделил свои труды на две категории: первые — для широкого распространения, вторые он разрешал читать только близким ученикам. К этим потаенным книгам относятся и некоторые его художественные произведения. Его послание «Хайй ибн-Йекзан» — «Живой сын Бодрствующего» — повествует о встрече автора с древним, как мир, и вечно странствующим старцем. Он рассказывает о своих странствиях и в фантастических образах рисует путь от пучин закосневшего ада до вершин эмпирея. Такую тему разрабатывали многие, в том числе Данте, вероятно, знавший это творение Авиценны.

В сохранившемся в рукописной коллекции Института востоковедения в Ташкенте послании «Утешение» Авиценна излагает причудливую александрийскую притчу о прекрасном царевиче Саламане и его кормилице Абсаль, сгоревшей в огне низкой страсти.

Широкой известностью пользовались написанные Авиценной на родном языке четверостишия, полные глубины и иронии по отношению к «ученым ослам». Они пытались обвинить его в неверии. Да это понятно, ибо он блестяще вскрывал их духовную пустоту.

Враги подстерегали его на каждом шагу, он скитался в поисках тихого угла, где можно было бы предаться научным изысканиям. Но такого угла в феодальном мире крови, насилия, лжи и предательства так и не нашлось. И все-таки мы знаем названия свыше сотни работ Авиценны.

К своим трудам он относился довольно расточительно. Он говорит в своей автобиографии, что уже к восемнадцатилетнему возрасту приобрел всю полноту знания, а дальше оно только уточнялось и прояснялось. Это ощущение громадного внутреннего богатства вело к тому, что он не дорожил своими рукописями, дарил их всякому, кто о том просил, не оставляя себе даже копий.

Труды Авиценны собрал его преданный ученик Абу-Убейд, следивший за тем, чтобы копии с подаренных книг оставались у ученого. Именно Абу-Убейд настоял на том, чтобы Авиценна не ограничился работами по отдельным, частным вопросам метафизики, а привел свои взгляды в стройную систему. Надо отметить, что под метафизикой тогда понимали учение о бытии и его различных формах.

Широко известно знаменитое выражение философа Р. Декарта: «Я мыслю, — следовательно, существую». Тут-то и становится очевидным величие Авиценны, ибо эту же самую мысль он высказал в своих «Ишарат» — «Тезисах» — на полтысячелетие ранее французского мыслителя.

Таким образом, удар по схоластике был нанесен уже Авиценной. Конечно, создать в те времена научное, материалистическое миропонимание было невозможно, но все-таки для Авиценны, как и для Аристотеля, материя была реальностью. Более того: Авиценна считал невозможным реальное существование формы вне материи. Вот почему еще в XIII веке видный мыслитель Ирбили, всю жизнь изучавший и толковавший произведения Авиценны, на смертном одре, испугавшись своей смелости, внезапно возгласил: «Прав господь в его священной книге, а Авиценна лжет!»

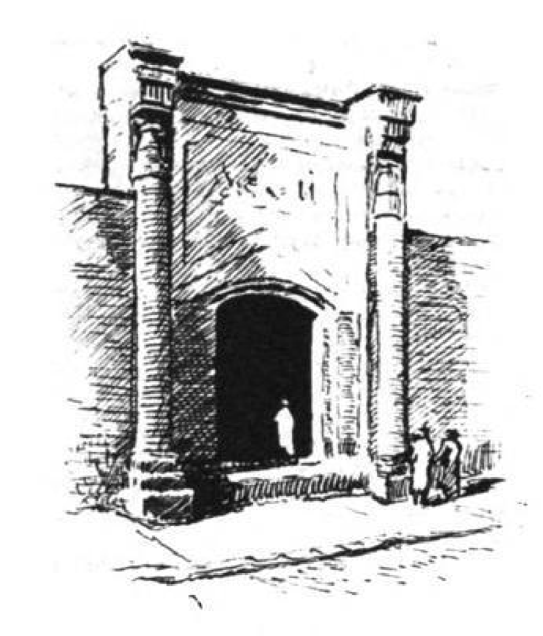
Нанесенный Авиценной правоверному исламу удар был очень сильный. Залечиванием раны, то есть попыткой извратить мысли ученого, занимались с XI века все мусульманские богословы, начиная со знаменитого имама Газали, полагавшего основной задачей своей жизни спасение ислама протаскиванием всяких ухищрений и ложных силлогизмов. Мы имеем полное право утверждать, что в области философии, как и в медицине, значение гениального ученого для развития научной мысли исключительно велико.

Средняя Азия вследствие вторжения различных завоевателей, бесконечных феодальных раздоров и войн пустела, нищала. Правители и духовенство всячески препятствовали пробуждению народной мысли, унижали человека, насаждали густой, непроницаемый туман суеверий. Бухарские медресе, где когда-то преподавались разнообразные научные дисциплины, стали поставлять затемнителей умов. Пытливые искатели знаний, студенты, не довольствуясь жвачкой, преподносимой им в классах, стремились найти ответ на волновавшие их вопросы в старых рукописях, тысячи которых скопились к XIX веку в книгохранилищах медресе.

«Профессора» поняли, что такое любопытство грозит подорвать устои веры, и добились приказа бухарского эмира изъять рукописные коллекции, возможно, хранившие и произведения Авиценны, и раздать на руки сановникам. Не приходилось опасаться, что на вельмож книги произведут вредное действие. Рукописи сваливались в сырые подвалы и чуланы, где многие из них сгнили. Так среднеазиатская феодальная знать губила драгоценное наследие прошлого. Так мусульманское духовенство продолжало борьбу с великими мыслителями.

Только после Великого Октября народы Средней Азии получили возможность строить новую, счастливую и свободную жизнь рука об руку с их старшим товарищем и братом — русским народом. Только в наше время талантливые молодые ученые — таджики, узбеки, туркмены — могут спокойно изучать культурное наследие далекого прошлого. И, изучая его, они вместе со всем передовым человечеством почтительно склоняют голову перед своим великим предком, всю жизнь искавшим истину и боровшимся с темнотой и предрассудками.

Е. БЕРТЕЛЬС,
член-корреспондент Академии наук СССР

Могила Авиценны в Хамадане (Западный Иран).

В читальном зале областной библиотеки имени Авиценны в Бухаре. На переднем плане — студенты Педагогического института Раиса Дмитриева и Кадыр Худайбердыев.

ГОДЫ ЮНОСТИ

АБУ-АЛИ ХУСЕЙН ИБН-АБДАЛЛАХ ИБН-СИНА (АВИЦЕННА)

Из автобиографии

Отец мой был уроженец Балха. В дни саманида Нух ибн-Мансура он переселился из своего родного города в Бухару и занялся там работой в диване — канцелярии. Ему предоставили управление Хармейсаном, центром одного из булюков — районов — в окрестностях Бухары. Из Афшана, одной из ближних деревень, он взял себе в жены мою мать по имени Ситара — Звезда. Там же и родились сначала я, а затем и мой брат. Прошло немного времени, и мы отправились учиться в Бухару.

К десяти годам я изучил Коран и литературную науку. Я так быстро усваивал науки и делал такие успехи, что все поражались. Отец мой разделял воззрения египтян и считался исмаилитом[1]. Иногда он начинал беседовать с моим братом о душе и разуме, как об этом говорят исмаилиты. Я слушал и раздумывал, но приемлемым мне это не казалось. Как ни старались они обратить меня в свою веру, это не удавалось, и они отчаивались все более и более. Иногда отец упоминал также философию и геометрию и заводил речь об индийском счете. Потом он послал меня к зеленщику, чтобы я научился у него считать индийскими цифрами.

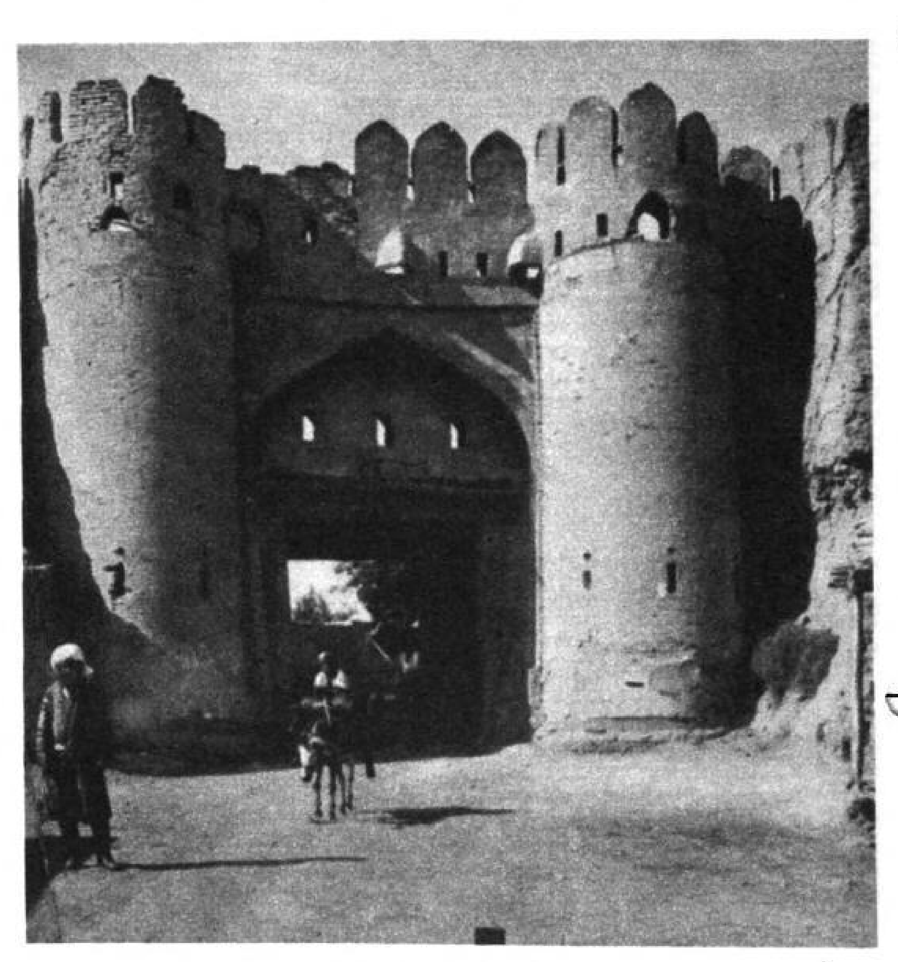
В короткое время я это усвоил, а тут как раз в Бухару прибыл Абу-Абдаллах Натили, который был известен как знаток философии. Отец поселил его в своем доме, надеясь, что он обучит меня чему-нибудь из философии. За некоторое время до этого я ходил также к Исмаилу-захиду — аскету — изучать фикх[2]. У него я приобрел большое искусство в диспутах, построении индукций, способах опровержения и постановки вопросов фикха.

С Натили я начал проходить книгу «Исагуджи»[3]. По вопросу об определении родового понятия — «родовое понятие, это то, что высказывается о предметах, различных по виду» — я сделал несколько замечаний, каких мой учитель никогда ни от кого не слышал. В тонкости и глубине анализа я довел дело до того, что Натили при всей учености и образованности поразился мне и все время боялся, как бы отец не прекратил мои занятия с ним и не приставил меня к другому делу. Поэтому он все время повторял отцу, чтобы он не брал меня из учебы.

Какой бы вопрос учитель ни выдвигал, я проникал в суть лучше его самого, пока не изучил у него все начатки логики, ибо в тонкостях ее он и сам не разбирался. Потом я занялся чтением книг по логике и тонкости этой науки изучил уже самостоятельно, так что и в этой области стал опытным и искусным.

Прошел я также с ним и пять—шесть теорем Эвклида, а остальные понял самостоятельно и разобрался в их трудностях. Затем мы перешли к «Альмагесту»[4]. Когда мы закончили вводную часть и перешли к геометрическим формулам, Натили оказался не в силах обучать меня. Он сказал: читай сам, решай теоремы, а затем приходи ко мне и показывай результаты, я тебе объясню, что правильно и что неправильно. Тогда я самостоятельно занялся изучением книг, а вставшие передо мной проблемы докладывал учителю, но следствием всего этого было только то, что таким путем были устранены некоторые смущавшие учителя неясности. Много было таких вопросов, которые он до того не знал и научился им от меня.

Затем Натили уехал в Гургандж. Я же продолжал читать и собирать книги. Попались мне «Фусус» и другие трактаты по физике и метафизике, и день ото дня врата знания раскрывались передо мной все шире. Тут я обратился к медицинской науке и занялся изучением книг по медицине. Так как медицина больших трудностей не представляла, то в короткое время мое искусство в этой области достигло таких пределов, что многие из известнейших врачей того времени стали приходить ко мне за советом. Занялся я также и практикой врачевания, и врата исцеления и опыта (в этом деле) распахнулись передо мной так, что и сказать нельзя. В то же время я не переставал изучать и фикх, а было мне в это время шестнадцать лет.

В старой Бухаре.

Полтора года я учился еще усерднее и снова прошел логику и все философские науки. Во все это время я с ночи до утра не спал, и с утра до ночи не отдыхал и, кроме научной работы, ничем не занимался. Если одолевал меня сон или ощущал я слабость, я разумно выпивал кубок чистого вина, дабы оно возвратило мне рассудительность — голове и силы — телу, а затем снова садился читать и писать. Если я после этого на мгновение забывался сном, то во сне я видел эти самые научные проблемы и часто бывало, что во сне спадал покров с трудных вопросов и мне удавалось разрешить их. Так я работал, пока не укрепился в основах наук и сокрытые тайны не раскрылись передо мной.

В логике, математике и науке о природе я стал силен и настолько продвинулся, что и сейчас, пожалуй, знаю не больше (чем знал уже тогда). Тогда я надумал изучить теологию. Прочитал я книгу «Метафизика», но не понял ничего, и намерения ее автора остались для

В восточном отделе библиотеки в Бухаре хранятся древние рукописи и книги. Среди них «Канон медицинской науки» Авиценны.

[1] Исмаилиты — мусульманская секта, ожесточенно боровшаяся с правоверным исламом и полагавшая, что все предписания ислама надо рассматривать, как аллегории.

[2] Фикх — мусульманское церковное право, включающее также и некоторые вопросы права гражданского, например, порядок наследования.

[3] «Исагуджи» — арабский перевод «Введения» неоплатоника Порфирия Тирского, книги, излагающей основы логики.

[4] «Альмагест» — трактат по космографии и астрономии александрийского ученого Клавдия Птоломея (II век нашей эры).

меня сокрытыми. Хотя я все сызнова брался за эту книгу и читал ее, пока не выучил наизусть, но попрежнему ничего не понимал. Я отчаялся (в возможности) понять ее и говорил себе: непонятная эта книга.

И вот однажды проходил я по базару переплетчиков; торговец громким голосом расхваливал книгу. Он предложил ее мне, я раздраженно ответил ему и сказал про себя: нет в этой науке пользы, непонятна она. Продавец настаивал: купи эту книгу, дешево отдам, а владелец ее нуждается. Купил я ее за три дирхема, вижу, это книга Абу-Насра Фараби «Тезисы метафизики». Я поспешил домой и начал читать ее. Двери основных мыслей этой книги раскрылись передо мной, и все трудности разъяснились. Возрадовался я этому случаю и на другой день в благодарность за это роздал нуждающимся обильные подаяния.

В это время Нух ибн-Мансура постигла тяжкая болезнь, врачи не справлялись с лечением, и болезнь становилась хронической. Среди врачей я был известен начитанностью. Эмиру упомянули мое имя и потребовали, чтобы я явился. Я пришел и принял участие в лечении эмира совместно с ними и (добился того), что он выздоровел. Эмир начал относиться ко мне с большим вниманием.

Как-то я попросил у эмира разрешения ходить в эмирскую библиотеку и пользоваться правом читать медицинские книги. Эмир исполнил мою просьбу. Когда я вошел, увидел я здание, где было много комнат и в каждой комнате были ящики, полные книг. Одна комната была отведена под арабские книги и стихи, другая — под фикх, и так каждая комната служила для книг какой-нибудь одной специальности.

Я прочитал список книг моих предшественников и начал брать книгу за книгой — все, что хотел. Различные книги, которые я там видел и читал (можно полагать), никто даже и названия их не слыхал. Я до того их и не видел, да и после видеть не приходилось.

Прочитал я эти книги, многое почерпнул и достиг степени знатоков науки. Когда исполнилось мне восемнадцать лет, я закончил изучение всех наук, и после этого ничего нового мне уже не открывалось. Разница в том, что я тогда науки более схватывал налету, а сейчас подхожу к наукам более зрело и знаю их основательнее и яснее.

А по соседству со мной жил некто по имени Абу-л-Хусейн Арузи. Он попросил меня написать для него книгу, обнимающую общие вопросы. Я исполнил его желание и написал книгу под названием «ал-Маджму» — «Собранное» — и изложил там все науки, кроме математики. А было мне в это время двадцать один год.

Был у меня другой сосед из жителей Хорезма, звали его Абу-Бекр Бараки. Был он знатоком фикха, тафсира — толкования Корана и аскетических учений и очень склонен к наукам умозрительным. Он попросил меня написать для него комментарий на философские вопросы. Я написал для него книгу «ал-Хасил ва-л-Махсул» — «Получаемое и достигаемое» — в двадцати томах. Для него же я написал по этике «ал-Бирр ва-л-Исм» — «Доброе деяние и грех», — и этих книг нет ни у кого, кроме него, и не одалживал он их никому, чтобы можно было снять копию.

А в это время умер мой отец, и положение мое стало трудным. Волей-неволей пришлось мне поступить на работу в диван. Но прошло немного времени, и мне в силу необходимости пришлось покинуть Бухару и поспешить в Гургандж.

В то время Абу-л-Хусейн Сухейли, человек благосклонный к учению, был везиром хорезмшаха. Я прибыл к этому Али ибн-Мамуну хорезмшаху, а был я тогда в одежде факихов, законоведов, с тайласаном — широким плащом — и концами чалмы, завязанными под подбородком. Мне назначили месячное (жалованье) такое, какое было уместно для человека вроде меня. Но некоторое время спустя я по необходимости отправился в Неса, а оттуда в Бавард, а оттуда в Тус, а оттуда в Шекан, а оттуда в Саманган, а оттуда в Джаджурм, а оттуда в Хорасан, а затем, намереваясь встретиться с эмиром Кабусом, пустился в сторону Гургана. Но в это время войско его взбунтовалось и заточило его в одном из замков. Прошло немало времени, и он в заключении умер. Поневоле мне пришлось отказаться (от мысли) поселиться в Гургане.

Перевод Е. БЕРТЕЛЬСА

ИЗРЕЧЕНИЯ АВИЦЕННЫ

Так как друг много водился с моим врагом, то мне уже не годится более водиться с другом. Остерегайся того сахара, который смешан с ядом, берегись той мухи, которая сидела на дохлой змее.

* * *

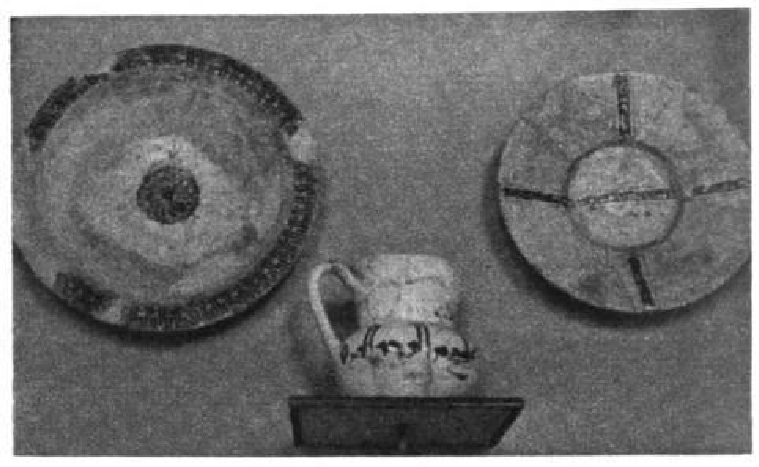
От глубин черного праха до вершин Сатурна я разрешил все загадки мира. Вырвался я из оков всех хитростей и уловок, распутаны все узы, кроме... уз смертного часа.

* * *

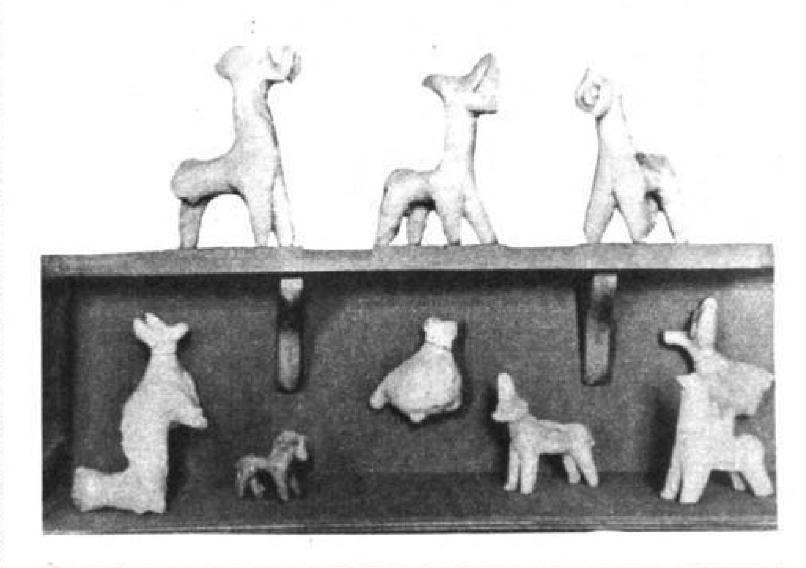
О, если б знать, кто же я такой, для чего блуждаю я в мире! Если мне суждено райское блаженство, покойно и счастливо жил бы я, если же нет, рыдал бы тысячью глаз.

* * *

Вино — враг пьяному и друг трезвому. Небольшое его количество — противоядие, а большое — змеиный яд. В большом количестве его вред немал, а в малом количестве его — польза велика.

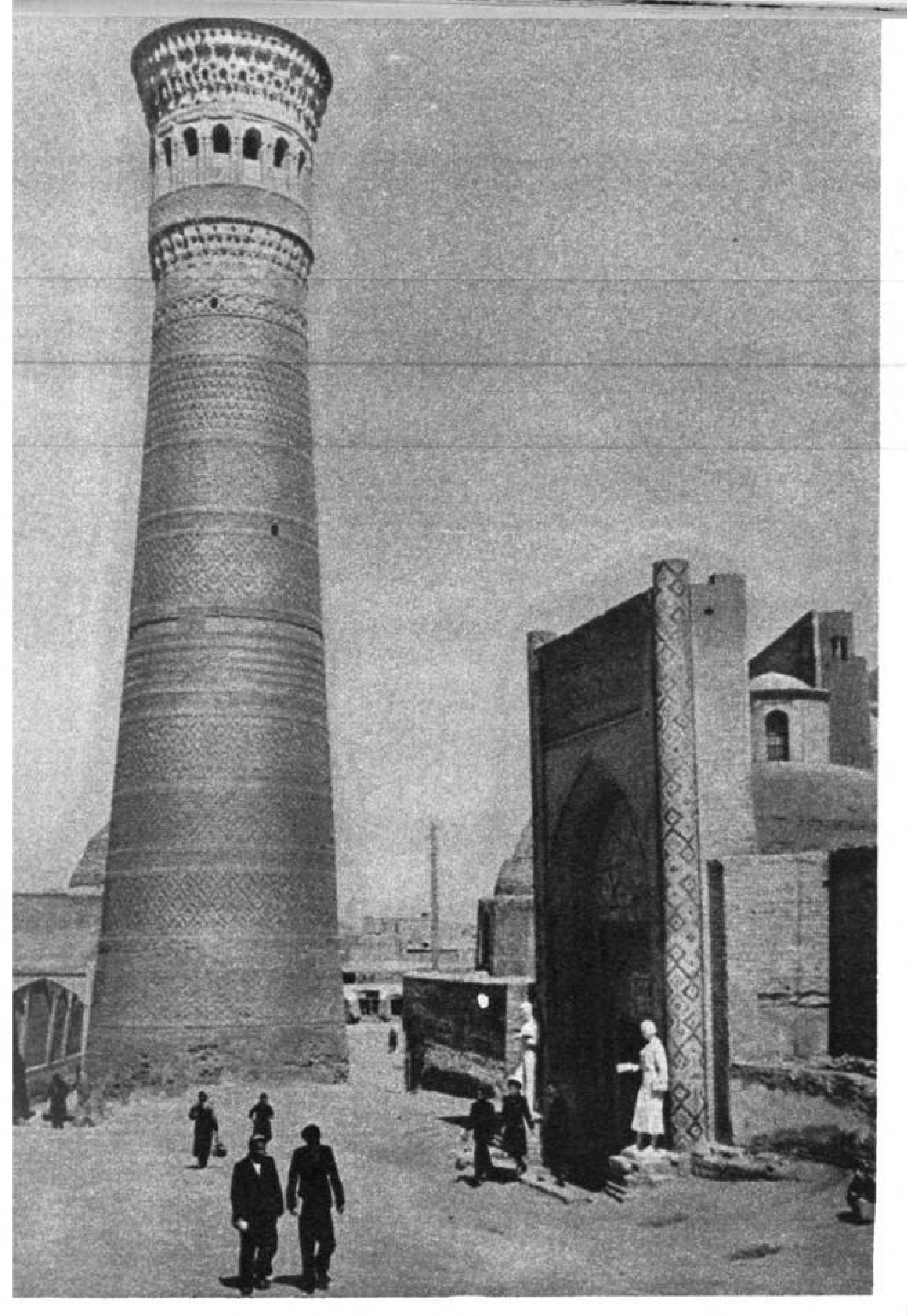

В Ленинградском Эрмитаже бережно хранится множество предметов материальной культуры Средней Азии той эпохи, когда жил и работал Авиценна. Здесь бронзовые кувшины и глиняная поливная посуда, тарелки, блюда и чашки, резьба на алебастре и удивительные детские игрушки.

Бухарская областная библиотека имени Авиценны.

НА РОДИНЕ великого бухарца

Я. ФОМЕНКО

Фото Я. Каминера

Встречный грузовик оставил после себя удушливое облако пыли. Ничего не видно, хотя погожий, солнечный день в самом разгаре. Долго надо ждать, пока взвихренные мельчайшие частицы лессовой почвы осядут на землю.

Спасибо ветру. Он дунул слегка, и воздух стал попрежнему чист и прозрачен. Вновь открылись цветущие сады, ряды тополей, одиноко стоящие могучие братья нашего дуба — карагачи — и ровные, как обеденный стол, хлопковые плантации.

Было время, когда человек отступал перед яростным натиском Кзыл-Кумов. Столетие назад шестнадцать тысяч жителей Рометана, спасаясь от наступающих барханов, покинули свои жилища и переселились на хивинские земли.

Потом пришла пора, когда люди двинулись в контрнаступление. Нашлась сила, способная потеснить пески,— колхозный строй вооружил советского человека и техникой и сознанием своего превосходства над стихиями природы. Пустыня оказалась в положении осажденного. Все меньше остается покрытых песком пространств. Рощи саксаула выстроились у края Кзыл-Кумов пограничными часовыми, и под их защитой проходит сложная операция по уничтожению вторгшихся когда-то на культурные земли песчаных полчищ.

Вот и Рометан. Не верится, что тут некогда господствовали пески. В густой зелени утопают плоскокрышие дома. По улицам громыхают, направляясь в поле, тракторы.

Некоторые исследователи предполагают, что нынешний Рометан назывался в средние века Хармейсаном. Десять веков назад на этой земле родился мальчик Хусейн, которому в зрелом возрасте современники заслуженно присвоили титул «князь науки». Это о нем спустя семьсот лет после его смерти ученые Востока говорили: «Степень его талантливости превыше того, чтобы на нее взлетела птица воображения». Это о нем через тысячу лет со дня его рождения председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри говорил как о великом ученом, вся деятельность которого была «основана на требованиях истины и разума».

Человек этот — Авиценна, медик, философ, математик, поэт и музыкант, автор научных трудов и литературных произведений, государственный деятель и еретик, дерзновенными поисками истины встревоживший мракобесов и своими познаниями обогативший мировую культуру. Его философский трактат «О Хайе, сыне Якзана» был источником сюжета для арабского романиста ибн-Туфейля и автора «Робинзона» Даниэля Дефо. Отблески идей Авиценны сверкают в «Эмиле» Руссо. Его «Канон медицинской науки» на одних правах с библией печатался на станке, изобретенном Гутенбергом.

* * *

Хармейсан, нынешний Рометан,— районный центр в получасе езды на северо-запад от Бухары.

Земля, по которой бегал когда-то мальчик Хусейн, находится в вечном пользовании крестьян артели имени Кирова. Файзи Джураев, председатель колхоза, скромный и застенчивый человек, считает себя малосведущим в истории средневековой культуры, но зато прекрасно знает историю последних десятилетий. Это история и его жизни. Одним из первых, еще в 1929 году, Файзи вступил в только что созданную артель, прошел труднейшую школу эпохи становления и укрепления социалистического строя на древней бухарской земле и два года, как стоит во главе колхоза.

Файзи Джураев охотно отвечает, когда его спрашивают про колхозные дела.

Что выращивает артель? Хлопок, пшеницу, виноград, фрукты, овощи, бахчевые...

Скот? Конечно, есть. Четыре тысячи овец и шестьсот голов крупного рогатого скота. Есть и каракулевые овцы.

Техника? Джураев улыбается. Техника есть всякая. Есть и кетмени, есть и экскаваторы. А как же! Самые настоящие. Видели недалеко от Исфани горы свежевырытой земли? Это их работа. Сколько тысяч кетменей понадобилось бы, чтобы прорыть реку?

Джураев задумывается. То ли он подсчитывает количество трудодней, необходимых для прокладки того арыка, что прорыли в нынешнем году экскаваторы, то ли у него родилась какая-то новая мысль и отвлекла в сторону от темы разговора. Нет, мысль не новая. Она давно его занимает. Колхозу нужно электричество. Добыть его нелегко. А может быть, с Аму-Дарьи придет энергия? Далеко, правда, но колхозники считают так: сил у народа достаточно, чтобы на Аму построить, если надо, не одну и не две, а десяток станций. Наверное, так и будет.

* * *

Авиценна диктует своему ученику Абу-Убейду Джузджани повесть о днях своей юности. Джузджани записывает... Учитель вспоминает, как юным врачевателем он предстал перед повелителем Бухары. Встречаются немощный властелин и обладатель единственного богатства — знаний — молодой ученый, уверенный в своих силах.

...Неизвестно, существовало ли тысячу лет назад селение Янги-базар. Ныне оно существует и расположено недалеко от кишлака Исфани, в том же Пешкунском районе. Есть в нем средняя школа. Ей присвоено имя Абу-Али ибн-Сина — Авиценны.

Когда здешние учителя говорят со своими воспитанниками о прилежании в науках, они называют имя Авиценны. Когда они хотят привить ученикам любовь к знаниям, приводят в пример «великого бухарца». Часто звучит в классах имя, присвоенное школе. Великий энциклопедист средневековья оставил после себя такое наследство, что им до сих пор пользуются и биологи, и математики, и географы, и историки, и литераторы, и руководители физкультуры, и музыканты. Сохранилось предание, что Авиценна, слывший при жизни авторитетным знатоком теории музыки, в сотрудничестве с поэтом Хосровом сконструировал смычковый инструмент — гиджак, живущий и поныне.

После уроков группа девочек-старшеклассниц задержалась в классе. Отличница Бадам Джураева взяла указку и подошла к висящей рядом с таблицей Менделеева карте. Школьницы хотят крепче запомнить города, куда превратная судьба бросала ибн-Сина.

Указка передвигается на запад от Бухары, к Каспийскому морю. Ургендж... Сюда, в столицу древнего Хорезма, бежал Авиценна во время нашествия тюрков-караханидов. Из Ургенджа, спасаясь от газнийского султана Махмуда, он вместе с поэтом Масихи бежал в Иран. Дорога лежит через Кара-Кумы. Спутник и друг Масихи, не выдержав смертоносной песчаной бури, погиб в пустыне. Авиценне удалось добраться до Гургана...

Указка движется к Хамадану. Тут похоронен великий скиталец и мыслитель.

Иные города, где жил Абу-Али ибн-Сина, исчезли бесследно, иные лежат в развалинах, а те, что остались, сильно изменились. Неузнаваемой стала и Бухара, где исцелял своих первых пациентов Авиценна, где он составил «Словарь медицинских терминов» и накопил баснословные богатства знаний. Каким-то чудом после всех разрушений и пожаров, пережитых за тысячу лет Бухарой, от эпохи Авиценны сохранился памятник, поражающий экскурсантов удивительной простотой и изяществом формы. Первое впечатление, когда видишь мавзолей Исмаила саманида, таково, будто сооружение соткано из какого-то драгоценного полупрозрачного материала — настолько оно легко,

воздушно и величаво, несмотря на небольшие размеры. Между тем мавзолей сложен из простого кирпича. Искусство зодчего облагородило грубый, казалось бы, материал, и он заиграл самыми разнообразными, какими только возможно, комбинациями геометрических форм, чередований света и тени. Можно часами, не отрываясь, смотреть на изящные угловые колонки, галерейки, легко переброшенные через проемы дверей арки, на обрамление уходящих в глубину здания верхних окон. В парке культуры и отдыха, где находится мавзолей Исмаила, всегда многолюдно: тут и местные жители и приезжие. Вот и сегодня сюда пришла со своим классом учительница истории 7-й средней женской школы имени Ушинского Роза Баганова. Задумчивы лица слушательниц. Как давно это было — конец десятого — начало одиннадцатого века! Слава этого замечательного произведения искусства — ровесница славы великого Авиценны.

Школьники знают имя знаменитого предка не только из уроков истории. В старой Бухаре рядом с гигантским минаретом Калян находится одна из лучших библиотек Узбекистана. Она названа именем Абу-Али ибн-Сина.

В Бухарском музыкальном училище. Второкурсник Амин Каримов играет на гиджаке — инструменте, созданном, по преданию, Авиценной и поэтом Хосровом.

У входа в библиотеку скульптура юноши и девушки с книгами в руках. Перешагнув через порог, читатель попадает в маленький дворик. Отсюда виден залитый солнцем внутренний большой двор; значительную часть года он служит открытым читальным залом. Влево, под резной аркой, вход в читальню и книгохранилище. Всевластная хозяйка здесь — тишина. Иногда лишь раздается шелест перелистываемых страниц или приглушенный голос сидящих за одним столом студентов педагогического института и слушателей фельдшерско-акушерской школы.

Эта библиотека — один из первенцев советской культуры в Средней Азии. Впервые читатели переступили ее порог 28 сентября 1920 года. С тех пор она стала притягательным центром культурных сил города и области. Просмотрев абонементные карточки в узких ящиках и годовые отчеты читального зала, можно судить об уровне духовных запросов жителей Бухары. В числе абонентов около 400 педагогов и медицинских работников. Для библиотеки города, имеющего кроме того множество других библиотек, цифры эти весьма характерны и показательны. Посещаемость — 200 тысяч человек за год. В кабинете директора Алимша Хамрошаева рядом с портретом Авиценны хранится переходящее Красное знамя — это за победу в социалистическом соревновании.

Книжные богатства библиотеки размещены в 50 комнатах-хранилищах. Под особым попечением находится фонд рукописей и старинных печатных изданий по истории, экономике, культуре Востока. Тут можно увидеть орнаментированные золотом, серебром и чудесными красками, со множеством виньеток, заставок, старинные книги, исполненные крупными мастерами миниатюр и каллиграфии. Вместе с рукописными произведениями Алишера Навои, Фирдоуси и Хафиза сохраняется «Канон медицинской науки» Авиценны, изданный несколько столетий назад.

Люди, склонные к преувеличениям, часто называют Бухару городом-музеем. Действительно, тут много памятников прошлого, начиная от Арка — резиденции эмира с казематами и ямой-клещевником — и кончая полуразрушенными крепостными стенами и глинобитными домами, повернутыми глухими стенами в сторону улицы. Иногда попадешь в такой лабиринт улиц-ущелий, в такую часть города, что все здесь напоминает картинки из старых книг по истории восточного средневековья. И через десять минут, возвратившись к Арку, напротив его увидишь светлое здание Дома Советов, а немного в стороне — музыкально-драматический театр. Новые дома и жилые массивы промышленных предприятий вышли за стены старого города, потянулись в направлении станции Каган.

Бухару, если говорить о внешнем ее виде, вернее назвать городом контрастов. По соседству с высохшим Ляби-Хаузом, обсаженным гигантскими карагачами, находится Дом пионеров. В медресе Диванбеги разместилась гостиница. Параллельно с Шахрудом, древним арыком, тянется магистраль современного водопровода, и его башня высотою спорит с минаретом Калян. Где был базар Аттаран, теперь сквер имени М. В. Фрунзе.

Эти контрасты внешнего облика города не в состоянии, однако, заслонить то, что лежит в основе его жизни,— политическое и моральное единство, общую для всех жителей устремленность к новому в труде, в культуре, к созданию материального и духовного изобилия. По городу гремит слава стахановца-новатора Садуллы Ташпулатова, запарщика шелкомотальной фабрики, сэкономившего за год столько сырья, что его хватило на два дня работы всей фабрике. В стенах музыкального училища вслед за народными узбекскими мелодиями можно услышать и Чайковского и Шостаковича. Концертмейстер Анна Михайловна Давиденко аккомпанирует второкурснику Амину Каримову, исполняющему популярную русскую песню на гиджаке.

Бухара — древний город, но не город-музей. Он живет такой же полнокровной жизнью, как и юные города нашей Родины. Его жители готовятся вместе со всем культурным человечеством, борющимся за мир и прогресс, отметить тысячелетие со дня рождения своего предка и земляка, неутомимого искателя истины и поборника разума Авиценны.

Бухара. Рометан.

Экскурсия школьников у мавзолея Исмаила саманида.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

СЕ МАН ИР,
корейский писатель

В августе 1945 года повсюду носились слухи, что волею Сталина Советская Армия-освободительница идет на юг, чтобы вызволить мой народ из ярма японских захватчиков.

14 августа японские власти известили, что по радио с чрезвычайным сообщением выступит Хирохито. В указанный час мы сидели у приемника. Мы еле разобрали слова о том, что он, микадо, желая, мол, спасти свой народ от атомной бомбы, заключает мир. Но мы уже хорошо знали, что не атомные взрывы в Хиросиме и Нагасаки принудили японского императора поднять руки,— японский разбойничий империализм привели к капитуляции мощные удары героической Советской Армии.

Когда мы с матерью возвращались на родину, я впервые в жизни увидел русских. На машинах и танках ехали сильные и веселые люди — белокурые и голубоглазые, а то и черноволосые с темными глазами. В купе вагона рядом с нами сидел старик-кореец, а напротив — советский офицер, капитан. Звучные мужественные песни русских разносились по вагону и заглушали стук колес. Горбатый старик, несмело, но уже доверчиво улыбаясь, глядел на офицера. Русский тоже улыбался ему.

Происходило чудо: иностранный офицер не выгонял из купе корейцев, не оскорблял их. Нет! Он помог корейской женщине, моей матери, поднять вещи и положить их на полку!..

— Хорошо ли ты видишь вокруг себя? — спросил старик, указывая на глаза офицера.

Русский силился понять слова незнакомой речи.

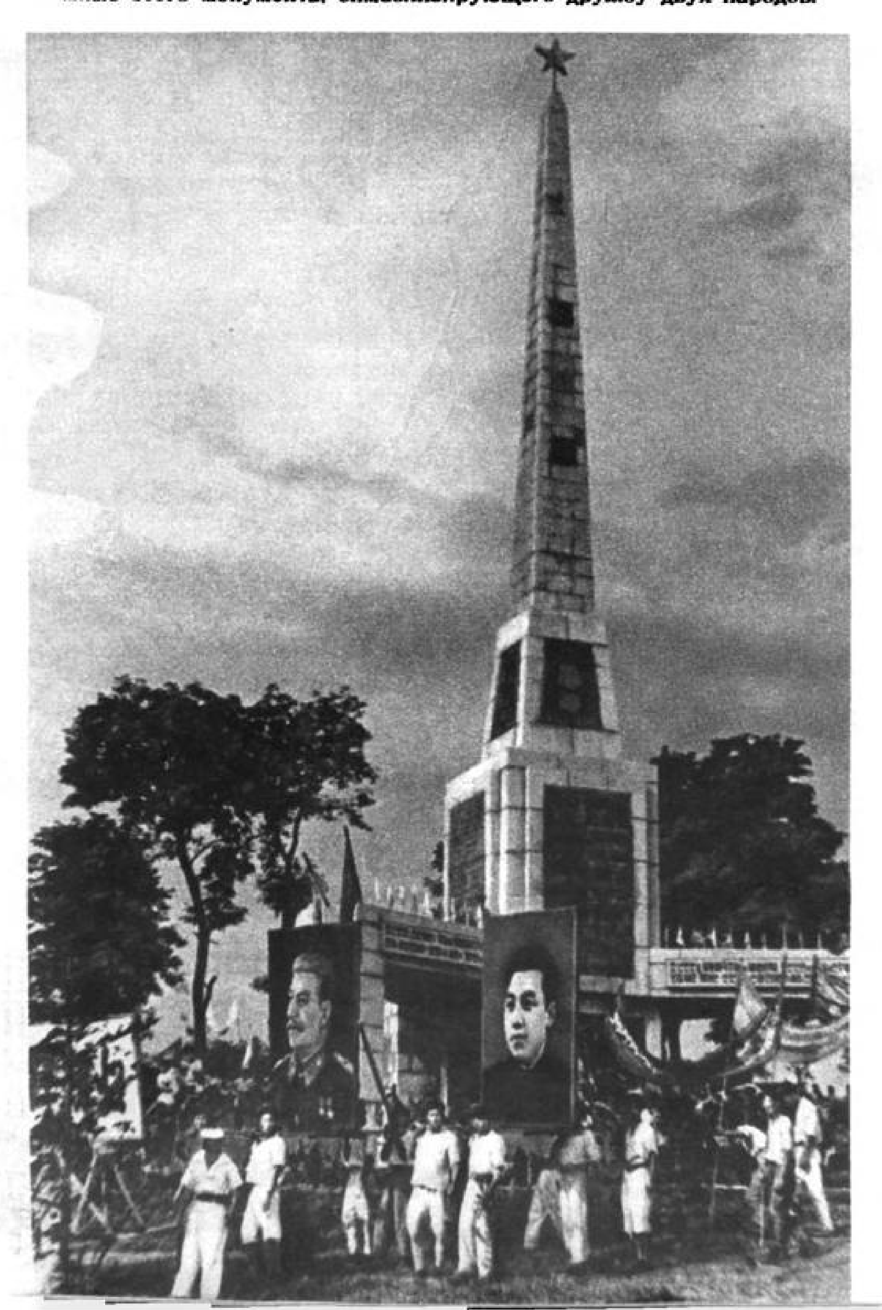
Тогда старик сделал круглые, как у русских, глаза и, указывая пальцем на себя, на меня с матерью, спросил:

— Я спрашиваю: ты все видишь твоими голубыми глазами?

Русский понял, засмеялся еще веселее и слегка пожал руку старику. Радостно смеялись мы все: офицер, старик, мать и я...

Наконец мы пересекли Амнокган. Сколько корейцев переходило эту реку, покидая родную землю в поисках куска хлеба, спасаясь от гнета японских поработителей!

В честь советских воинов, принесших Корее свободу и независимость, корейский народ воздвиг обелиск на горе Моранбон, близ Пхеньяна. В дни народных празднеств стало традицией устраивать торжественное шествие мимо этого монумента, символизирующего дружбу двух народов.

Сделав первый шаг по земле родины, мать моя опустилась на колени.

— Такая мягкая,— сказала она,— что хочется босиком пройти ее всю... Нигде нет такой земли!

Советская Армия шла вперед и вперед. И там, где двигались воины-освободители, на дороги выходили счастливые корейцы. Женщины выносили русским солдатам медовую воду, яблоки, груши.

Среди выстроившихся на дорогах корейцев были бледные, изможденные люди, только что освобожденные из страшных японских тюрем.

Всюду, где появлялся советский солдат, звенел радостный смех, звучали слова благодарности, идущей от сердца.

О русский! В глаза твои голубые взглянуть —
Синеву увидишь русских рек и озер.
Взглядом обнять твою широкую грудь —
Вспомнишь русских степей простор.
Ты пришел к нам поступью воина-богатыря,
Посланный освободителем угнетенных, Сталиным,
С горящей на шлеме звездой Октября,
И свободы лучи заблистали нам.
Смотри, встречать тебя вышли дети.
Как цветы, в их ручонках флаги,
И этот вот старик преклоннолетний,
Что впервые вновь надел турумаги [1],—
Он расправил в рабстве иссохшую грудь,
Чтоб ветер, песней твоей напоенный, вдохнуть.
Ты видишь, русский солдат, эту женщину:
Взгляд ее неугасимым горем горит,
Голова ее серебром печали увенчана,
И в руках ее — окровавленные цогори!
Она протянула тебе цогори... Это мужа одежда.
Он погиб в японской тюрьме, но не склонил колена.
И одежда сына, что с юной надеждой
Ушел в партизанский отряд Ким Ир Сена...
Взгляни на нее... Всем большим своим сердцем за нею
Стоит, встречая тебя, Корея.
О русский! В глаза твои голубые взглянуть —
Синеву увидишь русских рек и озер.
Взглядом обнять твою широкую грудь —
Увидишь русских степей простор.
Ты пришел — и разверзлись стены тюрьмы,
И течет родник радости, чист и кристален,
И на светлый путь счастья вступили мы
Потому, что тебя прислал Сталин!

Советская Армия дала возможность народу Северной Кореи начать новую, счастливую жизнь. Народ создал свою, народную власть. Освобожденные рабочие, крестьяне, рыбаки стали хозяевами страны, они гордо строили свое народное государство. Как восторженно приветствовал народ своего вождя Ким Ир Сена, вернувшегося из партизанского отряда! Росла Трудовая партия Кореи. Расцветала жизнь...

В декабре 1948 года Советская Армия возвращалась на Родину. Яркими цветами осени осыпали корейцы своих освободителей. Каждому хотелось последний раз взглянуть на них, пожелать им счастливого пути и еще раз крепко пожать руку за то, что сделал для Кореи дружественный советский народ.

В предуказанный день возвращаетесь вы домой,
Оставляя в нас силу и гордость хозяев земли.
Веет дымка разлуки над дружбой нашей большой,
Над радостью, что вы нам принесли.
Ждут вас светлые города и гиганты-заводы
И прославленные плодородьем колхозы,
Вы уходите к звездам Кремля, чтобы на долгие годы
Строить мир, где утихнут военные грозы.
Добрый путь, друзья! Мы навеки, навеки с вами!
Мы клянемся: звезды небо покинут скорее,
Чем сумеет кто-либо снова сделать рабами
Вами поднятых к счастью сынов Кореи!

Корейский народ страстно желал воссоединить свою родину мирным путем и сделать ее цветущим садом для всех корейцев. Американские захватчики с помощью предателей корейского народа напали на Корейскую Народно-Демократическую Республику. На земле моей родины запылал огонь войны.

Сегодня корейский народ грудью стоит на защите своего счастья, будущего своих детей. Он отстоит свое будущее. Он выполнит клятву, которую дал своему освободителю — советскому народу. Ибо нет в мире силы, способной покорить людей, которым принесла свободу героическая армия Сталина.

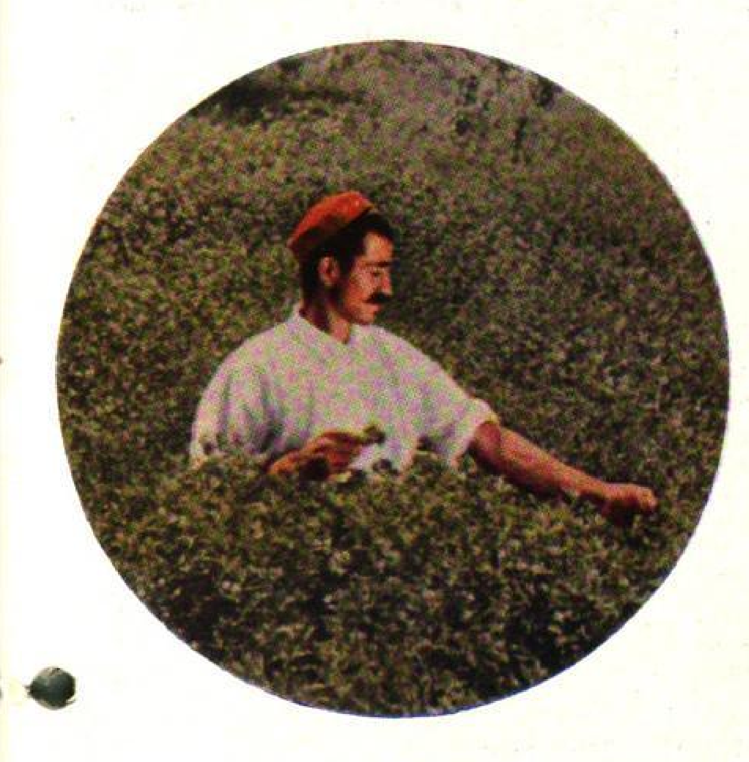
Слушай, солдат, чьи глаза, как Байкал,
Чья грудь, словно Приволжская степь!
Янки-убийца на нас напал,
Грозя надеть на нас рабства цепь.
Нам нелегко. Но помним мы,
Как ты побеждал в Сталинграда огне,
Как спас мир от фашистской чумы
В своей справедливой, великой войне.
Мы видим тебя сквозь черный дым
И помним о друге, бросаясь в бой.
Мы победим!
Мы не посрамим
Священной нашей дружбы с тобой!

Перевел Олег БУШКО

[1] Верхняя одежда корейцев; во времена японской оккупации крестьяне могли ее носить только в особо торжественных случаях.

БОТАНИЧЕСКИЙ САД НА ПАМИРЕ

Фото В. ШАХОВСКОГО

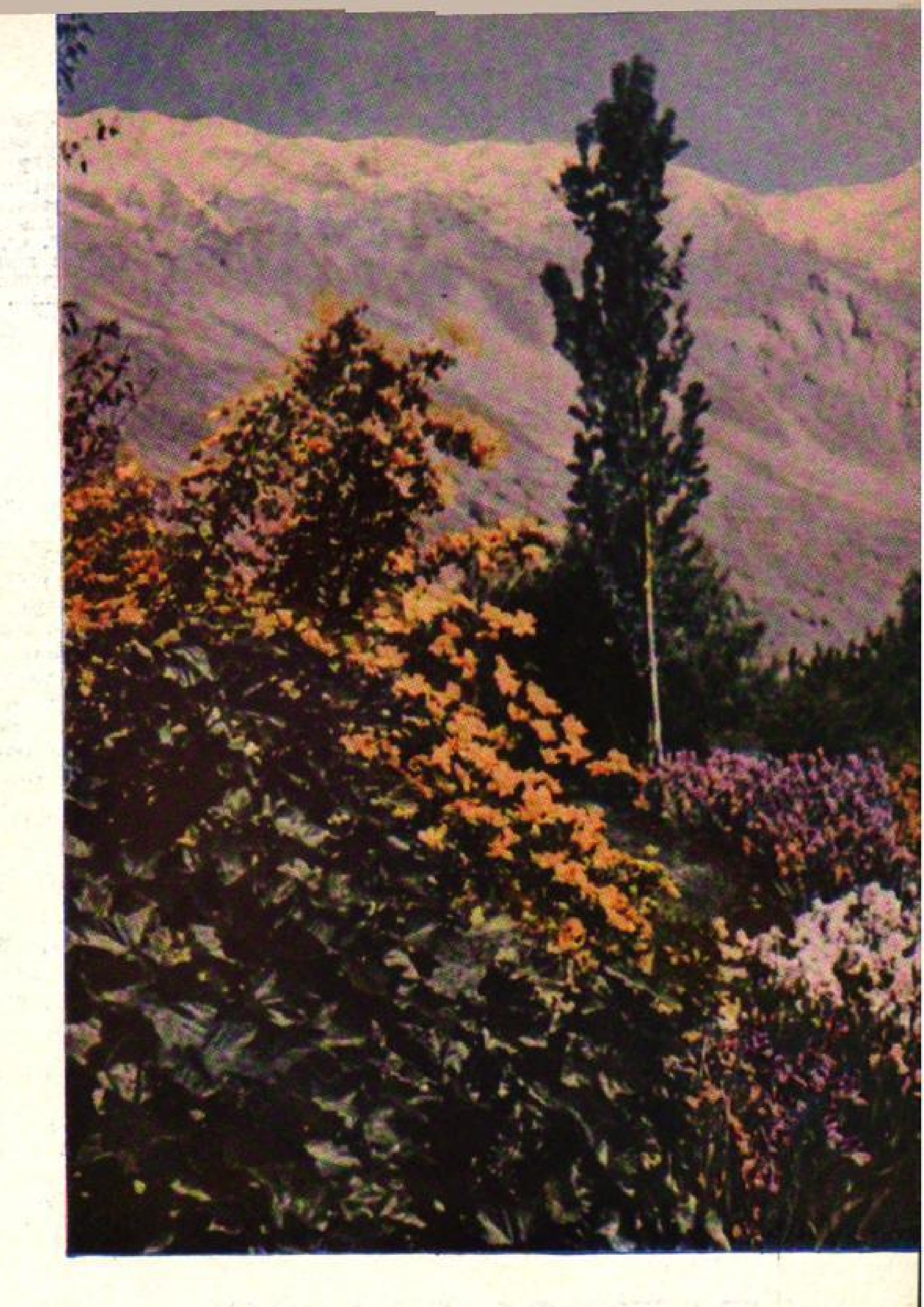

В ботаническом саду испытываются разные сорта люцерны. Один из участков семенной люцерны мы видим на снимке вверху. Работник сада Шакар Шамиров определяет зрелость семян.

Горные хребты, ущелья, ледники... Так недавно еще представляли себе «крышу мира» — Памир. Что касается памирской растительности, то энциклопедия по этому поводу дает справку, что в связи с сухостью и суровостью климата и резкими переменами погоды растительность в горах Памира бедна.

И вот в этой «холодной пустыне», на высоте 2 320 метров над уровнем моря, ныне расположен самый высокогорный ботанический сад нашей страны. Советские люди, вырастившие этот сад, изучают особенности жизни растений в горных условиях с тем, чтобы полезные растения перенести на колхозные поля Памира.

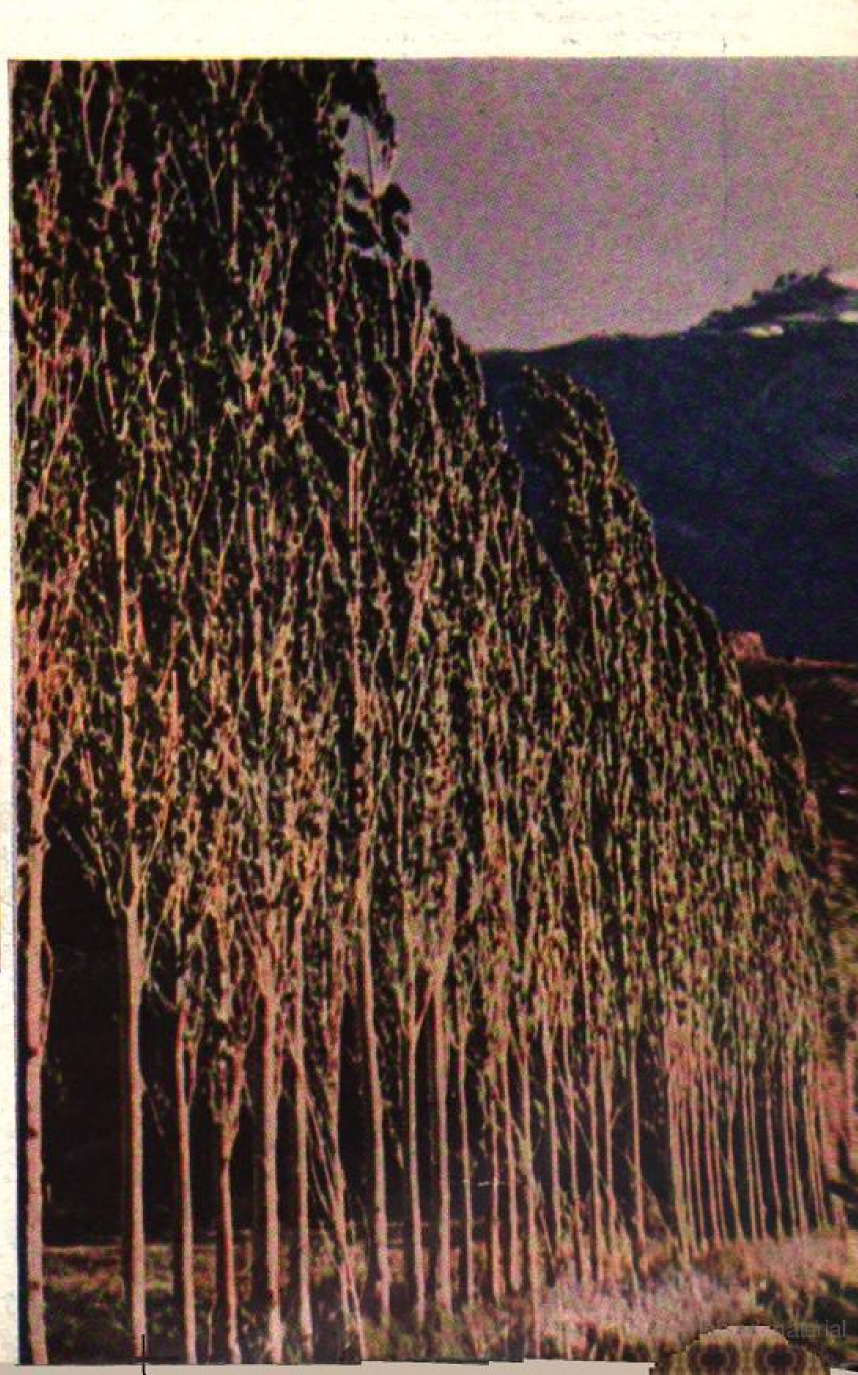
Основная, решающая культура в западных районах Горно-Бадахшанской автономной области, на территории которой находится Памирский ботанический сад Академии наук Таджикской ССР, — люцерна. Она нужна для развития животноводства.

Памирский ботанический сад — излюбленное место отдыха жителей города Хорога. На снимке справа — один из красивейших уголков сада, с золотистой розой, цветущим ирисом и пирамидальным тополем.

Памирские колхозники успешно занимаются садоводством. И тут им приходит на помощь ботанический сад, ежегодно отпускающий тысячи плодовых саженцев. На снимке: директор сада А. В. Гурский с помощью работниц производит окулировку яблони.

Сталинский план преобразования природы осуществляется и на далеком Памире. По берегам рек и каналов высаживаются деревья. В некоторых районах Горно-Бадахшанской автономной области летом дуют сильные ветры. Здесь нужна надежная защита от них. На снимке справа — защитная лесная полоса пирамидальных тополей.

В начале июня в саду созревают десять сортов земляники. Их тщательно изучают. Научный работник Л. Ф. Остапович (снимок справа) с помощью рефрактометра определяет содержание сахара в землянике.

Колхозы получают из сада не только саженцы плодовых деревьев, но и семена цветов.

На снимке слева — уголок семенных коллекций цветочных растений.

В саду выращены и прекрасно цветут бештаугорский мак с крупными темнокрасными цветами, разные виды и сорта ириса, в том числе ирис флорентинский. Работница сада Аспармо Абдулосанова срезает цветы ириса (снимок слева внизу).

* * *

Сотрудники молодого ботанического сада работают в тесном содружестве с колхозниками Горно-Бадахшанской автономной области.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

И. В. СТАЛИН выступает с докладом на VI съезде РСДРП(б).
Рисунок художника П. Васильева.

На проспекте имени Карла Маркса в Ленинграде, против корпусов прядильно-ткацкой фабрики «Октябрьская», стоит небольшой двухэтажный дом. У входа в дом в эти дни можно встретить не только ленинградцев, но и людей, приехавших из многих мест нашей Родины. В памяти воскресают славные страницы героической истории большевистской партии, когда читаешь высеченные золотом на белоснежном мраморе строки:

«Здесь 8 августа (26 июля) 1917 г. начал свою работу VI съезд Р.С.Д.Р.П. (большевиков), нацеливший партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию. Работа съезда проходила под идейным руководством

В. И. Ленина,

скрывавшегося под Сестрорецком от преследования ищеек Временного правительства. Основными вопросами съезда были два доклада

И. В. Сталина:

политический отчет Центрального Комитета и доклад о политическом положении. Духом Ленина, его идеями, его твердым руководством и его прямыми, конкретными указаниями наполнена работа съезда, доклады и выступления товарища Сталина».

Мемориальная запись напоминает о знаменательном событии, происшедшем 35 лет назад. В самой гуще рабочих кварталов Петрограда, на Выборгской стороне, тогда Сампсониевском проспекте, в неприметном доме № 37, по соседству с заводами и фабриками, собрался VI съезд партии большевиков. В этом доме И. В. Сталин выступил на съезде с отчетным докладом Центрального Комитета.

После июльских событий, когда вся власть перешла в руки Временного буржуазного правительства, партия большевиков находилась в подполье. Съезд, продолжавшийся с 8 по 16 августа 1917 года (по новому стилю), проходил нелегально, в обстановке невероятной травли со стороны буржуазной и мелкобуржуазной печати. Буржуазия требовала ареста участников съезда. Работа его переносилась то в одно, то в другое место. Первые заседания происходили на Выборгской стороне, а последние — на рабочей окраине Петрограда, у Нарвских ворот.

На Новосивковской улице привлекает внимание одноэтажный дом под № 23. Это — второе место заседаний съезда.

Неподалеку отсюда, у Нарвских ворот, на Петергофском шоссе (ныне улице Стачек), тогда помещалось деревянное здание школы. В ней продолжал и закончил свою работу VI съезд партии. На месте школы, где закончил работу исторический VI съезд РСДРП(б), выстроен большой Дворец культуры.

Сыщики Временного правительства сбились с ног, разыскивая место заседаний, но так и не нашли. Рабочие питерских заводов зорко охраняли съезд от ищеек.

Так через 5 месяцев после свержения царизма большевики вынуждены были собираться тайком, а вождь пролетарской партии В. И. Ленин вынужден был скрываться в шалаше близ станции Разлив, откуда руководил съездом через товарища Сталина, своих соратников и учеников. Гонения на большевиков, на рабочий класс в июльские дни не только не уменьшили влияния партии большевиков, а, наоборот, еще более увеличили его. Рабочие и солдаты стали массами покидать меньшевиков и эсеров, презрительно называя их «социал-тюремщиками». Ряды нашей партии увеличивались. На съезде делегаты представляли уже около 240 тысяч членов партии.

В своих докладах на съезде товарищ Сталин показал, что, несмотря на все усилия буржуазии подавить революцию, революция растет и развивается. Он указывал, что революция ставит вопрос об осуществлении рабочего контроля над производством и распределением продуктов, о передаче земли крестьянам, о передаче власти из рук буржуазии в руки рабочего класса и крестьянской бедноты. Он говорил, что революция становится по своему характеру социалистической.

Товарищ Сталин сформулировал задачи и тактику партии в борьбе за социалистическую революцию. Политическое положение в стране после июльских дней резко изменилось. Не стало двоевластия. Советы с их эсеро-меньшевистским руководством не захотели взять всю власть и поэтому стали безвластными. Власть сосредоточилась в руках буржуазного Временного правительства, которое продолжало разоружать революцию, громить ее организации, громить партию большевиков. Возможности мирного развития революции исчезли. «Остается, говорил товарищ Сталин, одно—взять власть силой, свергнув Временное правительство. Но взять власть силой может лишь пролетариат в союзе с деревенской беднотой». Лозунг «Вся власть Советам» после июльских дней большевиками был снят. Однако временное снятие этого лозунга отнюдь не означало отказа от борьбы за власть Советов. Речь шла не о Советах вообще, как органах революционной борьбы, а лишь о Советах, руководимых меньшевиками и эсерами. «Мирный период революции кончился, — говорил товарищ Сталин. — Наступил период схваток и взрывов».

Товарищ Сталин дал отпор троцкистам, которые считали невозможной победу социализма в России. В ответ на вылазку троцкистов, пытавшихся курс партии на социалистическую революцию поставить в зависимость от пролетарской революции на Западе, товарищ Сталин заявил:

«Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Слова товарища Сталина были пророческими: Россия первой указала путь к социализму.

Съезд обсудил экономическую платформу большевиков и утвердил ее. Конфискация помещичьей земли и национализация всей земли в стране, национализация банков, национализация крупной промышленности, рабочий контроль над производством и распределением — таковы основные пункты платформы. Во всех своих решениях VI съезд подчеркнул ленинское положение о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства как условии победы социалистической революции.

На съезде обсуждался вопрос о явке Владимира Ильича на суд. Товарищ Сталин решительно высказался против явки Ленина на суд контрреволюционеров. Съезд также высказался против явки В. И. Ленина на суд, считая, что это будет не суд, а расправа.

VI съезд принял новый устав партии, где было указано, что все организации партии должны строиться на началах демократического централизма.

Съезд осудил меньшевистскую теорию нейтральности профсоюзов и указал, что серьезные задачи, которые стоят перед рабочим классом России, могут быть выполнены лишь в том случае, если профсоюзы будут оставаться боевыми классовыми организациями, признающими политическое руководство партии большевиков. На съезде была принята резолюция «О союзах молодежи». Последующей работой партия закрепила эти организации молодежи как свой партийный резерв.

Съезд объединился вокруг товарища Сталина, отстаивавшего учение В. И. Ленина о возможности победы социализма в нашей стране. Под руководством товарища Сталина, по директивам В. И. Ленина VI съезд партии стал съездом подготовки к восстанию. Съезд нацелил партию на вооруженное восстание, на завоевание диктатуры пролетариата. Выпущенный съездом манифест партии призывал рабочих, солдат, крестьян готовить силы для решительных схваток с буржуазией. Манифест заканчивался такими словами:

«Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

...Бесчисленным потоком проходят экскурсанты по историческим местам, посещают квартиру-музей В. И. Ленина. В последние дни тут побывали молодые работницы ленинградской обувной фабрики «Скороход», старые рабочие Кировского завода, учителя сталинградских школ.

Много экскурсантов в эти дни и в Разливе, где в простом, сложенном из ветвей шалаше жил и работал в дни VI съезда Владимир Ильич Ленин.

В этом доме VI съезд партии начал свою работу.

НА XV ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

Советские гимнастки на улицах Хельсинки.

Фото А. Гостева

КРУПНЫЙ УСПЕХ

Б. БУРКОВ

Вечером 3 августа на олимпийский стадион города Хельсинки через Марафонские ворота вошли знаменосцы, несущие флаги наций. Знаменосцы выстраиваются фронтом к почетной трибуне. Под звуки национального гимна на правой церемониальной мачте поднимается флаг Греции: в этой стране зародились олимпийские игры. Звучит гимн «Мааммелаулу». На средней мачте взвивается флаг Финляндии — страны, гостеприимно принявшей тысячи гостей. Затем зрители видят флаг Австралии. Здесь будет олимпиада в 1956 году.

Председатель Международного олимпийского комитета Эндстрем объявляет игры законченными. Он передает главному бургомистру города Хельсинки Рюдману на хранение флаг. В последний раз торжественно звучит олимпийский гимн. Взметнув яркие языки, погасло пламя, шестнадцать дней горевшее на башне стадиона. На закрытии олимпийских игр присутствовали президент Финляндии Паасикиви, премьер-министр Кекконен, члены правительства Финляндии, а также члены дипломатического корпуса. Международное спортивное состязание, привлекшее в Финляндию юношей и девушек семидесяти стран, окончено. В нем приняло участие около семи тысяч человек.

Стадионы, спортивные залы в дни игр были переполнены. В зале Мессухалли, где выступали боксеры, каждый день присутствовало свыше 5 тысяч человек. На улице стояли большие толпы людей, не сумевших приобрести билеты. Как сообщали газеты, бывали дни, когда на всех спортивных соревнованиях продавалось в день билетов на 21 миллион марок. Тысячи туристов приезжали в Хельсинки из разных районов Финляндии, а также из других стран. В пригородах Хельсинки, в бору, на берегу залива можно было видеть десятки автомашин, превращавшихся на ночь в своеобразный отель. Люди, не имеющие машин, приходили на стадион с палатками за плечами, в которых они проводили короткие белые ночи после утомительного олимпийского дня. Было и так, что трудно сказать, когда начинается и когда заканчивается этот день. Соревнования по штанге закончились в два часа ночи, а в шесть часов утра уже открывались водные бассейны.

Через четыре года вновь зазвучит олимпийский гимн, вновь вспыхнет огонь, вновь разгорится спортивная борьба, но уже в другой стране.

Олимпийские игры — прекрасная традиция, унаследованная молодежью современных поколений от древних греков. Идея олимпиады не может не увлекать прогрессивную молодежь мира. Идея борьбы за мир и дружбу между народами сплачивает ряды молодежи, укрепляет ее силы. Вот почему советские спортсмены стали участниками XV олимпийских игр, вот почему советские юноши и девушки возглавляли на олимпиаде всех спортсменов, честно отстаивающих ее благородные идеи.

Участие советских спортсменов в олимпийских играх было самой отличительной особенностью игр от всех предыдущих. Если во время игр 1948 года в Лондоне американские спортсмены шли триумфальным маршем, не встречая в спортивной борьбе достойных соперников, то на этот раз советская молодежь и молодежь стран народной демократии по праву заняли ведущее место.

Не случайно поэтому к концу соревнований, когда стало ясно, что спортсмены Советского Союза опередили американских, некоторые судьи, грубо попирая элементарную спортивную этику, всяческими путями старались выручать из беды своих заокеанских друзей.

О фактах необъективного, недобросовестного судейства нашим читателям уже известно из сообщений советских газет. Почти вся финская пресса, отмечая высокий класс выступлений советских гимнастов, часто указывала на подозрительные «погрешности» некоторых судей. Говорилось также о предвзятости судейства по борьбе, конному спорту и другим видам соревнований, когда явно занижалась оценка выступлений спортсменов Советского Союза, стран народной демократии, а иногда и некоторых других стран (например, Финляндии, Швеции).

Все это не способствовало установлению большего взаимопонимания между участниками игр. Если руководители некоторых делегаций имели возможность оказывать давление на судейский аппарат олимпиады, то о какой верности высоким идеям олимпийских игр с их стороны можно говорить?

Наши спортсмены официально и неофициально, в личных беседах со спортсменами и их руководителями, а также в печати неоднократно выражали сожаление, что реакционные элементы вносят в соревнование нездоровый дух, чем омрачают радостные дни дружеских встреч молодежи всего земного шара.

А таких встреч в Финляндии было очень много: в Отаниеми (где жили наши спортсмены и спортсмены стран народной демократии, Китая), в олимпийской деревне, где жили спортсмены шестидесяти двух стран, и, конечно, ежедневно на всех спортивных площадках.

Я никогда не видел, чтобы советские спортсмены оставались в одиночестве. Всегда к нашим людям подходили большие группы спортсменов, живо интересующихся жизнью молодежи в Советском Союзе.

Если бы не дурной душок отчуждения, культивируемый врагами трудящихся, если бы не мошеннические ухищрения во имя нечистой победы, олимпиада еще в большей степени послужила бы делу мира. Не могут же остаться бесследными задушевные беседы молодых людей, собравшихся из разных мест земли!

Посмотрите, какими преданными глазами смотрят девушки из Южной Африки на Нину Ромашкову, что-то рассказывающую им. Девушки хотят много знать о далекой, но близкой их сердцу стране.

Посмотрите на Виктора Чукарина, который стоит в центре большой группы шведских, финских и швейцарских гимнастов. Он, видимо, что-то разъясняет, показывая на спортивный снаряд.

В дни соревнований по борьбе большая толпа людей ждала у выхода наших борцов. Несмотря на позднее время, многие просили спортсменов рассказать поподробнее о себе, о своей стране, своем городе.

Чтобы понять переживания негра, которому наш спортсмен подарил советский значок, нужно было видеть его глаза. Поцеловав значок и зажав в руке, словно кто-то собирается отнять значок, он прошептал «Сталин» с таким чувством радости и одновременно тоски, какое бывает лишь у простых, искренних людей, довольных счастьем других, но не имеющих своего.

«Олимпийские игры, — писал в газете «Вапаа сана» генеральный секретарь компартии Финляндии Вилле Песси, — устранили железный занавес, который поджигатели войны хотели установить вокруг спортсменов Советского Союза и стран народной демократии. Олимпийские игры показали, что Советский Союз является ведущей спортивной страной, значительно опередившей другие страны».

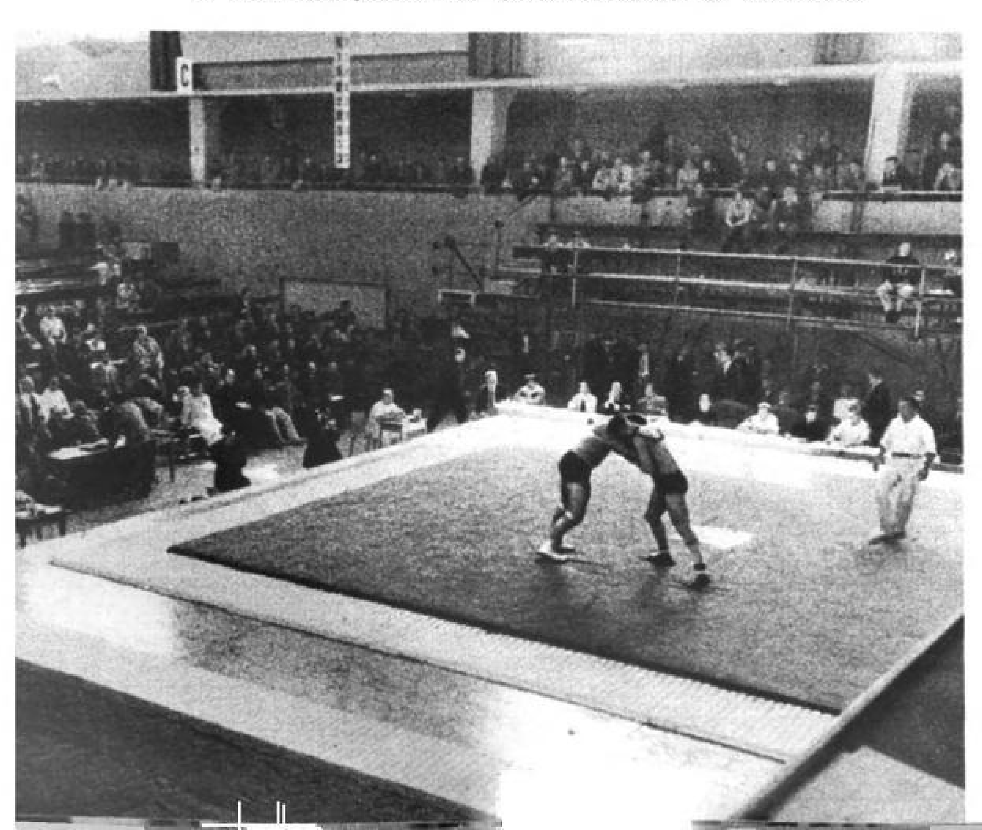
С этим нельзя не согласиться.

В итоге многодневной, упорной борьбы спортсмены Советского Союза завоевали 494 очка. Они установили два мировых, три европейских и одиннадцать всесоюзных рекордов. Такое же количество очков набрали спортсмены США. Наибольшего успеха добились советские гимнасты и гимнастки. Они завоевали двадцать четыре золотых, одиннадцать серебряных и две бронзовых медали. Их выступления неизменно сопровождались аплодисментами восторженных зрителей.

Виктор Чукарин и Мария Гороховская завоевали звания абсолютных чемпионов олимпийских игр и золотые медали.

Советские гимнасты были выразителями строгого и четкого стиля

В зале Мессухалли во время соревнований по борьбе.

гимнастики, показали высокое мастерство различных упражнений на снарядах и разнообразные композиции произвольной программы.

Иностранные газеты отмечали успех советских спортсменов. Миланская газета «Гадзетта делло спорт» писала: «Советские гимнасты, показавшие высший спортивный класс, играли главную роль в зале Мессухалли. Попытка швейцарцев и японцев победить советских спортсменов оказалась тщетной».

Чемпион Швейцарии известный гимнаст Штальдер заявил:

«Чукарин является, несомненно, сильнейшим гимнастом, стоящим на целый класс выше всех своих конкурентов».

Хорошо выступили на олимпиаде советские штангисты и борцы.

Победа Трофима Ломакина над известным и доселе непобедимым американским спортсменом С. Станчиком является одной из самых ярких на олимпийских играх. Замечательны также победы штангистов И. Удодова, Р. Чимишкяна, борцов А. Мекокишвили, Д. Цимакуридзе, И. Коткаса, Я. Пункина, Б. Гуревича и Ш. Сафина.

Сборная команда СССР по баскетболу добилась немалых успехов. Как известно, советские баскетболисты являются чемпионами Европы. На олимпиаде они одержали замечательные победы над командами Мексики, Чили, Бразилии и Уругвая и завоевали серебряные медали.

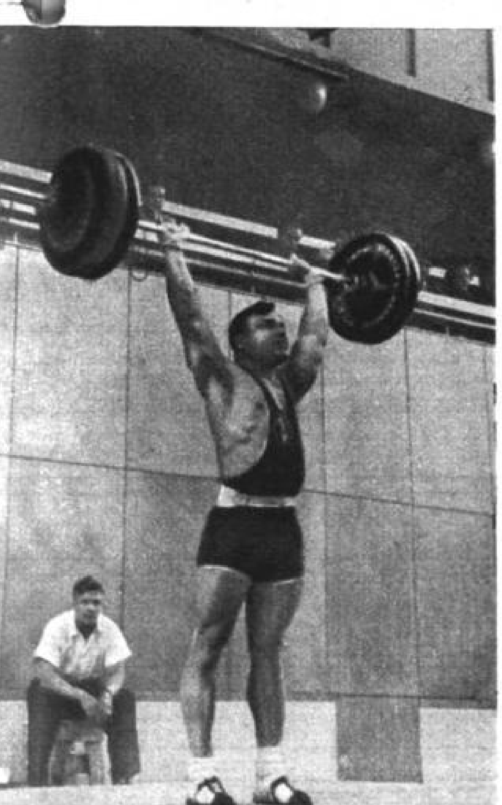
Мы уже говорили о замечательном рекорде Нины Ромашковой. Еще одну золотую медаль принесла Галина Зыбина: она дальше всех толкнула ядро.

Удачно выступали советские легкоатлеты А. Чудина, Л. Щербаков, В. Казанцев, Б. Токарев, Л. Каляев, Л. Санадзе, В. Сухарев, А. Игнатьев, А. Ануфриев, Н. Хныкина и другие.

В стрелковом спорте отличились А. Богданов и Б. Андреев.

Боксеры В. Меднов и С. Щербаков завоевали серебряные медали.

Нет возможности в короткой статье перечислить все победы советских спортсменов, но хочется отметить, например, что за выступления по гимнастике и классической борьбе они получили более 200 очков. Американские же спортсмены в этих видах не имели ни одного очка. Много очков по легкой атлетике американской команде принесли спортсмены-негры. Американскую команду вернее было бы назвать командой негритянского народа. Так, в боксе из десяти спортсменов лишь один был не негр, да и тот проиграл в первом же бою. «Американский образ жизни» виден даже здесь, на олимпиаде. Только на стадионе американцы были корректны с членами своей команды — неграми, проявляли к ним подчеркнутую любезность, да и как не проявлять ее, когда десятки тысяч зрителей наблюдают за успешными выступлениями негритянской спортивной молодежи США!

Чемпион олимпийских игр штангист Трофим Ломакин.

Финальный забег на 3 тысячи метров с препятствиями. Слева — Владимир Казанцев (СССР) и Г. Ашенфельтер (США) на дистанции.

Фото В. Савастьянова (ТАСС)

Мы отдаем должное способностям негритянских спортсменов, мы радуемся их успехам. Нас лишь удивляет кичливый тон некоторых руководителей американской делегации. Нас удивляет их отношение к неграм, как к механизмам, работающим на «белых».

На закрытии олимпиады знамена наций несли лучшие спортсмены. Негры завоевали команде США значительное количество золотых медалей. Приходится поражаться, что среди знаменосцев американского флага мы не видели ни одного негра.

Советская спортивная делегация, состоявшая из представителей многих народов страны, выступала на олимпиаде дружной, сплоченной семьей. Дисциплинированность нашей молодежи хорошо отличает ее. Организованный выход на площадки, приветствия своих спортивных противников, поведение в игре выгодно выделяют советских спортсменов.

Было неприятно смотреть, как некоторые участники состязаний являлись на соревнование разрозненными группами, не обращая внимания на приветствия. Совсем, конечно, дико выглядит «этика» уругвайских баскетболистов, избивших судью, а спустя три дня учинивших на площадке драку со своими соперниками. Как правило, на выступления таких команд вызывалась финская полиция.

Участники прошлых олимпийских игр с удовлетворением отмечают, что в этом году олимпиада прошла более организованно. Финляндия гостеприимно встретила спортсменов. Демократическая молодежь придала соревнованиям присущий ей дух дружбы, сотрудничества. Не случайно на пресс-конференции советской делегации многие иностранные журналисты интересовались, будет ли СССР участвовать в олимпиаде 1956 года в Австралии. Многие открыто признают, что без участия советской молодежи олимпийские игры теряют смысл.

Об этом говорилось и в выступлениях китайского, корейского и других спортсменов на митинге в защиту мира, состоявшемся в день закрытия олимпиады. Самый популярный участник олимпийских игр Эмиль Затопек под бурные овации многих тысяч людей заявил, что молодежь Советского Союза вдохновляет всех спортсменов мира на новые и новые подвиги во имя торжества правды и труда.

Великое чувство искренней признательности, с которым встречали трудящиеся Хельсинки выступления на митинге Виктора Чукарина, Эмиля Затопека, спортсменов Китайской Народной Республики и героической Кореи, говорило о неисчерпаемой силе народов, желающих мира.

В могучем потоке людей, спешивших на торжество, посвященное закрытию олимпийских игр, в радости молодежи, устроившей свой праздник в одном из парков Хельсинки, мы чувствовали великое стремление простых людей к дружбе и миру.

Победы советских спортсменов, успехи молодежи стран народной демократии вселяют в демократическую молодежь непоколебимую уверенность в правоте дела свободолюбивого человечества.

М. Голубничая, установившая новый всесоюзный рекорд в беге на 80 метров с барьерами.

«Олимпийский огонь, — говорилось в Воззвании франции Демократического союза народа Финляндии финского сейма, — зажег факел мира и дружбы между всеми народами. Пусть это пламя укажет путь всей вселенной к прочному миру».

...Олимпийский огонь погас. Пустынно становится на улицах Хельсинки. После 5 августа в городе уже трудно было увидеть иностранных спортсменов. Остались лишь запоздалые туристы. Одиноко на олимпийском стадионе. Голуби свободно гуляют по футбольному полю. Исчезли яркие краски национальных флагов. У основания 22-этажной вышки стадиона на серой мраморной доске прикреплены два камня: серый — камень Колизея, это подарок Финскому оргкомитету от римского муниципалитета; белый — камень из Олимпии, подарок Афин. Эти камни останутся немыми свидетелями олимпиады. Демократическая молодежь мира долго будет хранить в памяти свои встречи с друзьями. Нельзя забыть истинное счастье, чувство локтя родных по крови молодых строителей новой жизни.

Хельсинки.

Слава победителям

На закончившихся XV олимпийских играх советские спортсмены вышли на первое место.

Ниже мы печатаем имена советских спортсменов, награжденных золотыми, серебряными и бронзовыми олимпийскими медалями.

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ ПОЛУЧИЛИ:

Гимнасты

Виктор Чукарин (3 медали)
Грант Шагинян (2 медали)
Дмитрий Леонкин
Валентин Муратов
Михаил Перельман
Иосиф Бердиев
Евгений Корольков
Владимир Беляков
Константин Каракашьянц (тренер)
Мария Гороховская (2 медали)
Нина Бочарова (2 медали)
Екатерина Калинчук (2 медали)
Галина Урбанович
Галина Минаичева
Медея Джугели
Полина Данилова
Галина Шамрай
Таисия Каменская (тренер)

Борцы (классическая борьба)

Борис Гуревич
Яков Пункин
Шазам Сафин
Иоганес Коткас

Тяжелоатлеты

Иван Удодов
Рафаэль Чимишкян
Трофим Ломакин

Легкоатлеты

Нина Ромашкова
Галина Зыбина

Борцы (вольная борьба)

Давид Цимакуридзе
Арсен Мекокишвили

Стрелок

Анатолий Богданов

Гребец

Юрий Тюкалов

СЕРЕБРЯНЫЕ МЕДАЛИ ПОЛУЧИЛИ:

Баскетболисты: Иван Лысов, Отар Коркия, Степас Батаутас, Анатолий Конев, Казис Петкявичус, Ильмар Куллам, Юстинас Лагунавичус, Нодар Джорджикия, Хейно Круус, Виктор Власов, Александр Моисеев, Юрий Озеров.

Гимнасты: Виктор Чукарин (2 медали), Грант Шагинян (2 медали), Евгений Корольков, Мария Гороховская (4 медали), Нина Бочарова, женская команда (за командные вольные движения).

Легкоатлеты: Юрий Литуев, Владимир Казанцев, Леонид Щербаков, Борис Токарев, ЛеванСанадзе, Владимир Сухарев, Лев Каляев, Александра Чудина (2 медали), Елизавета Багрянцева, Мария Голубничая.

Гребцы: Евгений Браго, Владимир Родимушкин, Алексей Комаров, Игорь Борисов, Слава Амирагов, Леонид Гиссен, Евгений Самсонов, Владимир Крюков, Игорь Поляков (тренер), Георгий Жилин, Игорь Емчук.

Тяжелоатлеты: Николай Саксонов, Евгений Лопатин, Григорий Новак.

Боксеры: Виктор Меднов, Сергей Щербаков.

Борец (классическая борьба) Шалва Чихладзе.

Борец (вольная борьба) Рашид Мамедбеков.

Стрелок Борис Андреев.

БРОНЗОВЫЕ МЕДАЛИ ПОЛУЧИЛИ:

Легкоатлеты: Александр Ануфриев, Бруно Юнк, Александра Чудина, Нина Думбадзе, Клавдия Точенова, Надежда Хныкина, Елена Горчакова.

Гимнасты: Дмитрий Леонкин, Галина Минаичева.

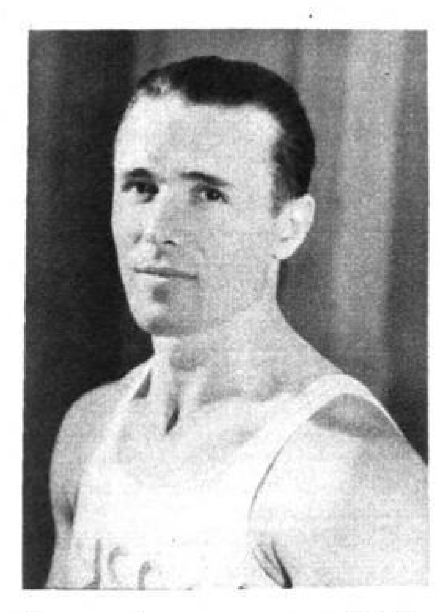
Борцы (классическая борьба): Артем Терян, Николай Белов.

Стрелки: Лев Вайнштейн, Борис Андреев.

Тяжелоатлет Аркадий Воробьев.

Гребец (на байдарках) Нина Савина.

Медали Виктора Чукарина

Абсолютный чемпион олимпийских игр Виктор Чукарин.

Светлый, просторный зал Мессухалли заполнен до отказа. Под звуки марша, приветствуемые всеми присутствующими, на сцену вступают 8 атлетически сложенных спортсменов. Они в белоснежных костюмах с гербом Советского Союза на груди. Это сборная команда гимнастов СССР — победитель XV олимпийских игр.

«Чукарин» — разносят по залу репродукторы.

На постамент почета поднимается советский мастер, первый среди гимнастов мира, абсолютный чемпион олимпиады.

Олимпийская летопись хранит имя негра Джесси Оуэнса. Изумительный спринтер, защищая спортивную честь США, был единственным среди участников всех олимпиад, которому удалось завоевать четыре медали. (Уместно упомянуть, что спортивная слава команды США в немалой степени обязана неграм. Так, на олимпиаде 1936 года 10 атлетов-негров завоевали 7 золотых медалей, в то время, как 54 чистокровных янки — только пять.)

Своеобразный рекорд Оуэнса побит ныне спортсменом СССР. Виктор Чукарин увез из Хельсинки 5 спортивных «трофеев»: три золотые и две серебряные медали.

Старт гимнаста был неудачным. Выполняя упражнения обязательной программы, Чукарин допустил ошибку. Кодекс гимнастических соревнований неумолим: любое отклонение от рисунка карается снижением очков. В вольных упражнениях Чукарин даже не вошел в десятку сильнейших. Впереди были не только его товарищи по команде Шагинян и Муратов, но и швейцарец Штальдер.

Спортсмена советской школы отличают не только сильные мышцы, выносливость, но и воля, упорство в борьбе. Чем сильнее соперники, чем труднее препятствия, тем почетнее победа! И Виктор Чукарин буквально ошеломляет искушенных зрителей и судей каскадом ослепительных комбинаций в своей произвольной программе. Силовые упражнения сменяются эквилибристическими равновесиями и стремительными прыжками. Комбинация львовского гимнаста меньше всего напоминала набор сложных трюков. Она была подчинена единой логической мысли, от начала до конца утверждая торжество советской культуры в одном из красивейших ее отображений.

Недаром один из финских знатоков счел необходимым заявить в печати: существующая максимальная оценка десятью баллами явно недостаточна для того коэффициента трудности, которым характеризуются упражнения мастеров экстра-класса, показанные русскими гимнастами.

Чукарин демонстрирует и другое качество, отличающее всю советскую систему физического воспитания: разносторонность. По кодексу олимпийского соревнования, гимнасты должны были одновременно оспаривать между собой три первенства: командное (зачет по пяти лучшим), личное по сумме всех видов шестиборья (кольца, конь, брусья, перекладина, опорные прыжки через коня, вольные упражнения), личное по отдельным видам этого же шестиборья.

Соревнование продолжается. Разбежавшись, гимнаст отталкивается от мостика, и тело его взлетает над высоко поднятым конем. Судьи придирчиво следят за каждым движением, беспощадно штрафуя малейшие отклонения. Воздавая должное силе и выносливости русских гимнастов, зарубежная печать считала, что в прыжках, бесспорно, будут первенствовать японцы. Но даже такие отлично подготовленные прыгуны, как Токамада и Иссаака, не могли противостоять львовскому мастеру. Стремительность и сила его прыжка сочетались с безупречной точностью рисунка.

В одном из труднейших по своей филигранной точности видов — махах на коне — олимпийское первенство фактически разыгрывали между собой советские мастера, в первую очередь Чукарин и Грант Шагинян. Опередив на одну десятую балла своего товарища, Чукарин вышел победителем. Он показал себя подлинным многоборцем и, набрав 115,7 балла, был провозглашен абсолютным чемпионом олимпийских игр.

Молодой украинский гимнаст появился на спортивной арене в послевоенные годы. В конце 1949 года зрители выделили мастерство Чукарина. Так, например, он смело ввел в упражнения на брусьях мертвую петлю (сальто). Десятью баллами, высшей оценкой гимнастической таблицы, были отмечены его выступления. Своих ближайших соперников Чукарин обошел на три балла — редкое явление для крупных соревнований.

Чукарин впервые надел в те дни почетную майку абсолютного чемпиона Советской страны. Дважды остается она за ним и в 1950—1951 годах.

Вместе со своим тренером Петром Тимофеевичем Собенко гимнаст не только закреплял достигнутые отшлифованные движения, но и искал новые, усложняя свои, казалось бы, без того предельно сложные комбинации. Если бурное одобрение зрителей вызвали выполненные им четыре сальто, то теперь он шесть раз подряд отрывал свои руки от брусьев, чтобы, перевернувшись в воздухе, снова очутиться на снаряде.

Тренировка гимнаста — большой и кропотливый труд. Сила должна сочетаться с легкостью исполнения, прыгучесть с изяществом рисунка, резкость с пластичностью. Эта тренировка поистине энциклопедична в смысле выработки тех качеств, которые позволяют уверенно вступать в борьбу за первенство.

Советская школа гимнастики основана не на узкой специальности, а на широкой, разносторонней и гармоничной подготовке. «Советские спортсмены подняли гимнастику на новый, более высокий уровень, превратили ее в искусство,— писали шведские газеты после выступления команды СССР в 1950 году.— Мы никогда не были свидетелями чего-либо подобного. Зрители были вне себя от восторга с начала и до конца выступления».

Выступление сборной команды СССР в Хельсинки превратилось, как писала финская газета «Тюэкансан саномат», в «день триумфа советских гимнастов», блестящие результаты которых вынуждено было признать даже американское агентство Юнайтед Пресс.

Победа Чукарина была не только его личным успехом. Она была победой советского стиля в гимнастике. Недаром наиболее опасным «противником» Виктора Чукарина оказался его соотечественник Грант Шагинян.

Спортсмен из Еревана, он обладает исключительной координацией движений, точной, предельно отшлифованной техникой. Последние годы превратились в своеобразный поединок двух советских мастеров. Грант Шагинян опережает Виктора Чукарина на студенческих играх в Будапеште, но украинец берет реванш на играх в Берлине. Он трижды первенствует на всесоюзных чемпионатах, но в нынешнем году в Ленинграде майка абсолютного чемпиона страны переходит к мастеру из Еревана.

Выступая в Хельсинки на кольцах, Шагинян поистине виртуозно выполнил сложнейшую комбинацию. Ни один из спортсменов 23 стран не удостоился столь высокой оценки — 9,95 балла из 10 возможных. Меньше чем на один балл (0,75) уступил он новому олимпийскому чемпиону, завоевав четыре медали.

Гимнастику по праву называют азбукой спорта. Миллионы советских людей начинают трудовой день теми упражнениями, о которых более полувека назад Владимир Ильич Ленин писал сестре Марии Ильиничне Ульяновой: «А главное — не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по нескольку десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно».

Гимнастика — неотъемлемый элемент комплекса ГТО. Любой спортсмен, от новичка до мастера, не возьмется за клюшку или за мяч, не проделав в качестве предисловия разминочной гимнастики.

От далеких, дореволюционных лет ведут свою традицию гимнасты нашей страны. В дни их торжества можно напомнить о Гоге Егнаташвили. Ровным счетом 40 лет назад на международных соревнованиях молодой грузин был первым среди всех гимнастов Европы и Америки. Более 10 тысяч новых гимнастов подготовил «дедушка Гургел» за советские годы.

Еще в 1937 году на Международной олимпиаде в Антверпене все первые места остались за гимнастами нашей страны.

Новым утверждением превосходства советской школы было их нынешнее выступление перед гимнастами всего мира в Хельсинки. Победа не пала в руки мастеров, словно созревший плод. Она добывалась в упорной борьбе со швейцарцами, финнами, американцами, шведами, итальянцами, немцами. За их плечами большой опыт международных встреч, немало побед, одержанных за десятки лет.

В борьбе с достойными соперниками боевая восьмерка гимнастов СССР — Виктор Чукарин, Грант Шагинян, Валентин Муратов, Евгений Корольков, Михаил Перельман, Дмитрий Леонкин, Владимир Беляков, Иосиф Бердиев — набрала 574,40 балла, оставив позади себя Швейцарию (567,55) и Финляндию (564,25). На дальнем, восьмом месте осталась команда США.

Ни одному из коллективов гимнастов не удавалось еще добиться столь внушительного перевеса на мировых соревнованиях.

Советский стиль победил!

С. ЕВГЕНЬЕВ

Лучшие в мире

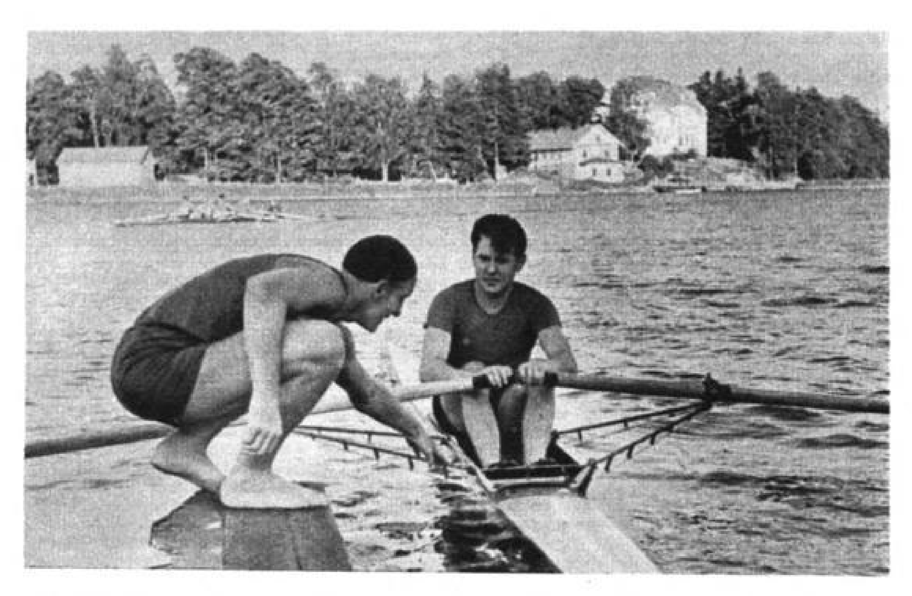
Гимнастика — основа физического воспитания. Она получила широкое распространение в Советском Союзе. Не случайно наши гимнасты и гимнастки оказались победителями XV олимпийских игр. Даже газеты капиталистических стран вынуждены были признать мировое превосходство наших спортсменов.

Газета «Нотисиас де Ой» заявила: «Когда такая страна, как Советский Союз, легко выиграла все виды соревнований по гимнастике... следует признать, что она стала во главе мировой физической культуры, на то место, которое раньше занимала Швеция».

Советские гимнастки завоевали 12 золотых медалей. Они показали отличную технику исполнения сложных упражнений. Особый успех выпал на долю харьковчанки Марии Гороховской. Она показала высокое мастерство во всех выступлениях по обязательной и произвольной программе, завоевала почетное звание абсолютной чемпионки XV олимпийских игр, получила золотые и серебряные медали. Ее имя золотыми буквами будет внесено в списки победителей олимпиады. Второе место завоевала Нина Бочарова. Она показала высокое мастерство в упражнении на бревне.

Вся команда советских гимнасток, среди которых выступали также Галина Минаичева, Медея Джугели, Галина Урбанович, Екатерина Калинчук, Полина Данилова, Галина Шамрай и Таисия Каменская, получила золотые медали.

На нашем снимке: Мария Гороховская (в центре) и Нина Бочарова дают автографы иностранному журналисту.

Гонка окончена. Олимпийский чемпион Юрий Тюкалов подплыл к бону. Известный польский гребец Теодор Кацерка помогает ему причалить.

Фото А. Гостева

Тюкалов приходит первым

Свой день рождения Юрий Тюкалов встретил за рубежом, в Финляндии. Ему исполнилось 22 года.

Вместе с другими советскими гребцами он приехал в Хельсинки.

В финскую столицу был доставлен и скиф Тюкалова, самая легкая лодка, длинная, остроносая, напоминающая сигару. Ее вес — всего 13 килограммов, длина — 8 метров. Это хрупкое судно требовало бережного отношения. Сделанный из очень тонкого, особой породы красного дерева, скиф можно продавить пальцем. Зато на скифе и скорость достигается высокая — свыше 15 километров в час.

Тюкалов внимательно осматривал свою лодку: не приключилось ли с ней чего-нибудь в дороге? Но все обошлось благополучно. Теперь за тренировку. Вместе с ним тренировались и другие гребцы, их было много. Среди них и его соратники по лодке-восьмерке общества «Красное знамя». Восемь лет они гребли вместе в одном скифе.

В дни войны, летом 1944 года, несколько юношей встретились на плоту водной станции. Произошло это в Ленинграде, где эти подростки провели все тяжелые годы блокады.

Прошлым летом восьмерка «Красного знамени» на Москве-реке встретилась с сильнейшими командами страны и завоевала звание чемпиона СССР. Победители — рослые, сильные спортсмены — и были теми самыми ребятами, которые семь лет назад впервые взялись за весла. Но тогда никто не подозревал, что внутри коллектива назревают серьезные изменения: седьмой номер «восьмерки» Юрий Тюкалов собирался покинуть свое место и перейти на лодку-одиночку. Об этой заветной мечте молодого спортсмена не знал никто. Тюкалов попрежнему тренировался со своими товарищами, участвовал в состязаниях и вместе с тем «секретно» пробовал свои силы на одиночке. Юра хотел убедиться, что на одиночке он сможет выступать так же, как и на восьмерке, а когда убедился в этом, сообщил товарищам. И следующим летом, снова на Москве-реке, Тюкалов добился исключительного успеха, став чемпионом Советского Союза на одиночке-скиф.

Юра Тюкалов еще в детстве пристрастился к спорту. Да как могло быть иначе, если его отец играл когда-то в петроградских футбольных командах, а его дядя — Василий Петрович Тюкалов — известный тренер по конькам! С ранних лет Юра бывал на стадионе, находился в атмосфере споров и разговоров о состязаниях и тренировках. С четырнадцати лет он увлекся греблым спортом.

...Девятнадцатого июля в торжественной обстановке открылись XV Олимпийские игры, а на другой день в окрестностях финской столицы в заливе Мейлахти начались гребные гонки.

Труден путь к финалу. Надо выиграть предварительный заезд, победить в полуфинале. Еще сложнее завоевать золотую медаль — опередить в решающей гонке самых лучших гребцов мира.

Выиграв у своих противников в предварительном заезде, Тюкалов вышел в полуфинал. Ему предстояла встреча с известным гребцом Соединенных Штатов Америки Джоном Келли. Тюкалов узнал в Хельсинки, что гребец из Филадельфии Келли — сын знаменитого американского гребца — победителя олимпийских игр 1920 года.

Многие прочили победу Джону Келли. Но Тюкалов сумел выиграть гонку с большим преимуществом.

Ровно в четыре часа дня пять одиночек-скиф в ожидании старта выровнялись в одну линию для финальных состязаний. Справа от Тюкалова — англичанин Фокс, слева — чемпион Польши Кацерка, ближе к берегу — южноафриканский гребец Стефен и дальше всех — австралиец Вуд.

Кто же его главный противник? Тюкалов сразу же получил ответ на этот вопрос. Как только был дан сигнал к началу гонки, австралиец редким по силе рывком вышел вперед и захватил лидерство. Отставать нельзя, австралийца необходимо догнать. Тюкалов, не жалея сил, нажимал на весла. Он один теперь должен был решать, правильную ли тактику избрал, не увлекся ли, устремившись за Вудом. Теперь уже не с кем посоветоваться, ведь он шел на одиночке. Это не то, что, скажем, на восьмерке, или на четверке, или, на худой конец, на двойке.

Позади 700, 800, 900 метров... Вуд все еще впереди. Пройдена половина дистанции — 1000 метров. Тюкалов предельно усиливает темп. Он делает 36 гребков в минуту. Началась решающая борьба. Их лодки поровнялись и идут нос в нос, словно связанные толстым канатом. Теперь победит тот, у кого больше силы воли, желания добиться своего, у кого крепче нервы.

Победил советский спортсмен, студент Ленинградского высшего художественно-промышленного училища Юрий Тюкалов.

Тюкалову вручили золотую медаль олимпийского чемпиона. Несколько позже он получил другую золотую медаль гребного клуба города Филадельфии, учрежденную много лет назад. Этой медалью на олимпийских играх награждают победителя на одиночке-скиф.

— Я очень люблю гребной спорт,— рассказывает Тюкалов.— И особенно свою одиночку-скиф. Только меня всегда смущает это название — одиночка. Нет, я всегда во время гонок вижу перед собой своего тренера, своих товарищей, весь наш коллектив гребцов. Они мне помогают добиваться успехов.

Характерная черта Тюкалова — неудовлетворенность достигнутым. Он часто говорит: «Можно сделать лучше». «Можно было добиться большего».

На наш вопрос, как он учится, Тюкалов ответил:

— Как будто неплохо. Но я мог бы добиться лучшего.

Обогнав на Москве-реке Теодора Кацерку, одного из лучших гребцов Европы, он сказал:

— Мог выиграть сильнее.

Таков характер человека.

Еф. РУБИН

Победы Эмиля Затопека

Четверть века назад по улицам небольшого чешского городка Копривнице вместе со своими сверстниками гонял футбольный мяч худощавый мальчуган. Несколько лет спустя он стал учеником промышленной школы при обувной фабрике Бати.

Быстроногого, не по годам выносливого подростка приметили. Сын столяра оказался членом буржуазного спортивного клуба, попасть в который было не так-то легко. Чешский спортсмен Халуза считал, что Эмиль Затопек — так звали подростка — сможет хорошо бегать 1 500 метров. Эту дистанцию он и определил как спортивную специальность своего ученика.

Прошло меньше года, когда Халуза сказал Эмилю: «Сейчас я улыбаюсь, глядя на вас, но скоро вы заставите плакать всех бегунов Злина (города, где жил тогда Затопек.— Ред.). И меня в том числе... Уже сейчас мне нечему учить вас. Вам пора в Прагу!»

Прошел год — другой. Эмиль работает упорно и методично. «Затопек тренирует Затопека»,— рассказывает он друзьям, ибо ему пришлось объединить в одном лице и требовательного тренера и внимательного ученика. «Кажется, это мне удалось»,— скромно констатировал этот бегун, не знающий равных в мире в беге на длинные и сверхдлинные дистанции.

Убедительные победы на Лондонской олимпиаде и первенстве Европы показали бесспорное превосходство чешского атлета.

На первенстве Европы 1950 года его ближайший противник в беге на 10 тысяч метров отстал больше чем на круг. Небывалое явление для столь крупных международных соревнований!

На олимпийских играх в Хельсинки Затопек с новыми олимпийскими рекордами выигрывает первенство в беге на 5 тысяч метров (14 минут 6,6 секунды) и 10 тысяч метров (29 минут 17 секунд).

...27 июля. Олимпийский стадион. По сигналу судьи спортсмены выбегают со старта. Среди тех, кто бежит самую длинную из всех дистанций — марафон (42 195 метров),— сильнейший марафонец мира аргентинец Кабрера, швед Янсоон, финны Нитанен и Карвонен.

Пробежав три круга вдоль трибун, участники один за другим убегают сквозь марафонские ворота. Радио время от времени оповещает о том, как развертывается бег.

Примерно на середине дистанции ведущего бег Янсоона обходит Затопек. Он первым вбегает на стадион. Восторженно встречают его зрители.

На пороге шестнадцати метров

Лет шесть назад высокий стройный молодой солдат пришел на стадион «Динамо». Его звали Леонид Щербаков. В первый же год службы он выделился своими успехами в физической подготовке. Достаточно сказать, что он не только сдал все нормы на значок ГТО I и II ступени, но и получил всесоюзные спортивные разряды: первый — по лыжам, второй — по фехтованию, третий — по гимнастике.

Жизнь стадиона понравилась юноше. В каждом уголке шла напряженная работа. Щербаков стал захаживать сюда. Пробовал свои силы. Бегал короткие дистанции, прыгал в длину, метал диск, толкал ядро.

Щербаков выступил на соревновании в тройном прыжке. Только первый «шаг» равнялся 5 метрам, остальные были по 3 и 4 метра. Но тренеров это не смутило. Это было совсем не плохо для новичка!

Вместе со своим тренером Щербаков детально, словно по слогам, изучал механику прыжка. Он все более умело использовал инерцию разбега и толчка. Продолжая «бег в воздухе», он набирал дополнительную инерцию для третьего прыжка.

Теперь его результат (15 метров 70 сантиметров) был недоступен ни одному прыгуну в Европе. На олимпийских играх Леонид вновь улучшил свой результат. Он довел принадлежащий ему европейский рекорд до 15 метров 98 сантиметров. Леонид Щербаков занял второе место, награжден серебряной олимпийской медалью. Первое место занял негр Ф. да Сильва (Бразилия).

Справа налево: победитель в тройном прыжке, олимпийский чемпион Феррейро да Сильва (Бразилия), Леонид Щербаков (СССР) и Девонииш (Венесуэла).

Е. Багрянцева (слева) и Н. Думбадзе поздравляют Нину Ромашкову (в центре) с получением золотой медали.

Фото А. Гостева

Диск летит за черту рекорда

Метательница, высокая, плечистая спортсменка с гербом Советского Союза, вступает в окаймленный деревянным бортиком круг. Пока она занимает привычное положение, пока выжидает сигнала судьи, рука ее непрерывно покачивается, не давая угаснуть инерции движения. Она чуть приседает и круто заводит руку за спину. Разведенные в сторону пальцы поддерживают тускло поблескивающий диск. Теперь сильный, все ускоряющийся поворот вокруг самой себя — и тело спортсменки взмывает в воздух, словно увлекаемое стремительным вращением диска.

Стартовая скорость набрана!

Остается последний быстрый «хлест» — так по аналогии с ударом кнута называют завершающее движение,— и диск уходит в свободный полет. Погасив неудержимо влекущее ее вращение, спортсменка напряженно следит за дугой, которую описывает снаряд.

«Браво, Советы!» — прокатывается по трибунам: каждому видно, что «окованная тарелка» легла далеко за флажок, отмечающий олимпийский рекорд. Он установлен шестнадцать лет назад. И, как возвестила тогда пресса, это «предел», наивысшее достижение, которое только возможно для человека.

Дискобол... Опершийся о колено и воздевший сильную руку со снарядом мраморный атлет. Кто не знает эту работу великого Мирона, ваятеля из Эллады! Мы знакомились с ним по учебнику древней истории. Позже он встречал нас, сильный, гармоничный, зовущий в мир подобных себе, на аллеях стадионов.

Вернемся в наши дни, в тот день, когда на огромном щите олимпийского стадиона в Хельсинки вспыхнули световые цифры: «51 метр 42 сантиметра». Они обозначали грань, на которую лег диск, брошенный рукой Нины Ромашковой.

«Непревзойденный» рекорд Гизеллы Мауэрмайер (Германия) был превзойден чуть ли не на 4 метра (3 метра 79 сантиметров). Еще второй, так сказать, пристрелочный бросок Ромашковой, когда диск миновал пятидесятиметровую отметку, показал: «Рубикон перейден».

Первый же номер легкоатлетического турнира вывел далеко вперед советских спортсменок. Они не только подправили застоявшийся рекорд, но и показали бесспорное превосходство советского стиля во всех видах классического метания.

Три победительницы взошли на постамент почета. Это были первые победительницы XV олимпийских игр. Три флага взвились тогда же на мачтах. Это были флаги Советской державы, ибо все три призовых места в метании диска завоевали спортсменки СССР: Нина Ромашкова, Елизавета Багрянцева, Нина Думбадзе. И первая золотая медаль победительницы олимпийских игр 1952 года легла на широкую ладонь двадцатитрехлетней студентки Московского областного педагогического института Нины Ромашковой.

Так воспитанница ставропольского «Спартака» прошла тот путь, который вел от родного ей Северного Кавказа до студенческих спортивных игр в Берлине, Будапеште, до Хельсинки, до звания олимпийской чемпионки, лучшей среди метательниц мира. Ромашкова шла прямым и верным путем, столь типичным для спортсмена Советской страны, не знающего ни волчьей конкуренции, ни тех преград, которые ставят на пути новичка спортивные дельцы за рубежом.

Когда на одном из норвежских стадионов диск, брошенный Ниной Думбадзе, пролетел 50 метров и 50 сантиметров, тогда стало ясно преимущество советской спортивной школы. «Я счастлив, что видел такой бросок! — сказал, поздравляя рекордсменку мира, господин Хельгессен, председатель национального легкоатлетического союза Норвегии.— Два раза это не повторяется».

Поиски нового, более совершенного, творческие дерзания — эти типичные для советского человека качества помогали проложить те пути, которыми вслед за Думбадзе шли Евгения Арзуманова, Нина Ромашкова, которыми будут идти те, кто, быть может, впервые вступает сегодня в круг на стадионе.

Но за каждым из них следит внимательный глаз учителя, вооружая новичка всем тем, что создали десятки и сотни тренеров, мастеров, исследователей, чьим кропотливым трудом воздвигается отечественная школа спорта.

Еще в 1937 году Нина Думбадзе удивила многих спортсменов и тренеров. Вопреки традиции она встала спиной к направлению полета диска. Она низко приседала, «входя» в поворот. Первые же ее броски показали, что в спорах о преимуществах финского или американского стиля метаний, о маховом или вращательном способах прозвучал новый голос.

Думбадзе за один сезон на 17 (!) метров улучшает результат, три раза подряд побивает рекорд Советского Союза. Это было самым убедительным аргументом.

В создании новой техники вместе с метательницей напряженно работал ее тренер Борис Михайлович Дьячков. Надо было найти наиболее верное приложение той силы, которая преодолевает массу снаряда. Этой силой, сообщающей начальную скорость, были наиболее мощные части тела— корпус и ноги. Выражаясь упрощенно, тренер пришел к выводу: диск бросают... ногами. Их работа определяла постепенно нарастающую скорость движения снаряда, достигающую своего предела в тот момент, когда сила, накопленная в повороте, вкладывается в диск. И он летел теперь на 50 метров. И если бы господин Хельгессен побывал на стадионах Москвы, Тбилиси и других городов, он увидел бы, что Думбадзе не только повторила свой рекордный бросок, но и довела его до 53 метров 37 сантиметров. Это было вторым убедительным аргументом: ведь рекорд Мауэрмайер не только не повторялся метательницами капиталистических стран, но и сама Мауэрмайер ни разу не повторила своего достижения.

В давние времена сложилась поговорка о том, что дурные примеры заразительны. Советская жизнь давно уже доказала обратное: в нашей стране куда более «заразительно» все хорошее. Так и в спорте, где новая техника не остается монопольным достоянием чемпиона, но поступает на вооружение тех, кто непрерывно пополняет армию советских спортсменов.

Нину Ромашкову мы впервые увидели четыре года назад. Но в те дни ее сила не опиралась еще на совершенную технику. Брошенный ею диск летел «стоя», и встречный поток воздуха снижал дальность полета. Но уже тогда бросок Ромашковой — 38 метров — говорил о ее возможностях.

Началась работа с тренером, многодневная и упорная, на площадке и за столом, где лежали «кольцовки» кинограмм, летом и зимой. Дмитрий Петрович Марков — ее новый тренер — работал упорно и методично. «Без труда нет плода»,— внушал он своей ученице, и каждый новый сезон они завершали новыми успехами.

Бросок Нины в 1948 году был двадцатым результатом в стране, год спустя она уже вошла в пятерку сильнейших метательниц СССР.

Настает лето 1951 года. Болезнь отняла у Нины период весенних тренировок, вычеркнула 50 дней самой страдной поры, когда закладываются будущие рекорды. Но тренер умело строит план, не только восстанавливая упущенное, но и подводя свою ученицу к новым для нее рубежам. Старт сезона не очень успешен, иные броски Нины не превышают 36 метров, но в спорте решает, как известно, финиш, а он был поистине отличным.

Наблюдая за своими соперницами-подругами Ниной Думбадзе и Риммой Шумской, метательница день за днем шлифует мастерство. Ромашкова и Шумская переходят новый рубеж — 47 метров. На минском стадионе, где разыгрывается первенство страны, Ромашкова вступает в соревнование с Ниной Думбадзе. В предварительных, квалификационных соревнованиях лучший бросок у Думбадзе, но вечером мастера видят не ту Ромашкову, что они знали год назад.

Стартовое положение. Работа в повороте. Отличный бросок.

Ясно, что семья советских рекордсменов получила сильное пополнение. И рулетка судьи подтверждает это цифрами: 49 метров 78 сантиметров.

Ромашковой, всего лишь четыре года назад вставшей на старт больших соревнований, вручают майку чемпиона СССР. Ее бросок — второй в мире. В том же году она становится чемпионом Всемирных студенческих игр.

Теперь ее имя откроет перечень лучших метательниц мира.

Е. СИМОНОВ

Лучшие метательницы

Александра Чудина — одна из самых популярных спортсменок нашей страны. Она выступает в прыжках в длину и высоту, в барьерном беге, в метании копья и является одним из сильнейших игроков сборной волейбольной команды Советского Союза.

На олимпиаде в Хельсинки Чудина участвовала в двух видах спорта: в прыжках и в метании.

Очень напряженной была борьба в прыжках в длину. Чудина отлично провела соревнования и достигла нового всесоюзного рекорда. Ее результат — 6 метров 14 сантиметров — был вторым. Она получила серебряную медаль. Первое место завоевала представительница Новой Зеландии Уильямс.

Интересно проходили соревнования по метанию копья. Дана Затопкова (жена Эмиля Затопека) первым же броском достигла отличного итога — 50 метров 47 сантиметров. Это не только новый рекорд ее родины — Чехословакии, но и олимпийский рекорд.

Александра Чудина метнула копье на 48 метров, затем на 49 метров и 61 сантиметр и, наконец, на 50 метров и 1 сантиметр. Она заняла второе место и получила вторую серебряную медаль.

Третье место и бронзовую медаль получила также представительница Советского Союза Е. Горчакова.

Зрители тепло приветствовали спортсменок. Им были преподнесены букеты цветов. Наш фотокорреспондент запечатлел их тотчас же после замечательной победы.

На снимке (слева направо): Е. Горчакова, Д. Затопкова, А. Чудина.

Фото А. Гостева

Подвиг героя-матроса

В Таллине в парке Кадриорг высится памятник матросу Краснознаменного Балтийского флота Евгению Никонову. На мраморе высечена надпись: «При обороне Таллина 19 августа 1941 года тяжело ранен и после мучительных пыток, не выдав врагу военной тайны, живым сожжен на костре немецко-фашистскими захватчиками. Вечная слава Герою!»

Вечной славой окружено имя матроса комсомольца Евгения Никонова. Нет такого моряка на Балтике, да и на других советских морях, который не знал бы о подвиге торпедного электрика с лидера «Минск». Евгений Никонов был навечно занесен в списки экипажа своего корабля.

...Когда фашисты, вероломно напав на нашу страну, с боями пробивались к Таллину, им преградил путь сводный отряд балтийских моряков. В рядах этого отряда сражался и моряк с лидера «Минск» Евгений Никонов. Молодой матрос вырос на берегах Волги, работал токарем в Горьком и пошел на фронт добровольцем. Добровольцем он ушел и с эсминца на берег, сражаться за родную землю.

17 августа 1941 года Никонов был ранен в бою у хутора Харку и все же на следующий вечер снова вызвался пойти в разведку. Вот что рассказывает о последующих событиях бывший политрук отряда, ныне старший лейтенант запаса Г. Шевченко:

— Около двух часов ночи с хутора к нам донесся крик. Мы сразу решили, что наши товарищи попали в руки гитлеровцев. Отряд советских воинов мгновенно с трех сторон бросился на фашистов. Дружным и внезапным ударом, гранатами и штыками, моряки сломили сопротивление врага и заняли хутор. На хуторе мы обнаружили жуткую картину: горел большой костер, а над ним привязанный к дереву — молодой моряк Евгений Никонов. Все его тело было обожжено огнем и изрезано штыками.

...После допроса пленных гитлеровцев удалось полностью установить картину гибели моряка. Тяжело раненный, он был подвергнут зверским пыткам. Фашистские офицеры требовали, чтобы Никонов рассказал им все подробности о составе отряда, о силах, обороняющих Таллин. И когда советский моряк отказался отвечать на вопросы, его привязали к дереву и сожгли живьем...

Сегодня, проезжая мимо хутора Харку, что находится в тринадцати километрах от Таллина, вы можете увидеть могилу героя. На обелиске лаконичная надпись: «Евгений Никонов. Геройски погиб за нашу советскую Родину».

Памятник Е. Никонову в городе Таллине.
Фото Е. Шутова

К десятой годовщине со дня гибели Евгения Никонова комсомольцы Балтийского флота решили воздвигнуть своему славному товарищу памятник. Лучшие скульпторы, архитекторы, инженеры принимали участие в разработке проекта памятника, и каждый новый вариант живо обсуждался моряками.

Инициатива балтийцев была поддержана партийными организациями Эстонии и горсоветом Таллина. Для памятника моряку-герою было выделено одно из самых красивых мест парка Кадриорг.

Ныне памятник высится над рощами старинного парка.

В. ВИКТОРОВ

ПЕРВЕНЕЦ ГАЗОВОЙ ИНДУСТРИИ

Пять лет назад — 16 августа 1947 года—вступил в эксплуатацию первый магистральный газопровод Саратов — Москва имени И. В. Сталина. В приветствии И. В. Сталина строителям, монтажникам и эксплуатационникам, полученном в те же дни, говорилось: «Сооружение газопровода Саратов — Москва является большим вкладом в дело улучшения быта трудящихся нашей столицы и развития новой отрасли промышленности в Советском Союзе — газовой индустрии».

Что представляет собой газопровод и что принес он нашей Москве?

Стальной трубопровод длиной почти в 900 километров протянулся по территории пяти областей — Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской и Московской. Заложенный в земле, он пересекает поля и леса, болота и овраги, железные и шоссейные дороги, а также дно множества больших и малых рек.

Газ, добываемый в недрах Поволжья, проходит сложный путь. Из коллектора труб, связывающего скважины промыслов, он поступает в магистраль и, прежде чем пройти в Москву, минует несколько компрессорных станций. На головной станции газ очищается от содержащихся в нем вредных примесей и осушается от влаги, на прочих — пропускается через фильтрующие приборы. Сжимаемый под давлением в несколько десятков атмосфер и подгоняемый мощными компрессорами, газ мчится подземной магистралью. Близ Москвы поток газа попадает в контрольно - распределительный пункт, затем — на газораспределительные станции, а уже отсюда — в газовые сети различных районов города и, наконец, — к потребителям.

Сейчас наиболее дешевое и удобное топливо получают свыше 85 процентов московских квартир, более двух тысяч коммунально-бытовых учреждений. За пять лет существования магистрали Саратов — Москва общая экономия от пользования новым, незримым топливом составляет сотни миллионов рублей. Благодаря переходу на газовое отопление значительно чище стал воздух в Москве — резко сократилось количество дыма и копоти. В этом году в столице завершится газификация жилых домов, будет продолжено переустройство на газовое отопление котельных многих жилых и общественных зданий.

Л. ОСТРОВСКИЙ

Подмосковная газораспределительная станция газопровода Саратов — Москва имени И. В. Сталина. Оператор Л. Ширягина измеряет давление газа, поступающего из магистрали.

Фото Д. Минскера

Шахматный турнир наций

КОМАНДНОЕ ПЕРВЕНСТВО МИРА

Лето 1952 года тяжелое для «болельщиков». Только что разъехались участники олимпиады, а Хельсинки уже снова в центре внимания всего спортивного мира.

Здесь начинается командное первенство мира по шахматам, так называемый турнир наций. Он проводится официально с 1927 года. В команде каждой страны участвует по четыре шахматиста. Команда-победительница получает звание чемпиона мира и переходящий кубок.

В 1927 году в Лондоне и в 1928 году в Гааге звание чемпиона мира завоевала команда Венгрии. В Гамбурге в 1930 году победила команда Польши. В Праге в 1931 году, в Фолкстоне (Англия) в 1933, в Варшаве в 1935 и в Стокгольме в 1937 году победили шахматисты США. В 1939 году в Буэнос-Айресе победила команда Германии. После мировой войны, в 1950 году, на своей территории в Дубровнике звание чемпиона мира завоевала команда Югославии.

Но в этих турнирах не участвовала команда Советского Союза — страны, где в шахматы играют «неплохо».

Состязания в Хельсинки — самые крупные в истории турниров наций. Около 30 стран подали заявку. Особенно знаменателен этот турнир тем, что в нем впервые принимают участие шахматисты Советского Союза.

В состав команды СССР вошли гроссмейстеры: П. Керес, В. Смыслов, Д. Бронштейн, Е. Геллер и запасные: И. Болеславский и А. Котов (капитан команды).

Поскольку ожидается большой съезд участников, команды будут разбиты на три отборочные группы. В финале встретятся сильнейшие.

Наиболее серьезными противниками нашей команды, повидимому, будут команда США и команда Югославии. Первая во главе с гроссмейстером Решевским, находящимся в хорошей форме, и вторая, возглавляемая молодым гроссмейстером Глигоричем. Не менее, а возможно, и более серьезным противником будет команда Аргентины, в которой выступает «варшавский аргентинец» гроссмейстер Найдорф, «австрийский аргентинец» гроссмейстер Элизказес, первоклассный мастер Болбочан и мастер Пильник (родом откуда-то с Востока).

Сильные противники — команды Венгрии, Чехословакии, Швеции, которые всегда выступали хорошо в турнирах наций.

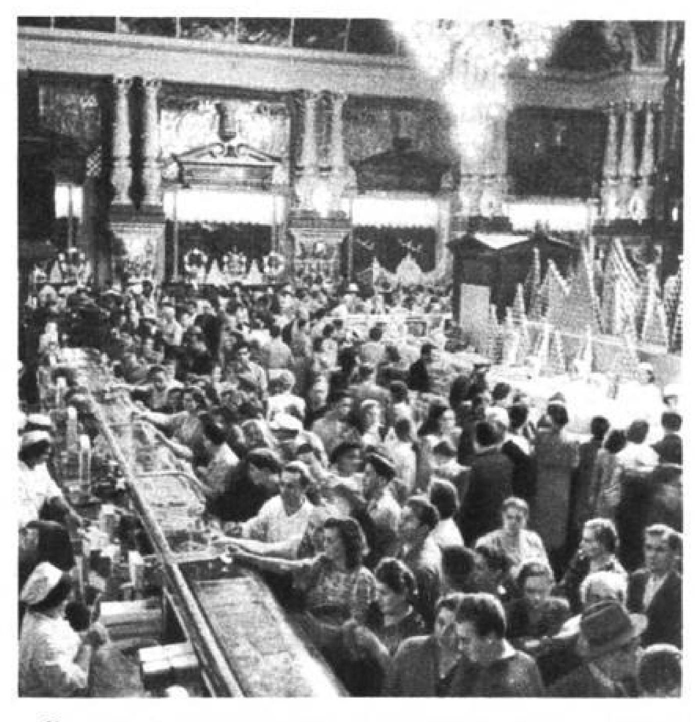
Интересно отметить, что в команде Франции, возглавляемой престарелым гроссмейстером Бернштейном, на четвертой доске играет женщина — известная москвичам Шоде де Силан.

Советские шахматисты одержали много блестящих побед, и мы имеем все основания быть уверенными, что и на этот раз, в самом ответственном соревновании после 1948 года (индивидуальное первенство мира), наши шахматисты не подведут. Поэтому я думаю, что наш шахматный «болельщик» может спать спокойно. Хотя, конечно, ни один любитель шахматного искусства не уснет, пока он в 0 часов 5 минут по московскому времени не услышит по радио, как сыграли наши в Хельсинки.

Международные шахматные состязания —прекрасный фактор для укрепления культурных связей между народами. Как прошедшие олимпийские игры, так и турнир наций должен превратиться в новую демонстрацию борьбы за мир, за дружбу между народами всего земного шара.

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

МАГАЗИН ВСТРЕЧАЕТ ПОКУПАТЕЛЕЙ...

Недавно после реконструкции открылся широко известный в стране магазин «Гастроном» № 1, находящийся на улице Горького в Москве.

Когда покупатель входит в главный зал, то сразу замечает и большие перемены во внешней отделке и новую линию прилавков. Это прилавки-холодильники. Температура в них поддерживается автоматически на заданном уровне — плюс 8 градусов.

Во фруктовом отделе имеется низкотемпературный холодильник, где при температуре минус 18 градусов хранятся замороженные фрукты.

На снимке: в главном зале магазина.

Фото Е. Умнова

В ИНДИИ

(Из дневника художника)

В. КЛИМАШИН

Русские художники знают Индию по картинам Верещагина. Бездонная синева неба, ослепительно белый мавзолей Тадж-Махал с его великолепным отражением в реке Джамна, неповторимый колорит индусских одеяний... Мне довелось узнать Индию ближе.

* * *

Самолет идет на снижение. Мелькают рыбачьи шаланды с острыми парусами. Чайки. Берег и пальмы. Аэродром Санта-Крус, таможня — и мы в Индии. Пятнадцать — двадцать минут езды по шоссе мимо пальм, роскошных лугов в мареве озер, мимо груд щебня, непонятных пещер, около которых мы видим смуглых их обитателей, и, наконец, большой незнакомый город.

Бомбей. Огромная подкова зданий и пальм на берегу Аравийского моря. Крупнейший торговый порт — ворота в Индию. Здесь скрещиваются многие морские пути, и сюда со всей страны собираются индийцы, сикхи, парсы, бенгальцы и другие народности далеких провинций.

В первый же вечер, как спала жара, мы идем по улицам Бомбея. Великолепные дворцы—один, второй, третий. Огромные рекламы. Роскошные подъезды особняков, спрятавшихся в цветах и пальмах. И у оград на асфальте вповалку спящие люди — множество изможденных, еле прикрытых тел. В сиреневом свете газовых фонарей смуглая кожа спящих приобретает мертвенный оттенок. Это первое впечатление от роскоши рядом с нищетой останется в памяти на всю жизнь.

* * *

Идет строительство Советского павильона на Бомбейской международной выставке. И опять очень много новых впечатлений. Выемка земли под фундамент производится не экскаваторами, а мотыгами. Щебень и камни подносятся в небольших железных плошках; заняты на этой работе женщины, которые подносят плошки на голове. Тяжелые фермы устанавливаются при помощи простейших блоков. Строительные леса воздвигаются из бамбука.

Какой же чудесный народ работает на стройке! Сверкают улыбки, раздаются громкие возгласы. На строительстве трудятся искусные монтажники, верхолазы, такелажники. Мы сетуем: без машин строительство подвигается медленно. Об этих разговорах узнают рабочие. «Джалди-джалди!» — слышится на стройке.

— Как перевести по-русски «джалди»? — справляются индийцы у переводчика.

— «Джалди-джалди»? Ну, «скорей, скорей»... Или «давай, давай»,— улыбается переводчик.

Индийцам нравится звучание этих слов.

«Давай, давай!» — весело кричит плотник монтажнику, монтажник — такелажнику. «Давай, давай!» — разносится по всей стройке. Рабочие довольны. Мы тоже. Строительство подвигается быстро, выставка открывается во-время, и над городом выше самых высоких крыш Бомбея загорается рубиновая звезда Советского павильона Международной выставки.

* * *

Как только выпадает свободный от работы на выставке день, беру кисти и краски и тороплюсь на улицы. Хочется, чтобы в моих этюдах и зарисовках Бомбей остался таким, каким я его вижу: веселым и печальным, богатым и обездоленным, выразительным и поэтичным; Бомбей — город сердечного и талантливого народа...

На корточках сидит человек из касты неприкасаемых. Очень выразительные, полуприкрытые печальные глаза: отверженный... Закат на Каф-Парейде... Пальмы и комфортабельные автомобили. Глубочайшая синева небес. И страдальческая улыбка милой худенькой девочки — полуголой маленькой дочери бомбейского докера. Трудно рисовать, даже комок в горле: смотреть на девочку до боли грустно... Теплая лунная ночь, ласковый западный бриз несет с собой запахи моря. И вот новое, совсем изумительное впечатление: в большом саду на склоне холма, как в амфитеатре, расположилось очень много людей. Это встреча советской делегации, приехавшей на фестиваль индо-советской дружбы. Цветы, цветы, гирлянды цветов. Радостный смех и восторженные возгласы.

Начинается концерт. Зрители взволнованы. Широко льется песня. Справа — артист в одежде простого рыбака, в центре — индийская женщина, слева — бенгалец с ударным инструментом. Они поют «Песню в защиту мира». Эта песня, звучащая с такой силой за много тысяч километров от нашей Родины, оставляет в душе неизгладимый след. Невольно вспоминаются страстные слова поэта и общественного деятеля Индии Хариндраната Чаттопадхайя:

«Дружбе наших двух народов нельзя помешать, как нельзя остановить океан!»

* * *

Дорога из Бомбея в Дели. За окном машины мелькают полустанки, трубопровод, доставляющий воду Бомбею, высохшие русла рек, несметное количество больших и малых деревень. По шоссе — длинные вереницы пожилых женщин и девушек, одетых в цветистые сари.

Вот деревня из десяти глиняных хижин на выжженной солнцем равнине. И не меньше десятка лавчонок с английскими булавками, кока-кола, сигаретами и всякой мелочью. Сидят сонные хозяева своего маленького бизнеса, свесив руки, скучающие по работе, и вокруг — ни души. Спрашиваешь себя: продавцов много, кто же у них покупает?

* * *

В Дели добираемся поздно вечером. Но даже и вечером резко бросается в глаза, что столица Индии разделена на две непохожие друг на друга части. Одна — деловая, где высятся особняки, банки и государственные учреждения, другая — Старый Дели — город маленьких домишек, до крыш декорированных пестрыми рекламами, город торговых рядов, памятников старины и воющих по ночам шакалов.

Наутро с балкона открывается чудесный вид. Деревья недвижно стоят в голубовато-белесом тумане. Носятся с дерева на дерево стаи зеленых попугаев. Садовники подстригают геометрические линии парковой зелени. Отправляюсь в Новый Дели, открываю ящик с красками. Живописная старинная крепость Пурана Килла, собственно, уже руины. Слева над воротами сушится белье. В руинах живут переселенцы с юга...

* * *

Старый Дели. Туда меня ежедневно возит извозчик-тонгавала по имени Болман. Каждое утро он ожидает у калитки и еще издали, приветствуя своего седока, кивает огромной желто-лимонной чалмой. И снова необычные городские пейзажи. Одна из торговых улиц. Маленькие лавчонки, магазины, и не очень бурная торговля. Кули с тележками. Оборванные детишки, и очень много шума. Улица узенькая, и Болман все сдерживает свою лошаденку, чтобы не раздавить покупателей или продавцов: их здесь трудно отличить друг от друга.

Опять большой лагерь переселенцев. В ветхих палатках живут люди, похожие на призраки. Эти люди проделали долгий-долгий путь с юга — пытались уйти от невыносимой нужды. Не ушли. А земля в Индии может давать два урожая в год!

* * *

Базар. Навстречу нам идет высокий и стройный, мускулистый мужчина. Он тащит тяжелую тележку. На смуглом лице в улыбке сверкают зубы. Плечи закутаны пестрым шарфом. Прошу его остановиться, позировать мне для наброска. Он охотно соглашается, непринужденно встает перед нами, опустив натруженные руки.

Набросок удается сделать быстро. Прощаемся, и индиец снова бежит со своей тележкой, громко распевая что-то на своем гортанном языке.

— О чем он поет? — спрашиваю я переводчика.

— Импровизация. Он поет: «Вот я тащу тяжелые ящики кока-кола. Тащу своему боссу. Нет у меня рупий...» А вот сейчас, слышите, запел очень громко красивую песню.

«Я люблю свою Индию» — вот о чем он сейчас поет...

* * *

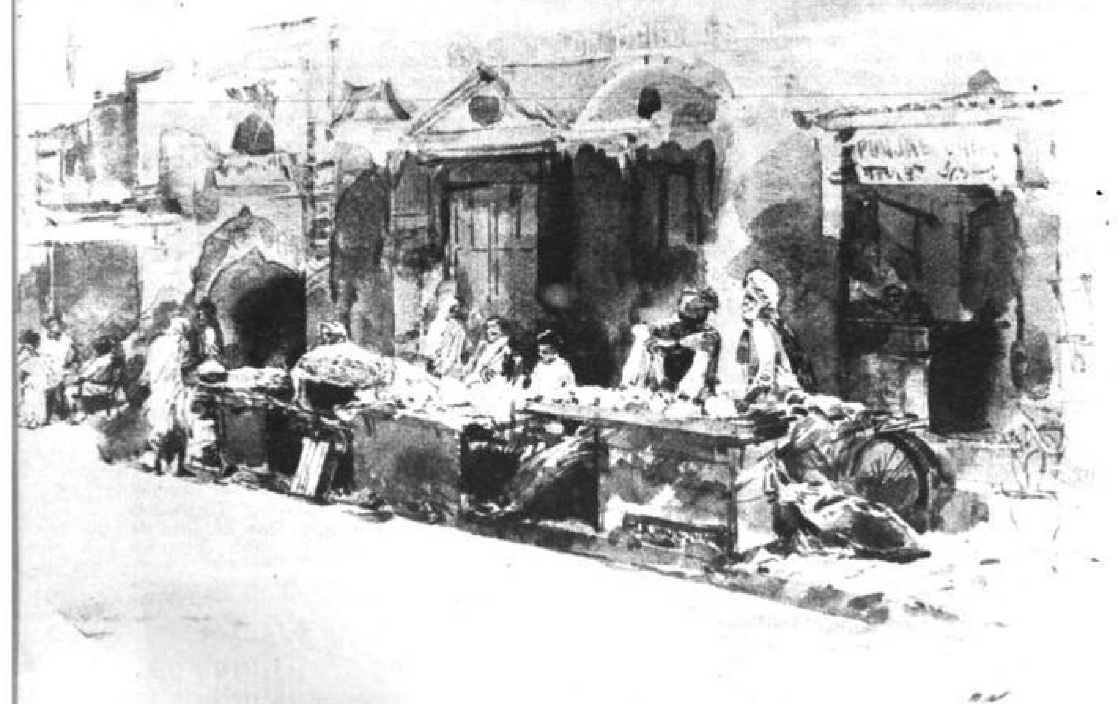
Незадолго перед отъездом мы бродили по окрестностям Бомбея с одаренным индийским художником Бхаттачария. В старом саду художник обратил мое внимание на стоявшее особняком совершенно голое дерево:

— Придем сюда завтра утром,— предложил он.

Мы пришли к этому дереву утром, и я не мог удержаться от громкого восклицания. Все дерево покрылось пышными алыми цветами.

Бхаттачария сказал мне с улыбкой:

— Так же бывает и в жизни народов.

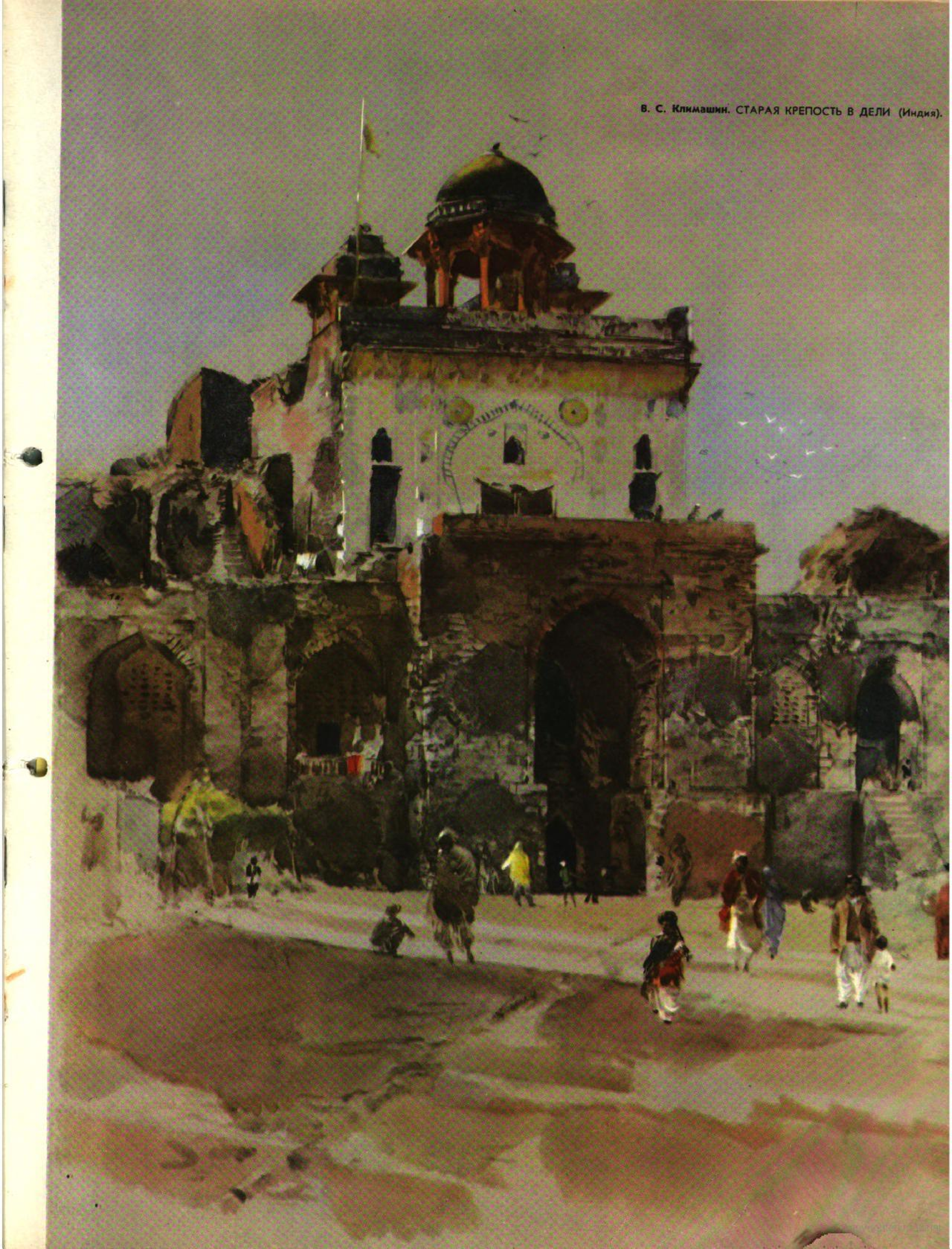

На улицах Старого Дели.

B.K.

В. С. Климашин. НЕПРИКАСАЕМЫЙ (Бомбей. Индия).

В. С. Климашин. СТАРАЯ КРЕПОСТЬ В ДЕЛИ (Индия).

В. С. Климашин.
КУЛИ.

ТОЧНОЕ ВРЕМЯ

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Рисунок П. Караченцова

По двери тихо заскребли, и человек, низко склонившийся над разложенными на столе пружинками и винтиками часовых механизмов, недовольно, не вынимая лупы из глаза, повернулся в сторону двери. Он был высок, лыс, с шарфом, намотанным вокруг больного горла.

— Ну, кто еще там? — спросил он скрипуче.

— Это я Витя... — ответил детский голос за дверью. — Можно к вам зайти?

— Ну, заходи, раз пришел, — ответил старик, и улыбка чуть измяла его длинные, не разжавшиеся губы.

Дверь открыли, и мальчик вошел в комнату.

— Я у вас недолго побуду...— сказал он, с любопытством вытягивая шею в сторону разложенных часовых пружинок и винтиков. — Я у вас, Николай Петрович, только побуду и уйду,— повторил он просительно.— Вы что: собираете или разбираете? Николай Петрович, а могут часы без маятника ходить?

— Подожди, подожди... — сказал старик. — Видишь, какой ты проворный... все тебе надо сразу знать! Ну, бери стул и садись.

Мальчик торопливо взял стул, прижал его обеими руками к животу и поставил рядом с часовщиком.

— Николай Петрович, а почему к ходикам привязаны такие тяжелые гири?.. Ведь им, наверное, с гирями трудно ходить? — продолжал он оживленно, радуясь, что его не отослали.

— О ходиках, брат, мы с тобой можем, конечно, особо поговорить,— ответил часовщик, захватывая щипчиками какой-то еле приметный винтик. — Ты мне пока лучше вот что скажи: наверное, ты опять до вечера один, мама часов в восемь с работы придет?

— Да, — ответил мальчик, — наверное, часов в восемь.

— Ну, так вот что: принеси-ка свои тетрадки сюда. Я тебе место с краешка освобожу. Будешь готовить уроки. А после этого мы с тобой сможем потолковать и о ходиках.

— Я не помешаю вам, Николай Петрович! — воодушевился мальчик. — Я буду совсем тихо сидеть. У меня только задачи по арифметике и написать по русскому.

Он соскочил со стула и побежал за тетрадками и книгами.

— У нас по-русски вот откуда докуда переписать задано, — продолжал он, вернувшись и располагаясь со своими книгами и тетрадками на освобожденном краешке стола.

— И вообще, брат, — сказал часовщик, глядя на него одним глазом и сощурив другой, в который вставлена была лупа, — вообще, брат, дело это никуда не годное, что ты после школы до вечера предоставлен самому себе... Вот, говорят, ты подрался третьего дня во дворе.

— Это не я, — ответил мальчик, насупившись, — это Митька Васильев подрался... я только сдачи ему дал.

— Ну, не знаю, кто из вас начал, а только нескладно, что ты полдня без надзора. Мама твоя на работе до вечера, вот ты и не знаешь, куда себя прислонить. Давай-ка условимся так... — Часовщик вынул лупу из глаза и теперь уже зорко и почти оживленно посмотрел в глаза этого Вити Баженова, которого помнил еще годовалым. — Давай-ка условимся так: ты, как только вернешься из школы, будешь приходить ко мне готовить уроки, а я тебя, после того как ты приготовишь их, буду учить собирать и разбирать часы.

— Как, взаправду учить? — спросил мальчик недоверчиво.

— В самую настоящую взаправду. — И старик довольно погладил обеими руками свою узкую лысую голову. — И в часовой фурнитуре научу разбираться... Ты знаешь, что такое фурнитура? А вот эти самые пружинки, и колесики, и спирали.

— Я вчера видел в магазине вот такую же отверточку, — вздохнул мальчик, — для самых маленьких винтиков... только дорого — шесть рублей...

— Ладно, станешь как следует учиться, будет тебе и отверточка,— сказал часовщик.— А пока переписывай по русскому, а потом будешь решать задачи.

Теперь в комнате стало тихо, и только в разных местах сухо, как кузнечики, стрекотали часики и однообразно размахивали маятником повешенные на стену ходики. Мальчик, положив оба локтя на стол, старательно поскрипывал пером.

— Николай Петрович, — спросил он минуту спустя осторожно, не отнимая кончика пера от бумаги, — а вы и будильники научите меня поправлять? Наш будильник всегда врет, мама его на двадцать минут вперед ставит, чтобы не опоздать на работу, и я тоже два раза в школу из-за него опаздывал.

— Пиши, пиши, — сказал старик строго. — О будильниках будет разговор потом.

Мальчик замолчал и снова заскрипел пером.

— Готово, — сказал он четверть часа спустя. — Нам только отсюда досюда задано. Николай Петрович, я теперь немножко посмотрю, как вы работаете, а потом буду решать задачи.

— Нет уж, решай сначала задачи, а потом будешь смотреть. А потом мы с тобой чай разведем. До вечера далеко, а ты, наверное, только в школе завтракал.

— Мама оставила мне котлеты, и картошка есть холодная... только разогревать она мне не позволяет. Боится — я газ взорву. А я вчера зажигал, — вдруг хитро прищурился он, — и ничего не взорвал.

— Вот-вот, — забеспокоился старик,— только не хватает, чтобы ты газ зажигал. Мама твоя — труженица, с утра до вечера работает, не на кого ей тебя оставить... значит, ты ей должен помогать, вести себя так, чтобы она за тебя была спокойна.

— Я и веду себя так,— ответил мальчик неопределенно.— А с Митькой не я подрался, он сам первый начал. Николай Петрович, а пружинки — это тоже фурнитура?

— Решай, решай задачи,— ответил старик сурово, подхватывая щипчиками живую, трепещущую спиральку, и мальчик снова вздохнул и раскрыл задачник.

Теперь опять заскрипело перо, и опять стало слышно в тишине опустевшей в служебное время квартиры стрекотанье разложенных на столе часиков.

— Николай Петрович, а это верно, что вы инвалид? — спросил мальчик, чтобы оттянуть решение задачи. — А ведь у вас и руки и ноги целые.

— Любопытен ты, брат... как таракан, любопытен. Будет тебе усиками шевелить, решай задачи.

Мальчик украдкой пощупал место, где растут усики, и хитро улыбнулся: никакие усики не шевелились.

— Задача не решается,— вдруг объявил он.— Бывают такие задачи, которые не решаются. Посмотрим ответ.— Он посмотрел ответ.— Нет, делится,— сказал он озадаченно.— А у меня почему-то не делится.

— Значит, сморозил где-нибудь,— отозвался часовщик попрежнему сурово.— Болтаешь все время, оттого и невнимателен.

— Нет, я не болтаю, а наверное, где-нибудь не та цифра попалась, Николай Петрович,— сказал мальчик вежливо, боясь, что старик рассердится и велит ему уйти.

Часовщик надел очки и стал просматривать его решение.

— Как же это у тебя, брат, выходит,— усмехнулся он вдруг,— множишь двенадцать на девять, и получается у тебя сто девять. Ну-ка, помножь еще раз.

Мальчик снова принялся множить.

— Сто восемь... вот поэтому-то и не делилось.

Ошибка смутила его, и больше он не произнес ни слова, пока не решил обеих задач.

— Теперь все, Николай Петрович,— сказал он скромно.— А стихотворение я потом насовсем выучу... я его почти знаю.

Он аккуратно обтер промакашкой перо и медленно стал складывать в сумку учебники и тетрадки, не решаясь спросить, можно ли наконец начать говорить о часах. Минуту он издали следил, как вставляет старик во внутренность часового корпуса дрожащую, слов-

но от озноба, пружинку, как осторожно потом покачивает часы и прикладывает к уху, как если бы часы нашептывали ему на ухо нечто приятное.

— Ну, вот, брат, гляди,— сказал он поощрительно,— без этой штуковины невозможна никакая жизнь часов, это вроде их сердца... и сердце это должно биться точка в точку, чтобы никто не опаздывал ни на работу, ни в школу. Мама твоя работает на заводе, а отец погиб за великое дело... и ты должен быть в жизни, как часы: все делать точно и во-время. Ну, а теперь я тебе разогрею котлеты, и поставим чайник, и будем мы с тобой каждый день пить вместе чай, и уроки можешь готовить у меня. А инвалидом я не потому считаюсь, что нет у меня руки или ноги, а потому, что время мое ушло.

— Как ваше время ушло? — спросил мальчик.

— А так и ушло... видел ты, как молоко из кастрюльки уходит? Вот так же и мое время ушло. Но только оно еще не совсем ушло, нужно еще потрудиться, Виктор Иванович,— добавил он задумчиво, засыпая в чайник из квадратной жестянки чай.— Ведь тебя, кажется, Виктор Иванович зовут?

— Да,— ответил мальчик серьезно.— Только это когда я буду большой.

— Ну, ладно, отложим это на будущее. А пока вот что, Витя... заходи ко мне после школы без стука, прямо с тетрадками и книжками. А то куда это годится — остаешься ты после школы один, и может найтись такой, кто уведет тебя в плохую сторону.

— Как в плохую сторону? — осведомился мальчик.

— В сторону, где часы всегда отстают... и люди в этой стороне всегда опаздывают на работу или вовсе прогуливают, и их увольняют.

Он говорил слегка непонятно, вытягивая куда-то голову на длинной шее, словно всматриваясь издалека в эту плохую сторону.

— Митька первый начал,— сказал мальчик угрюмо.— Он, когда мы подрались, сказал, что его отец мне еще в придачу даст. А если бы мой папа был жив, он бы ему тоже дал...

Старик набрал воздух и медленно выпустил его сквозь оттопыренные губы.

— Нет, Виктор Иванович, без надзора вы больше не будете бегать,— сказал он решительно.— Кончено. Вот это место на столе я для тебя раз навсегда освобождаю. Можешь и чернильницу свою поставить и книжки положить. Будем мы с тобой вместе выверять время.

Он ушел и вскоре вернулся с кипящим чайником и разогретыми котлетами на сковородке.

— Ну, садись, станем чаевничать. А потом займемся делом, нужно нам к завтрему этот будильник для одной студентки наладить.— Они сели рядом у освобожденного краешка стола, и старик налил мальчику большую чашку.— А сахару я тебе два куска в чашку положу, а третий пойдет на прикуску... сладкое вы, молодые люди, уважаете.

Они пили чай, и мальчик довольно болтал ногами под столом и косился на будильник, который они должны были сообща наладить.

Николай Петрович, а можно по телефону позвонить, я знаю номер, и там один гражданин точное время ответит. А что это за гражданин и за точное время?

Старик, прежде чем ответить, долго и задумчиво размешивал сахар в такой же, как и у мальчика, большой, с белыми цветами по красному полю, чашке.

— Точное время, брат, не только в том состоит, чтобы часы не уходили вперед и не запаздывали, а и в том, чтобы ты сам никогда не запаздывал, ни в одном деле никогда не запаздывал, и чтобы по твоему верному ходу равнялись другие. Вот сумеешь выверить себя так — и люди в тебя поверят, и будешь ты тем самым гражданином, про которого скажут: «Это гражданин надежный, вроде точного времени... с ним всегда придешь во-время всюду».

Он опять измял в улыбке свои неразжатые губы и глубоко посмотрел в глаза Вити Баженова — так глубоко, что оба вдруг на миг задержали дыхание и потом минуту не могли поднять друг на друга глаз, чтобы не обнаружить того, чему до времени полагалось остаться невысказанным.

Две песни

Николас ГИЛЬЕН

Николас Гильен — кубинский поэт, коммунист, известный борец за мир. Его стихи — большинство из них правильнее было бы назвать песнями — декламируются и распеваются под аккомпанемент гитары не только на Кубе, но и по всей Латинской Америке.

ПАСИОНАРИИ [1]

Одна голубка мне сказала,
что, над Испанией летая,
она и в небе услыхала,
как пела девушка простая:

«Лети, лети, неси Долорес
мои слова:
ее Испания сегодня
жива, жива.
От крови красный Мансанарес [2]
в тоске и горе,
он помнит бой, он помнит порох,
зовет Долорес.
«Долорес» — это значит «муки»,
но имя... имя
шепни испанцу,— как рукою
все муки снимет.
И море, бьющее о берег
волной своей,
и ветер — вековечный спутник —
стремятся к ней.
Несет ей море шум и пену,
встает лавиной,
а ветер собирает запах
роз и жасмина.
А на горах и на равнине
ее народ,
опять единый — к сердцу
сердце,—
о ней поет.
Ты слышала ли ночью топот
и крик погони?
То скачут Листер и Модесто [3],
огонь их кони.
А там, где рухнул ствол
свободы,
скажи Долорес,
другой, ты видела, поднялся
в былом уборе.
Скажи скорей, что
в подземельях,
на чердаках,
и у станков, и в черных шахтах,
и на горах,
у всех ключей, у всех колодцев,
у всех корней
стоят на страже партизаны,
скажи скорей!
Стоят на страже партизаны,
скажи скорей,
глаза не спят, рука не дрогнет,
винтовка в ней».

НЕГР ПОЕТ В НЬЮ-ЙОРКЕ

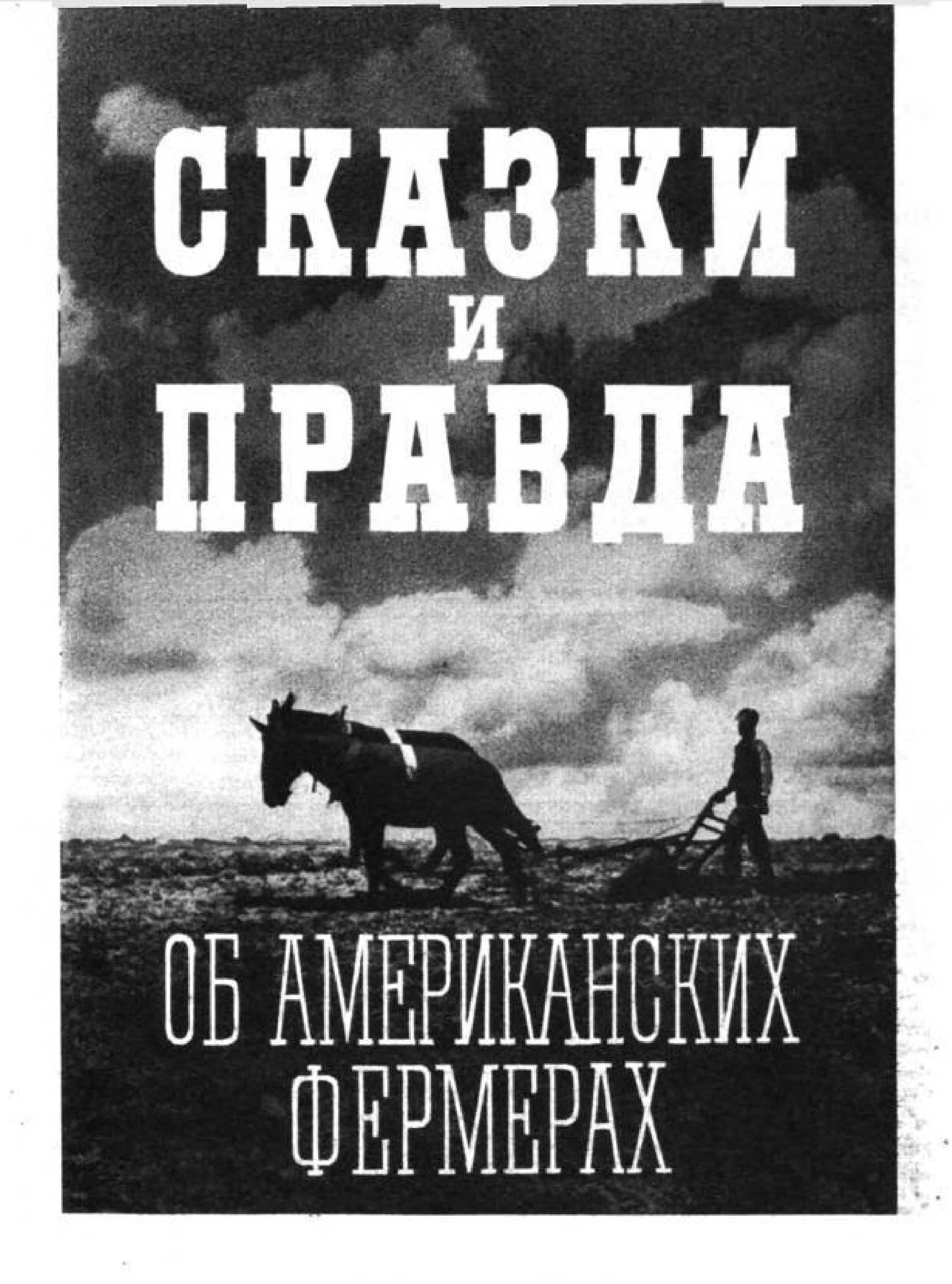
День и ночь над Нью-Йорком
голубка летала,
ни звезды в небесах,
ни цветка на земле не видала.
Только дым, только камень,
только камень и сталь,
только сталь, только пламень,
только гнев и печаль.

— А вы не видали, как негр
там плачет, голубка?
— Нет.
— Не пел ли он песню?
— Да.
Он меня увидал,
улыбнулся и долго смотрел
и тихонько запел:

«Подарил мне мечту мечтатель,
небольшую, только намек,
но из этой мечты
я сделаю сам
звезду и цветок.
Золотую большую звезду
и цветок в золотом саду.
Подарил мне певец обрывки
мелодий своих и чужих.
Я все их запомнил,
и сам я сложу
две песни из них.
На смерть Джима Кроу [4] —
одна,
другая — чтоб в мире
был мир и весна.
Подарил мне кузнец железо,
кусок невелик и сер,
но я из него
сделаю сам
молот и серп.
Бей, молот мой, бей!
Режь, серп мой, скорей!»

Перевел с испанского
О. САВИЧ

[1] Пасионарией (вдохновенной) испанский народ прозвал Долорес Ибаррури, генерального секретаря ЦК Испанской коммунистической партии.
[2] Мансанарес — река, на которой стоит Мадрид.
[3] Листер и Модесто — герои всенародной испанской войны против фашизма.
[4] Джим Кроу — сенатор, требовавший изоляции негров в США. Его имя стало символом американского расизма.

А. ХАНЬКОВСКИЙ

Уже не первый год американская пропаганда старается изо всех сил убедить мир, что положение американских фермеров не оставляет желать ничего лучшего. Немало рекламных материалов на эту тему выпускает информационное бюро государственного департамента США.

Техника этого дела стандартизована. Берется какая-либо одна фермерская семья, ее быт расписывается в кричащих, радужных красках, а затем делаются столь же широковещательные, сколь фальшивые, обобщения: Америка-де — рай для фермеров. Каждый из «объектов» сначала специально отбирается, а затем надлежащим образом «обрабатывается» фальсификаторами из бюро информации. Таковы, например, «истории» фермера Моррисона из долины Якима, Уорделла из Колорадо, Хейзера из Иллинойса и так далее.

Цель массового выпуска всех этих лубочных изделий ясна. Экономическое положение подавляющего большинства американских фермеров с каждым годом становится все тяжелее и беспросветнее. Читателя, особенно зарубежного, хотят дезориентировать, скрыть от него неприглядную действительность американской деревни. И чем хуже живется американскому фермеру, тем гуще патока, которую изливает на этот счет американская пропаганда. Читателю хотят прежде всего вдолбить в голову, что в сельском хозяйстве Соединенных Штатов господствует и мирно преуспевает традиционная мелкая «семейная ферма». Посмотрим, как выглядит все это на самом деле.

«История» фермера-плодовода Моррисона из долины Якима была доверена бойкому перу некоей «писательницы» по имени Маргарет Шнуг. С первых же слов она старается ошеломить читателя: мистер Моррисон более трех десятков лет назад приобрел участок в два с половиной гектара, засаженный яблонями; теперь же его плодовые деревья раскинулись на 160 га. Замечательные фрукты Моррисона в свежем и консервированном виде потребляются во всех уголках штата Вашингтон! — восклицает в упоении Маргарет Шнуг. Фермер «процветает». Он неуклонно расширяет свои деловые операции. Его отношения с рынком проникнуты духом взаимопонимания и согласия. И, конечно, его семья окружена довольством, комфортом, и ни малейшей тени не падает на счастливый семейный очаг!

Несмотря на все литературные красоты, в изобилии украшающие «произведение» Маргарет Шнуг, серьезные сомнения закрадываются в душу здравомыслящего читателя уже при чтении первых страниц «истории». Автор как бы мимоходом отмечает, что Моррисон, чтобы справиться со своим разросшимся предприятием, нанимает на летний сезон 60 рабочих, и это сверх постоянно работающих у него батраков. Так вот, оказывается, какова природа счастливого фермерского оазиса в долине Якима! Все дело в том, что облюбованный бюро информации счастливец из долины Якима никак не мелкий фермер, а капиталист, на которого работает несколько десятков батраков. В какой мере Моррисона можно считать типичным представителем массы фермеров, показывают цифры, опубликованные не кем иным, как официальной американской статистикой. По данным последней переписи (1950 года) видно, что один миллион фермеров (из общего числа 5 384 тысячи) не только не в состоянии нанимать рабочих, но эти люди сами батрачат значительную часть года, чтобы свести концы с концами и добыть средства на самое скудное пропитание. Итак, Моррисона никак не причислишь к этой категории полуфермеров-полубатраков, живущих на грани голодного существования.

Воспользуемся дополнительными, совсем недавними сведениями, которые обнародовало в печати американское Бюро переписи. Эти данные гласят, что 2,4 миллиона фермерских хозяйств США, то есть 44,5 процента всей фермерской массы, получают доход в размере до двух с половиной тысяч долларов в год. Значительное число из этой массы получает лишь по нескольку сот долларов годового дохода. Нетрудно высчитать, что даже самые «удачливые» люди, принадлежащие к этой фермерской толще, извлекают из своего хозяйства более чем скромный доход в 6,8 доллара в день. Может ли даже такой «удачник» содержать на эти деньги семью, ферму да еще... оплачивать 60 батраков, как это делает Моррисон, выдаваемый Маргарет Шнуг за «типичного» американского фермера?

Другая рубрика американской переписи фиксирует, что около одного миллиона фермеров получают годовой доход до 250 долларов. Опять-таки лишь наиболее «счастливые» представители этой группы получают «доход» в 68 центов в день на ферму. Между тем самый жесткий прожиточный минимум семьи, даже по оценке правительственных органов, составляет не менее 10,1 доллара.

Нужно ли после этого доказывать, что литературные упражнения Маргарет Шнуг о Моррисоне — не более как фальсификация и что означенный сельскохозяйственный предприниматель, благоденствующий в долине Якима, ничего общего не имеет по крайней мере с двумя третями американских фермеров, влачащих жалкое существование?!

Впрочем, в статье миссис Шнуг имеется осторожно затушеванный намек на то, какими путями пришел к своему благоденствию «фермер» Моррисон. В 1931 году, читаем мы в статье, мистер Моррисон получил чистый доход всего лишь в сумме 33 долларов и 60 центов — иначе говоря, всего лишь 9 центов на круг в день. В 1932 году его доход все еще составлял только... 80 долларов. Это больше похоже на хронический упадок хозяйства, чем на процветание. Автор статьи, правда, скромно замечает, что ферма Моррисона тогда «прогорела». Но далее автор с ловкостью циркового канатоходца обходит такие «мелочи», как жестокий аграрный кризис, свирепствовавший в США в начале 30-х годов и вызвавший разорение многих сотен тысяч мелких фермеров. Миссис Шнуг с невинным видом уверяет, что Моррисон «сумел выбраться» из этой неприятной передряги и добиться солидного расширения своего предприятия. Каким же образом? Оказывается, Моррисон попросту скупил участки своих разорившихся собратьев-фермеров, пользуясь катастрофическим падением цен на землю! Да, в реальной жизни США, к сожалению, так и «решается» фермерская проблема: обогащением немногих за счет разорения и гибели основной фермерской массы.

Вполне возможно, что источником вдохновения Маргарет Шнуг попросту послужил какой-нибудь из тех желтых или оранжевых листков, которые в миллионах экземпляров распространяют по всем американским штатам фермеры-предприниматели типа Моррисона.

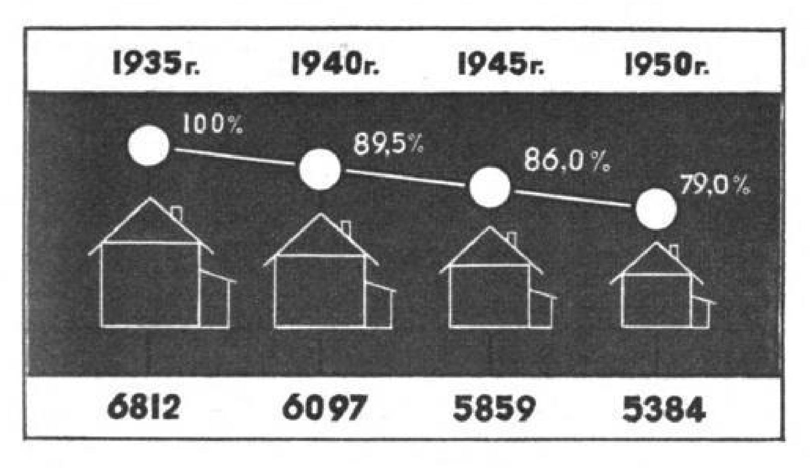
Такого рода реклама — обычное дело в США. Предположим, что какому-нибудь Моррисону понадобится в сентябре сто временных рабочих для уборки яблок, персиков или абрикосов. Предприимчивый фермер печатает рекламные листки, где будущему собирателю абрикосов или персиков рисуется райская жизнь на манер изображенной миссис Маргарет Шнуг. Заботливые агенты-распространители за небольшую мзду доставляют листки сотням тысяч странствующих, обездоленных фермеров-мигрантов.

Обратимся снова к официальному американскому источнику, предназначенному для «внутреннего обихода». В конце 1951 года «Национальный комитет по вопросам детского труда» опубликовал доклад об итогах обследования кочующих сельскохозяйственных рабочих в штате Колорадо. Несмотря на явное стремление авторов сгладить острые углы, они вынуждены были рассказать о неслыханно-бедственном положении несчастных «бродячих» фермеров. Даже эта буржуазная организация именует агентов и подрядчиков, вербующих на дорогах США сельскохозяйственных рабочих, «эксплуататорами человеческих несчастий». «Девять из десяти семей сельскохозяйственных рабочих, — говорится в докладе, — заявили обследователю, что они приехали в Колорадо, гонимые нуждой, и потому, что были обмануты агентами при найме, которые обещали им высокую заработную плату и хорошие условия труда».

В докладе далее указывается, что многих сельскохозяйственных рабочих агенты доставили на колорадские плантации издалека — за тысячу и более миль. Об условиях перевозки этих людей говорится, что «людей при транспортировке буквально набивали в грузовые машины до отказа и обращались с ними так, как хороший скотовладелец не стал бы обращаться со скотом». Яснее, пожалуй, трудно выразиться!

Под гипнозом желтых и оранжевых листков, устной и печатной рекламы, под впечатлением россказней агентов фермерского капитала разорившиеся и разоряющиеся фермеры массами пускаются в поход в поисках

РАЗОРЕНИЕ ФЕРМЕРОВ В США

Нижний ряд цифр на диаграмме показывает количество фермерских хозяйств в США (в тысячах). Их число сократилось за 15 лет почти на 1,5 миллиона, т. е. на 21 процент.

заработка. Двигаются целыми семьями, пользуясь всеми доступными средствами передвижения — поездами, на автомашинах, пешком. Сотни тысяч мигрантов, чтобы добраться к своему «заветному» Моррисону, проделывают сотни километров, растрачивая последние жалкие крохи на бензин, скудные харчи. Когда же они в конце концов добираются до намеченного места, то обнаруживают, что туда налетела целая армия, исчисляющаяся десятками тысяч голодных людей, бывших недавно самостоятельными фермерами.

Маргарет Шнуг ко всем небылицам о «фермерском счастье» добавила еще одну: у Моррисона-де и рабочие зарабатывают не хуже самого «образцового фермера» из долины Якима. Факты, неоднократно приводящиеся в американской печати, показывают совсем другую картину. За тяжелый труд семья фермера-мигранта в 5—6 человек получает доллар в день. За сбор громадной корзины персиков платят два с половиной цента. И это при условии, что сборщик на своем горбу перетащит ее в кладовую весовщика. И беда, если случайно попал поврежденный или несортный персик: весь труд батрака пропадает даром. На такой заработок странствующий американский сельскохозяйственный рабочий не может поддерживать даже полуголодное существование своей семьи. Но стоит ему запротестовать, а тем более поставить вопрос о прибавке к жалкой оплате, он сразу будет объявлен «красным», а за этим последует знакомство с шерифом и с местными фашистами — виджилянтами.

Но, быть может, все-таки долина Якима, куда обратили свои восхищенные взоры пропагандисты из госдепартамента, составляет счастливое исключение?

Спустимся в эту райскую долину. Она славится многими садовыми культурами, но пришлых поденщиков из разорившихся фермеров она привлекает главным образом уборкой хмеля в сентябре и яблок в октябре. Работы эти сугубо сезонного характера. Если для сбора хмеля требуется, например, 33 тысячи рабочих, то уже сбор яблок проводится при 12 тысячах, а в декабре и январе рабочей силы требуется не более 300—1 000 человек. Половина штатов страны поставляет этой долине странствующих сельскохозяйственных рабочих. Доктор Карл Ф. Реус, изучавший положение фермерства в этой долине, считает, что пришлые сельскохозяйственные рабочие, обслуживающие долину, в среднем проделывают каждый год по 1 860 километров и тратят на передвижения одиннадцать процентов всего своего и без того крайне скромного годового заработка.

Что же дает этим людям работа в «исключительной» долине Якима? Д-р Реус подсчитал, что на семью в среднем приходится 254 доллара за сезон. «Доход сельскохозяйственных рабочих долины Якима настолько низок, — пишет другой американский исследователь, д-р Лэндис, — что рабочие никак не могут прокормить себя».

Недавно американское агентство «Федерейтэд пресс» сообщило о посещении американского конгресса делегацией сельскохозяйственных рабочих юго-западных штатов. Дело было в феврале 1952 года. Делегацию приняла подкомиссия сенатской комиссии по вопросам «труда и общественного благосостояния», возглавляемой сенатором-демократом от штата Миннесота Губертом Хэмфри. Делегаты раскрыли перед почтенными сенаторами такие потрясающие факты нищеты, обездоленности и человеческих несчастий, что несколько озадачили даже видавших виды конгрессменов. Приведем лишь выдержки из одного такого показания — Жуниты Гарсиа, батрачки из Броули (Калифорния).

«Моя семья,— сообщила Гарсиа,— собирает фрукты и хлопок. На фермах и плантациях работают почти все члены семьи — я, мой отец, брат, сестры. Жизнь для таких бедных людей, как мы, работающих на чужих фермах, очень тяжела. Почему? Потому, что каждый год плантаторы и фермеры стараются нанять новых рабочих на фермы, платя им намного меньше, чем рабочим в прошлом году. Когда я была еще маленькой, мой отец имел ферму, но затем он разорился... С каждым днем жить становится труднее и труднее. Увеличиваются налоги, поднимаются цены на основные продукты питания, одежду и другие необходимые вещи... Многие дни в году мы не работаем. Некоторые дни работаем по часу в день...»

Бывший фермер, работающий батраком в долине Якима, следует по тому же тернистому пути, что и все другие его разорившиеся собратья. Насколько жизнь в этой долине не порождает у этих людей возвышенных чувств по отношению к «американскому образу жизни», можно судить по свирепым полицейским мерам, которые предпринимают работодатели. Для того чтобы держать пришлых в повиновении, сельскохозяйственные предприниматели долины Якима создали специальные лагери. Дух гитлеровских лагерей смерти витает в этих «свободных» трудовых лагерях долины Якима, штата Вашингтон. Вооруженные «патрули порядка» день и ночь охраняют дороги, поля. Патрули порядка, по словам д-ра Лэндиса, «используются для предотвращения беспорядков среди рабочих», которые, повидимому, считаются в этих местах неизбежными. Некоторые сельскохозяйственные капиталисты дошли в этой долине до того, что самочинно создали тюрьмы, в которые запрятывают «крамольный элемент».

В долине Якима есть великолепный замок Конгдон, построенный кем-то из сильных мира сего. Это — благоустроенное поместье с культурными фермами, с высоким уровнем сельскохозяйственной техники. В этом поместье, где все важнейшие трудовые операции сплошь механизированы и электрифицированы, представители животного царства пользуются вполне «человеческими» условиями существования и каждодневно дают обнищавшим фермерам предметный урок «американского образа жизни». «Контраст между стойлами образцовой фермы замка и лачугами столь же велик, — пишет американский писатель-аграрник Мак-Вильямс, — как и контраст между холеностью коров и нищетой мигрантов».

Не случайно поэтому, что в благодатной долине Якима наблюдаются острые проявления классовой борьбы. Летописцы долины зафиксировали серьезную схватку между предпринимателями и их странствующими рабочими, которую они были вынуждены назвать «битвой у замка Конгдон».

Предоставим еще раз слово писателю Мак-Вильямсу. «Условия, в которых находятся кочующие рабочие в долине Якима,— пишет он, — уже давно считаются самыми худшими на всем западе. Одно из четырех богатейших графств Соединенных Штатов, графство Якима, известно тем, что по числу заболеваний тифом оно стоит на первом месте среди всех графств Америки».

Так выглядит «фермерский рай» в долине Якима, штата Вашингтон. Но картина будет неполной, если не упомянуть еще об одном обстоятельстве. В начале этого года американская печать сообщила, что фермеры долины Якима переживают «тяжелые времена». Это означает, что и фрукты «счастливого» Моррисона и ему подобных фермеров-предпринимателей не находят сбыта. В качестве выхода применяется чисто американский способ борьбы с кризисом — вредительское уничтожение так называемых «излишков». И в долине созданы гигантские свалки, где гниют горы превосходных фруктов стоимостью в миллионы долларов. Эта хищническая порча ценных продуктов питания сознательно производится в то самое время, когда мелкие и средние фермеры разоряются, а голодные батраки бродят по прославленной госдепартаментом долине Якима в тщетных поисках хлеба и крова.

С каждым годом улучшается жизнь крестьян народной Венгрии. Десять сельскохозяйственных кооперативов в районе Туркеве владеют 35 тысячами хольдов земли, на которой до освобождения страны Советской Армией хозяйничали помещики и кулаки. Из года в год кооперативы получают все новые сельскохозяйственные машины, которые теперь производят все трудоемкие работы. Наряду с юношами в ряды трактористов вступают девушки, пополняя ряды передовиков — механизаторов сельского хозяйства.
На снимке: бригада трактористок Туркеве получает задание.

ЛЕМ КИМБЛ

Рассказ

Стефан ГЕЙМ

Рисунок В. Высоцкого

Почти всю ночь шла стрельба. От грохота, трескотни, скрежета все тело у него кололо, как иголками, а ноги немели и делались как из ваты. Но громче всего этого звучал голос, который приказал: «Сидеть здесь, и ни с места!» Это был голос лейтенанта.

Земля, на которой лежал Лем Кимбл, была холодна и неприветлива. Ступни ног превратились в куски льда и мучительно болели. Только под самое утро он кое-как задремал.

Разбудил его резкий толчок. В темноте он едва узнал Джея, который тряс его за плечо, и спросонок инстинктивно потянулся к винтовке.

— Что? Чего тебе? — проговорил он, опомнившись.

— Идут. Они идут!

Небо чуть-чуть светлело. В призрачном свинцовом свете Лем с трудом различал очертания шлема на голове товарища да огромные белки его широко открытых, испуганных глаз. Ничто не нарушало мертвой тишины, только шелест его собственной шинели на ветру да легкий звук осыпавшейся земли, когда он подвинулся вперед, чтобы выглянуть из своей лисьей норы.

Какая-то птица бесшумно пересекла воздух над ним и тут же скрылась из глаз. Впереди лежало пустое, изрытое воронками поле; оно полого спускалось к руслу пересохшего ручья. То там, то здесь торчали обгоревшие кусты. Влево, шагах в шестидесяти, среди обугленных пней прямо и одиноко стояло голое дерево. Две его ветви, как две руки, были протянуты к низкому небу. На правой ветке висело что-то длинное и черное, похожее на тяжелый мешок.

— Лем! — голос Джея прерывался от страха.— Эй, Лем!

Лем Кимбл с трудом оторвал взгляд от дерева. Он еще раз оглядел расстилавшееся перед ним голое поле. Глаза заболели от усилия рассмотреть что-либо в этой проклятой полутьме. Но поле лежало неподвижное, спокойное; тихо было и по ту сторону ручья.

— Ты спятил,— сказал он наконец.— Ты сумасшедший негр, вот кто ты...

Джей угрюмо хмыкнул за его спиной.

— Мертво, как на кладбище,— произнес он.— Так и бывает всегда — тихо, очень тихо, когда они начинают ползти.

У Лема пробежал холод по спине.

— Сам ты сумасшедший! — разъяренно шептал Джей ему в ухо.— Чего тебе взбрело в голову прошлой ночью вылезать и смотреть на это? — Джей указал подбородком в ту сторону, где стояло дерево.— Что ты там увидел? Мертвый кореец висит на ветке! Ну а если те, из-за ручья, заметили тебя вчера? Если им известно теперь, где мы с тобой сидим?

— Провались в преисподнюю! — ответил Лем. Голос его как-то странно звенел.

Джей посмотрел на него. У Лема было землисто-серое лицо и челюсти безостановочно двигались. Проворчав что-то под нос, Джей уполз обратно в нору. Укладываясь, он попросил:

— Последи тут часок, я не закрывал глаз всю ночь...

Лем Кимбл промолчал. Он подвинулся еще немного вперед и положил локти на бруствер. Птица, та, которую он видел раньше — или, может быть, это была другая, — снова пролетела над его головой. Сзади донесся легкий храп Джея. Лем попробовал не глядеть на дерево, но оно притягивало его к себе, как магнит.

— Сумасшедший...— пробормотал он.

Да, тут впору сойти с ума. Это верно. Он посмотрел на свои руки. Они были худы и морщинисты, кости суставов резко выступали, под кончиками ногтей скопилась грязь. Потом он принялся царапать ногтями внутреннюю сторону ладони. Сильнее, сильнее, пока наконец ногти не впились в мясо. Было больно, но ему этого и хотелось.

Мешок все висел на дереве. Может быть, птица теперь вьется над ним, и... Нет, он не хочет, он не станет смотреть на это. И все-таки он снова стал глядеть туда.

Никакой птицы у дерева не было. Он вспомнил вдруг, что в детстве у него часто были такие сны: птицы, много птиц, с голыми, без перьев шейками, и головы у всех красного цвета. И еще снились вот такие же вещи, висящие на деревьях. Почему у него бывали такие сны? В Чикаго, где он прожил всю жизнь, ему вообще не попадалось деревьев. Но сейчас он должен непременно вспомнить и понять, почему ему снилось все это так часто. Если он не разберется в этом сейчас, немедленно, он сойдет с ума, он знает это очень твердо.

На краю неба проступила слабая оранжевая полоска. Голое дерево и свисающий с ветки предмет обозначились яснее. Но свет был еще очень слаб. И шестьдесят шагов — слишком большое расстояние, чтобы подробно разглядеть то, что он уже видел накануне. Но, даже закрывши глаза, он все равно будет видеть это — так отчетливо и остро, во всех своих мельчайших деталях оно стоит перед ним. Вчера, когда их привели сюда и оставили лежать в яме, тоже было уже темно. Но он увидел, увидел все. И уже понял, что̀ это такое, даже до того, как подползал и всматривался с близкого расстояния.

Какая длинная шея у того, который висит на дереве! И голова совсем поникла. И во все стороны торчат какие-то лохмотья, словно кто-то вырезал из тела полосы кожи и мяса.

— О господи! — простонал Лем.

Становилось светлее, и ему на мгновенье по-

чудилось, что там, на ветке, ничего нет и не было. Нет, чорт возьми, оно есть, оно только кажется меньше при свете солнца, уже выглянувшего из-за сопки! Да, да, это кореец висит на дереве. Наверно, снайпер. Или, может быть, его повесили за то, что он вел себя иначе, чем те корейцы, которые сидят в ямах и стреляют вместе с американцами...

Лем был рад рассвету. Но только теперь он почувствовал, как окоченел и измучился. Дома, в Чикаго, у него была постель и простыня с одеялом и его ожидал горячий кофе в кухне, а иногда бывала и ветчина с яичницей. Лихорадочная дрожь трясла его, не переставая. Наконец голова его склонилась, упала на грудь, он закрыл глаза.

Опять птицы с их широкими шелестящими крыльями и отвратительными красными головами. Он видит их и слышит их суетливую трескотню.

Даже сквозь дремоту он чувствовал, как весь дрожит, скорчившись за полусгнившим бревном, положенным у бруствера. Ему хотелось закрыть лицо руками, но он не мог поднять рук. Они лежали на коленях, как мертвые, с посиневшими ногтями.

«Иди, бери себе это! Бери на память!» — слышен чей-то скрипучий голос. Но он бросается бежать. Он спасается от чего-то страшного, и рваные опорки шлепают и путаются в ногах, и быстрая тень от бегущего негритянского мальчика несется по пыльному лугу. А сзади кто-то оглушительно хохочет и свистит, и шумят в воздухе крылья красноголовых птиц...

Лем Кимбл проснулся.

Он был весь в поту, несмотря на холод. Джей все еще спал. Высоко в небе бомбардировщики шли бомбить корейские тылы.

Лем облизал пересохшие губы. На уровне его головы так же тихо и недвижимо лежало поле, усеянное воронками от снарядов и лисьими норами, где притаились другие солдаты его взвода. Бог знает, где они сейчас, эти корейцы, где они прячутся и что собираются делать...

Он посмотрел на дерево. Теперь все было видно, как на ладони. Ему захотелось выскочить из ямы и ползти к дереву. Ему надо убедиться, то ли это, что он думал. Вся его жизнь казалась ему теперь страшным сном. Бегство с Юга, поездка в Чикаго. Школа, постель с одеялом и простыней, горячий кофе в кухне... Потом военная служба, переезд через Тихий океан, высадка в Пусане, холод, тряска в грузовике, когда их везли на Север. И, наконец, эта оглушающая стрельба, удары хлыстом по лицу, хриплый крик белобрысого лейтенанта с пистолетом в руке: «Стоять, и ни шагу назад, вы, черные ублюдки!» Было ли все это или этого не было? Может быть, он все еще там, в Лизвилле, в Южной Каролине, худенький негритянский мальчик, что бежит, задыхаясь от летнего зноя, и сердце его вот-вот разорвется...

— О, боже, боже!

Эта сводящая с ума тишина, эта пустыня вокруг него! Вот от чего мозг словно разрывается на части, и уже нельзя понять, кто он такой, где он и что с ним происходит. Пусть бы Джей был прав! Пусть бы они пришли, корейцы, как уже приходили не раз, широкими безмолвными цепями, волна за волной, залегая, вскакивая, снова залегая, надвигаясь все ближе, ближе, ближе... Тогда он прижал бы щеку к прикладу винтовки, чувствовал бы рукой спусковой крючок, и приклад винтовки опять стал бы для него единственной прочной вещью во всем мире. Но теперь... Теперь есть еще одна прочная, несомненная и неотвратимая вещь — вон тот черный мешок на голом дереве. И от этого каждый мускул его лица ходит ходуном и каждая клетка мозга болит невыносимой болью. И он то ясно видит себя здесь, у полусгнившего бревна, то снова бежит, задыхаясь, по лугу там, в Лизвилле, штат Южная Каролина.

Зубы его выбивали мелкую дробь. Кровь в висках стучала, как молоток, и струи пота текли и текли со лба. На минуту ему показалось, что череп начинает у него расходиться по швам. Прошлое, уже, казалось, стершееся из памяти и только изредка встававшее вместе с красноголовыми птицами в снах, — это прошлое теперь снова было здесь, в этой яме, на этом страшном корейском поле. Оно сидело в нем самом, в его мучительно стесненной груди. Это было невозможно вытерпеть. Но в этом было что-то, что несло с собой облегчение. Он видел все, он наконец понял. Теперь можно было вылезать из ямы — и тогда будет все хорошо!..

Он стал на четвереньки и ползком — сначала локти, потом живот, потом ноги — стал перебираться через край окопа.

— Лем!

Руки Джея цепко ухватили его за ногу. Джей старался стащить его назад в яму. Лему хотелось крикнуть, оглушить товарища самыми злобными ругательствами. Но голос не слушался его, все существо было напряжено в одном усилии: вырваться наружу, уйти из ямы, уйти от Джея, от этой ужасной тишины!

Страх удесятерял силы Джея, страх от мысли, что вот он останется один в норе и тогда произойдет нечто непоправимое, как только волны серых людей снова начнут накатываться из-за ручья.

Лем изо всех сил лягнул товарища ногой; он почувствовал, как его тяжелый каблук вдавился Джею в живот. Руки, судорожно цеплявшиеся за ногу, ослабли. Он был свободен...

Лем Кимбл полз и полз через поле, мимо обгорелых кустов, перебираясь через воронки, через груды мусора и стальных обломков. Тело его прижималось к земле, и глаза видели только эту холодную землю, а в ушах отдавались только бешеные толчки крови.

Дерево было тоже обуглено, как и все вокруг. Черное и безжизненное, оно показалось огромной, подпирающей небо колонной, когда Лем, распластавшись, как червяк, подполз к его подножью. То, что висело на ветке, сейчас еще больше походило на мешок, но из мешка торчали ноги.

Лем Кимбл полежал с минуту, отдыхая. Все было теперь очень просто — и то, что он лежит здесь, у подножья дерева, и то, что ему остается только встать и посмотреть. Но он медлил, чего-то ожидал. Ничего особенного не случилось, только легкий утренний ветерок набежал на дерево, и то, что висело на нем, вдруг шевельнулось. Лем вздрогнул и почему-то вспомнил, что оставил в окопе винтовку и что теперь у него только одно оружие — нож у пояса.

Он медленно поднялся на колени. Теперь он видел длинные лоскутья, свисавшие с тела, серые лоскутья, которые раньше, может быть, были белыми. Тряпки, и ничего больше.

Да, конечно, эти-то тряпки он и видел вчера. Его просто сбили с толку собственные сны и то самое, о чем он уже давно забыл. И вот теперь он стоит на коленях под этим деревом на виду у корейцев, которых, должно быть, много вокруг. Наверно, сейчас они откроют по нему огонь. Но ему было все равно. Главное, к нему вернулись силы, в голове прояснилось, и то, что тут висит,— это просто мертвый кореец, до которого ему нет никакого дела.

Он встал на ноги и отступил шаг назад. Теперь он смотрел прямо в лицо мертвецу, смотрел наполовину насмешливо, наполовину равнодушно. Он не чувствовал злобы к этому мертвому телу, которое чуть не свело его с ума этой ночью; у него было такое чувство, какое бывает у ребенка, когда он убеждается, что простыня, висящая на гвозде, не привидение, а знакомая домашняя простыня.

Лем встряхнулся, выпрямился, сделал шаг вперед и теперь стоял совсем близко, у самых колен повешенного. Протянув руку, он коснулся лохмотьев и попробовал прикрыть ими почерневшие рубцы, отчетливо выступавшие на ногах мертвеца.

И вдруг его охватило мгновенное желание бежать. Бежать прочь, как тот негритянский мальчик в Лизвилле, в Южной Каролине, бежать без оглядки, пока держат ноги. Мышцы его ног напряглись, он уже готов был сделать первый прыжок.

— Боже правый! — вырвалось у него откуда-то из глубины груди.

Он знал, что если побежит, то не будет конца этому бегу. А человек так не может, он должен же когда-нибудь остановиться!

В небе снова гудели самолеты; они возвращались, отбомбившись, на юг. Теперь он больше не решался поднять глаза. Он осторожно приблизился к дереву, ощупал мертвую, растрескавшуюся кору и вдохнул запах горелого. Потом осторожно начал взбираться по стволу, дюйм за дюймом, к ветке, из которой сделали виселицу. Вскарабкавшись, он сел и подтянулся вплотную к веревке.

Теперь ему были видны черные прямые волосы на голове мертвого человека. В мозгу его мелькнула слабая мысль: почему эти волосы не курчавые? О, конечно, густые курчавые волосы были у его отца, когда тот был жив и тогда, когда он висел на дереве в Лизвилле, штат Южная Каролина.

Лем Кимбл вытащил нож. Острый и увесистый нож был в его руке. Он быстро перерезал веревку над головой мертвого, отбросил нож и спрыгнул на землю вслед за тяжело упавшим телом.

Тело лежало на земле прямое, окаменевшее. Вокруг распухшего черного языка ровным венчиком желтели зубы. Он уложил мертвеца поудобнее. С минуту он пробовал развязать веревки, стягивавшие локти, — ему хотелось, чтобы руки лежали, как полагается, скрещенными на груди. Но крепко стянутые узлы не поддавались. Тогда Лем снял свой длинный коричневый шерстяной шарф и расправил во всю ширину. Человек был узкоплеч и худ, и шарф прикрыл его почти всего: лицо, израненную грудь, живот,— не хватило только прикрыть ноги.

Лем Кимбл опустился на землю рядом, достал сигарету и закурил. Когда орудия стали бить с обеих сторон и им начали вторить корейские пулеметы, он спокойно притушил сигарету, поднялся и напрямик, сквозь огонь, зашагал обратно, туда, где была его винтовка.

Но винтовка исчезла. Не было и его лисьей норы, не было Джея. Вместо всего этого была огромная свежая воронка, из которой шел остро пахнущий дым.

Он забрался в воронку, уселся поглубже, обхватил руками колени и положил на них голову. Откуда-то издалека, как во сне, донесся голос долговязого белобрысого лейтенанта: «Стоять на месте, черные дьяволы!» Он не мог удержаться от смеха. Сначала он смеялся тихо, потом все громче и громче. И чем больше он смеялся, тем больше его разбирал смех.

И так, смеющимся, его взяли в плен.

Перевел с английского Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

БОГАТСТВА НЕДР УРАЛА

Редко кто из приезжающих в Свердловск экскурсантов не посетит Уральский геологический музей при Горном институте имени В. В. Вахрушева! В четырех отделах музея собраны экспонаты, рассказывающие о богатствах недр сталинского Урала. Здесь и образцы полезных ископаемых и поделочные камни: яшма, малахит, гранит, амазонит. Тут драгоценные камни: топаз, изумруд. В отделе горных пород — витрина с породами, впервые открытыми на Урале.

Лауреат Сталинской премии Павел Петрович Бажов, много лет назад посетивший музей, коротко, но образно выразил свои впечатления: «Даже нам, давно живущим на Урале, надо бывать в этом музее уральских гор как можно чаще, и каждый раз он поразит вас новой гранью».

На снимке: ученики Свердловского художественного ремесленного училища № 42 на экскурсии в музее.

Фото И. Тюфякова

Дорога в горы

Н. ГРИБАЧЕВ

КАВКАЗУ

Прошла война,
и гром ее затих
на венских и берлинских мостовых.
Вокруг страда,
но то страда иная:
от волн морских
до ледников седых
шумишь ты, день работой начиная.

Я вижу землю в складках на ладони
и пыль цемента на плечах крутых;
в резину шин
твои обуты кони,
твои орлы
в заоблачной погоне
от самолетов отстают твоих.

В твоих долинах, где поет влюбленно
над розой соловей из века в век,
смешался запах
нефти и лимона,
и на подушках
железобетона
плотины чешут косы древних рек.

И пусть еще не завершились сроки
всех дел и планов —
нам уже видны
мильоны глаз, что нынче на Востоке
к твоей судьбе,
к твоей великой стройке,
к примеру твоему обращены.

Да, мир еще увидит и услышит,
как шаг народов улицы колышет
там, в Азии,
на всех ее просторах:
там гнев и правда
рядом встанут в строй,
и ни бациллы,
ни напалм,
ни порох,
ни бог,
ни чорт
не сломят силы той!

Вся содрогнется Турция от гула,
сметая янки с площадей Стамбула,
стеной Индийский встанет океан
на серые эскадры англичан,
и броневик,
поджарый, как волчица,
раздавят камни, мертвые вчера,
и древний Ганг
придет труду учиться
у Терека,
у Волги и Днепра.

А ты в преддверии грядущих лет
дерзай,
твори,
свети во весь твой свет;
врубайся в недра,
взнуздывай потоки
и до небес шуми садов листвой,
и пусть в легенды
облекут потомки
твой честный труд и славный
подвиг твой.

Таким, Кавказ, ты встал передо мной.
Блестят снега,
течет в долинах зной,
бьет в трубах нефть,
и по утрам заводы
гудками будят скалы,
недра,
воды,
и ты, по братьям строй и шаг равняя,
в простор страны
вливаешь свой простор,
вершинами
твоих бессмертных гор
кремлевских стен
зубцы
напоминая!

ГРОЗА В ГОРАХ

Сворачивая грабам шеи
И сотрясая все кругом,
Как артиллерия на Шпрее,
Ударил гром.
И нас почти к земле пригнула,
Еще горячей и сухой,
Громада каменного гула
Над головой.
И, закипев, как от снарядов
У тех далеких переправ,
Река катила сучья рядом
И корни трав.
И пусть в чехлах стояли танки,
Пусть далеко от нас война —
Душа была, как в час атаки,
Напряжена.
И ярость жгла нам руки, словно
В сраженье, вздыбившем холмы,
У Хао-Биня и Кэсона
Лежали мы.
Так на Сурамском перевале
Сквозь ливень, падавший стеной,
Мы весь наш век обозревали,
Весь шар земной.

ВОДОПАД

Там, где, скал клыки ощерив,
Встал Кавказ хребтом крутым,
Над синеющим ущельем
Водопад висит, как дым.

Эхом удесятеренный,
Все там слышится кругом
То обвала отдаленный,
То недальней бури гром.

Дальше в горы нет дороги,
Дальше камень встал стеной...
Что ж ты мечешься в тревоге,
Мысль — бессонный спутник мой!

Что настаиваешь: вспомни,
Где-то прежде видел ты
Этот дым на горном склоне,
Эти пики и хребты.

Где! На запад от Дуная,
Как и этот, бесноват,
Так же дым напоминая,
Мчался в пропасть водопад.

Там я полз, зажав гранату,
Встал под пули для броска,
И клубились, словно вата,
Подо мною облака.

А потом еще в Корее,
От Кэсона на восток,
Видел я: над бездной рея,
Прыгал яростный поток.

Я там не был в час атаки,
Но в тумане и в дыму
Все орудия и танки
Шли по сердцу моему.

И на свете больше нету
Рек, долин, хребтов таких,
Где б я мог оставить эту
Боль и память хоть на миг,

Нет ни пира, ни привала,
Ни меж скал тропы такой,
Где бы к нам не обращала
Вся планета голос свой.

И стою я и не сразу
Отвожу к дороге взгляд,
И разносит по Кавказу
Отзвук бури водопад.

НА ДОМБАЕ

Куда ушла ты, я не знаю,
Пятнадцать весен смыли след.
Один на горный склон в Домбае
Я выхожу встречать рассвет.

Меж Софруджу и Алибеком [1]
Такая тишь, что режет слух.
Ледник белеет свежим снегом,
Росой дымит альпийский луг.

Как бы сдвигая расстоянья
И встречу с будущим суля,
Все нарастает дня сиянье,
Все шире видится земля.

И чудится в минуту эту,
Что не один, что рядом ты,
Лицо обращено к рассвету,
В руках намокшие цветы.

И жду мучительно я снова,
Как и тогда, давным-давно,
Что ты одно мне скажешь слово,
Одно... За все, чем жил,— одно!

Но тихо все кругом. Лишь где-то,
Не замолкавший с той поры,
Поток на зов тепла и света
В долину рушится с горы.

И ветер, выбравшись не сразу
Из тьмы ущелья вековой,
Рассказывает вновь Кавказу
О той весне, о нас с тобой.

И пусть ты не меня любила —
Спасибо жизни за мечты,
За то, что это утро было,
За то, что повстречалась ты.

Я помню все. И жизнь, быть может
Тем и прекрасна, что она
Верна и дню, который прожит,
И вечно юности верна!

[1] Горные вершины.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

В стране атомщиков

Летом 1931 года, в памятные для капиталистического мира дни экономического кризиса, к дверям Колумбийского университета Нью-Йорка подходил бедно одетый молодой человек. У него не было ничего, кроме таланта, молодости и желания учиться, и если бы не сбылась его надежда — стать аспирантом,— он снова оказался бы на улице. Ему повезло, и он стал видным ученым с мировым именем; преодолев тысячи препятствий и невзгод, он завоевал славу и место в жизни. А пятнадцать лет спустя, глядя на здания Белого дома и конгресса, он горько скажет: «Будьте вы прокляты! Почему вы не даете мне работать со спокойной совестью, почему вы не даете мне быть честным человеком?..»

Ученого зовут Эрик Горин, он герой книги Митчела Уилсона «Жизнь во мгле». Это книга о страшном мире капиталистической Америки. Чаще всего в романе повторяется слово «страх»: он живет в душах всех, богатых и бедных, преуспевающих и раздавленных нищетой. Это страх потерять работу, встретиться с гангстером, быть обманутым лучшим другом, страх перед конкурентом, перед агентами ФБР, перед завтрашним днем, перед будущим, перед жизнью.

Эрик Горин пробивается в жизнь без всякой помощи с чьей-либо стороны. Только благодаря настойчивости Эрика его научный руководитель Тони Хэвиленд доводит до конца работу, от которой зависит все будущее Горина — его ученая степень.

В Кэмберлендском университете Эрик Горин оказывается под началом фашиствующего мракобеса Кларка Ригана — типичного представителя американского «научного мира». Кларк Риган увольняет блестящего ученого Хьюго Фабермахера, бежавшего из гитлеровской Германии, только за то, что Фабермахер — противник войны. В знак протеста Эрик уходит из университета и поступает в Американскую промышленную компанию. Решив разбогатеть, он против своей совести «съедает» конкурента, изобретателя-самоучку, но это не идет ему впрок — другие, более крупные хищники «съедают» его самого.

Так, в непрестанной борьбе за существование, проходит молодость Эрика Горина. Книга Митчела Уилсона — это книга об американских ученых, о научном мире Америки. Какой убогий, захолустный мир! Советский читатель поразится и примитивности преподавания в американских университетах, и бесправию ученых, и их жалкому существованию.

Писатель вводит нас в лаборатории, где ставились первые опыты по расщеплению атомного ядра и исследованию свойств нейтронов. Книга Митчела Уилсона противостоит попыткам американской печати представить открытие внутриатомной энергии делом «ученых англо-саксонской расы» или даже одних американцев. (Хотя надо сказать, что роман оставляет все же преувеличенное представление о вкладе американских ученых в этой области.) Книга ясно говорит, что «секрета» атомной бомбы нет и не может быть по самому характеру этого научного открытия.

В последней части романа, действие которой происходит после второй мировой войны, рамки повествования заметно расширяются. Теперь герои книги уже не могут пожаловаться на недостаток внимания. Эрика Горина, одного из виднейших специалистов в области атомной физики, приглашают в Вашингтон, ему предлагают место в правительственной комиссии. В этой части романа со всей остротой встает вопрос о месте науки в буржуазном обществе, о долге ученых современной Америки. Эрик Горин встречается с хозяевами страны. Таков Арни О'Хэйр, некогда укравший у него патент на изобретение, во время войны — тыловой генерал, а теперь — один из крупнейших финансовых воротил. Для него производство атомных бомб — это бизнес, больше ничего, так же как и война и кровь народов. «Военные... правы,— говорит об ученых сенатор Хольцер, прошедший в сенат на деньги О'Хэйра,— ...этих людей надо сначала побаловать, внушить, что они важные персоны, выжать из них все, что можно, а потом расстрелять».

Кульминационный пункт романа — речь конгрессмена Сэйлса весной 1946 года, в дни, когда США открыто взяли курс на развязывание войны против Советского Союза. Сэйлс под гул одобрения своих коллег требует «засыпать атомными бомбами», «испепелить» СССР, смести с лица земли «коммунистическую заразу».

По-разному отвечают на эту речь герои романа, ученые-физики. Хьюго Фабермахер, видя воскресший призрак фашизма, кончает с собой. Тони Хэвиленд тоже возмущен речью, но, человек безвольный, развращенный богатством, он готов примириться с ней. Один Эрик Горин открыто рвет с Арни О'Хэйром и готов на борьбу с ним. «До каких пор можно терпеть существование этих зачинщиков кровавых схваток?» — думает он. Эрик Горин знает, что борьба нелегка. В Вашингтоне он впервые по-настоящему понял, что «инквизиция не умерла», и «с ужасом ощутил зловоние одиночной тюремной камеры». Но это не останавливает его.

Как Эрик Горин пришел к такому решению? Как автор мотивирует этот его шаг? Оглянемся на его жизненный путь. Эрик — человек труда, и, как бы ни были сильны его колебания, он отверг то, что сулил ему «американский образ жизни». Для понимания идеи книги большое значение имеет образ жены Эрика Горина, Сабины, верной спутницы его жизни. Сабина не похожа на большинство героев книги; она чуть ли не единственная, для кого у автора не нашлось слова «страх». Это цельная натура, человек непоколебимой честности в отношении ко всему. Она отдаляется от мужа всякий раз, когда он подчиняется чуждой ему морали, хочет быть «не ученым, а стяжателем».

Образ Сабины взят из жизни, таких людей в Америке немало; он очень близок образу Джейн из пьесы Говарда Фаста «Тридцать сребреников». Правда, Джейн говорит о своей стране, в ее словах звучит мотив народной борьбы с поджигателями войны; эта борьба не существует для Сабины — она полностью остается за пределами книги, вне внимания Митчела Уилсона. Он подает проблему как моральную, разрешающуюся прежде всего в личном плане, в зависимости от душевных качеств героев. Поэтому в слишком мягких тонах обрисован Тони Хэвиленд,— по существу, человек беспринципный, способный на любое предательство; по той же причине налет ложной поэтизации лежит на облике Фабермахера, не имеющего ни сил, ни желания бороться с врагом, фигуре, во многом надуманной, в которую подчас перестаешь верить. А главное, автор лишает героя романа активной поддержки и сочувствия широких трудящихся масс, поддержки, которой пользуются такие люди в действительности. Любовь Сабины — вот награда Эрику за его верный выбор, вот свидетельство истинности его решения.

И, однако, роман все же приобретает большое политическое звучание, может быть, даже большее, чем представлял себе автор. Митчел Уилсон — в основе своей писатель-реалист. Его книга — это кусок современной американской действительности, пусть раскрытой не всегда глубоко, не всегда полно и даже не во всем верно, но обрисованной правдиво и жизненно.

П. ТОПЕР

Митчел Уилсон. Жизнь во мгле. Роман. Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. 1952. 576 стр.

Рассказы полярного летчика

М. Водопьянов, известный полярный летчик, Герой Советского Союза, написал книгу для детей младшего и среднего возраста. Книга получилась хорошая, нужная. Три четверти главок ее (автор назвал их рассказами) представляют собой, по сути дела, автобиографические записки, написанные специально для детей.

Содержательны и полны глубокого смысла открывающие повествование рассказы о том, как крестьянский паренек, загоревшись мечтой стать летчиком, был сначала конюхом на аэродроме, потом шофером авточасти, работал по ремонту авиамоторов, сделался бортмехаником и, наконец, сдал пилотский экзамен. Десять лет от конюха на аэродроме до пилота — хорошая школа терпения и настойчивости!

Потом большой период службы в гражданском воздушном флоте: борьба с саранчой, почтовые рейсы, авиаразведка тюленей в Каспийском и Охотском морях, рейсы с матрицами «Правды», работа на пассажирских линиях, полеты на Дальнем Севере. Эта часть жизненного пути, в которой были и неудачи и срывы (о них тоже рассказано просто и откровенно), была школой летного мастерства, овладения техникой полета в любых условиях. Жизнь воспитала в летчике волю, привила выдержку, то сочетание геройской отваги с хладнокровной трезвостью и точным расчетом, которое делает летчика способным к большим делам. М. Водопьянов рассказывает о сложности своей профессии, о неожиданностях и трудностях, подстерегающих пилота, и о том, как знания, опыт, воля, смекалка помогают преодолевать препятствия.

Автор нашел хороший и верный тон для рассказа о своей жизни и работе. Это тон простой и непритязательной беседы, когда рассказчик вспоминает и об очень важном событии и просто о смешном, занятном случае, не стесняется признать оплошность или ошибку, посмеяться над собственным промахом и нигде не прибегает к нарочитым литературным эффектам. Повествование ведется, за немногими исключениями, простым и ясным, почти разговорным языком. Кажется, что написать книгу автору было очень легко — просто сел за стол и рассказал знакомым ребятишкам кое-что «из жизни», привлекая слушателей именно простотой и безыскусственностью тона. Можно сказать, что книга проникнута доверием к юному читателю: он обязательно заинтересуется действительно интересным фактом, поданным попросту и без прикрас, сам сделает из него поучительный вывод без авторской подсказки. Хорошее свойство всякой, а особенно детской, книги!

Наряду с рассказами об участии автора в освоении Арктики наибольшее внимание детей, наверно, привлечет раздел книги, озаглавленный «Северные встречи». Здесь живо и занимательно рассказано о летчиках—пионерах Севера,— об их дружбе и взаимной выручке, о жизни на далеких зимовках, о медведях и собаках, даны живописные зарисовки арктической природы.

Гораздо слабее написан раздел «Дни войны», хотя в нем много интересных фактов и материалов. Но здесь автор как бы изменяет своей хорошей повествовательной манере и начинает говорить стандартным, невыразительным языком. К тому же многое из рассказанного здесь М. Водопьяновым («Кто такой Серега?», «Штурман Фрося») ребята уже знают из книг военной поры. А рассказ «Недоразумение» — о том, как наши зенитчики сбили свой же самолет,— вызовет у читателей много недоуменных вопросов.

В целом же книга М. Водопьянова — удача автора и издательства. Она воспитывает в молодом читателе любовь к Родине, учит мужеству и настойчивости в достижении высоких целей.

Л. СУБОЦКИЙ

М. Водопьянов. Полярный летчик. Рассказы. Детгиз. 1952. 223 стр.

Русские пейзажи

НА НАШИХ ВКЛАДКАХ

«Вдохновленный видом живописной местности... либо каким-нибудь моментом бури, я сохраняю воспоминание о них многие годы...» — писал замечательный русский художник И. К. Айвазовский. «Сюжет картины слагается у меня в памяти, как сюжет стихотворения у поэта. Сделав наброски на клочках бумаги, я приступаю к работе и до тех пор не отхожу от полотна, пока не выскажусь на нем моей кистью». Одно из ранних произведений живописца, «Закат на море», хорошо раскрывает поэтическую сторону таланта «певца волны», как называли его современники. Глубина понимания природы, взволнованность художника величием и красотой окружающего его мира, жизнерадостность и выдающееся живописное мастерство — вот то, что определило огромный успех творчества Айвазовского и то влияние, которое оказал он на последующие поколения пейзажистов.

Творчество Айвазовского сыграло большую роль в формировании таланта другого замечательного русского мариниста — А. П. Боголюбова. «Моряк-художник», как он сам себя называл, Боголюбов в молодости служил в военно-морском флоте, свободные часы посвящая рисованию. Его этюды с натуры увидел и горячо одобрил Брюллов. Начинающего художника поддерживал Айвазовский, с которым у него завязались дружеские отношения. По окончании Академии художеств Боголюбов путешествует по России и Западной Европе. Его пейзажи отмечены умением тонко передать своеобразие изображаемой местности, времени дня, погоды, наполнить картину настроением. Таким характерным для произведений Боголюбова спокойным лиризмом проникнуто и его полотно «Красный парус».

В творчестве В. Д. Поленова пейзажу принадлежит большое место. Художник обращался к образам природы на протяжении всей своей жизни. Излюбленной темой его картин была родная Ока. В 1881—1882 годах Поленов совершает большую поездку по странам Востока и, возвратившись оттуда, создает целую серию пейзажных зарисовок родных мест, к которой относится и «Ока». Эпическим, песенным размахом веет от величаво спокойных приокских просторов, плавного течения полноводной реки.

Талант одного из лучших учеников Поленова, И. И. Левитана, отмечен другими чертами. В его произведениях много мягкого, теплого лиризма, задушевности, задумчивой поэзии. Наряду с большими пейзажами он часто пишет маленькие уголки, с удивительной живостью и непосредственностью передавая их своеобразное очарование.

И. ГРИНЕВ

И. К. Айвазовский (1817—1900). ЗАКАТ НА МОРЕ.

Из частного собрания. Москва.

А. П. Боголюбов (1824—1896). КРАСНЫЙ ПАРУС.

В. Д. Поленов (1844—1927). ОКА.

Из частного собрания. Москва.

И. И. Левитан (1861—1900). ВЕЧЕР В ДЕРЕВНЕ.

МАСТЕР БЕЛОРУССКОГО ТЕАТРА

В механическом цехе одного из минских заводов шло собрание. Много дружеских упреков пришлось выслушать молодому мастеру: после выдвижения он начал зазнаваться, и это, конечно, мешало делу. Атмосфера накалилась.

— Товарищи! — повысил голос токарь-скоростник Анатолий Молодцов. — Дайте Евгению высказаться до конца... — И с нажимом добавил: — Абы тихо!

Это «абы тихо» вызвало общий добродушный смех. А минуту спустя установилось полное спокойствие. Все смотрели на Евгения, а тот, смущенный, виновато оглядывая товарищей, сказал:

— В общем, все понятно... зарвался я. Больше этого не будет!..

Почти все рабочие цеха побывали в Белорусском государственном театре имени Янки Купалы на спектакле «Константин Заслонов». Среди героев этой пьесы есть Кропля, мастер оршанского железнодорожного депо. Его роль играет народный артист СССР Г. П. Глебов. Любимая приговорка Кропли, «абы тихо», привилась на заводе.

Свыше 150 сценических образов создал Глеб Павлович Глебов за свою двадцатипятилетнюю актерскую деятельность.

Каренин («Анна Каренина»), кулак Харкевич («Гибель волка» Э. Самуйленка), гуляка Пранцысь Пустаревич («Павлинка» Я. Купалы), трусливый Туляга («Кто смеется последним» К. Крапивы), упрямый Романюк («Калиновая роща» А. Корнейчука), скряга Гарпагон («Скупой» Мольера)... Какое разнообразие характеров, как различна историческая обстановка, в которых они действуют! Все эти работы замечательного белорусского актера объединяет завершенность каждого образа, в котором при обилии красок нет ничего неоправданного.

Комедия Янки Купалы «Павлинка» рисует картины жизни дореволюционной белорусской деревни. На сцене изрядно подгулявший Пранцысь Пустаревич (Г. П. Глебов). Слова и поступки Пустаревича, у которого вся душа «нараспашку», вызывают бурный смех зрителей. Однако объект смешного не сам Пустаревич. Что у трезвого в голове, то у пьяного на языке: он едко высмеивает самовлюбленного «шляхтича» Адольфа Быковского, пренебрегающего «мужицким» образом жизни. И гуляка, о том и не думая, выражает естественные чувства людей из народа.

Вот первое появление на сцене Туляги — безликого обывателя в спектакле «Кто смеется последним». Робко оглядывает он комнату, боязливо закрывает за собой дверь. Несколько фраз глухой, неуверенной речи — и уже понятен маленький мирок, в который замкнулся сторонящийся от общественной жизни трусливый человечек. Но скоро Туляга перестает быть смешным: его политическая слепота позволила проходимцу и рвачу Горлохватскому, случайно оказавшемуся на посту директора института, превратить труса в своего, хотя и невольного, пособника. Запугивая этого обывателя, Горлохватский пытается присвоить его научную работу.

Нелегкая задача у актера — показать, как постепенно поднимается Туляга из обывательской трясины. Ощущая поддержку коллектива, он находит силы окончательно порвать путы прошлых привычек. С поднятой головой, с достоинством проходит Туляга в финале спектакля; Горлохватский — неуч и авантюрист — разоблачен.

Пожалуй, наиболее колоритный образ создан Г. П. Глебовым в пьесе «Константин Заслонов».

Не зная еще, что Заслонов вернулся в Оршу по заданию партизанского командования, Кропля (Г. Глебов) встречает его дерзкими выходками. Острый на язык, смекалистый и ловкий, он не пропускает ни единого случая, когда можно задеть «изменника».

С большим мастерством проводит Глеб Павлович сцену объяснения Кропли с Заслоновым. Еле передвигая обмороженными ногами, входит Кропля в комнату инженера. Узнав, что фашисты сняли с Кропли на улице валенки, Заслонов отдает ему свои сапоги, в которых спрятана ракетница для сигнализации. Как преображается Кропля, поняв наконец, кто такой Заслонов! Кропля как-то молодеет, глаза его сияют. Видно, что теперь он более чем когда-либо готов на все, только бы изгнать врага с советской земли.

— Константин Сергеевич!.. Костя!.. Так вы, значит, за нас, вы наш! — восклицает Кропля. — В двадцать один ноль-ноль, говоришь, и... абы тихо...

Если приглядеться внимательнее к старику, то ничем особенным он не выделяется среди советских людей. Но в мыслях и поступках Кропли — его имя в русском переводе значит «капля» — отражаются, как солнце в капле воды, благородные черты гордого и свободолюбивого белорусского народа, который в черные годы фашистской оккупации вел священную войну с захватчиками.

Таков Кропля в сценическом воплощении Г. П. Глебова.

Знание жизни позволяет актеру создавать правдивые, наделенные индивидуальными особенностями, живые человеческие характеры. В этом и состоит «секрет» постоянного воздействия творчества Г. П. Глебова на зрителя.

В. ПОНОМАРЕВ

Фото Б. Вдовенко и Г. Санько

«Павлинка» Янки Купалы в Белорусском государственном драматическом театре имени Янки Купалы. Пранцысь Пустаревич — народный артист СССР Г. П. Глебов.

«Константин Заслонов» А. Мовзона. Кропля — народный артист СССР Г. П. Глебов. Крушина — народный артист Белорусской ССР В. И. Дедюшко.

«Скупой» Мольера. Гарпагон (в центре) — народный артист СССР Г. П. Глебов. Валер, влюбленный в дочь Гарпагона,— В. В. Кудревич.

ЮНЫЕ ХУДОЖНИКИ

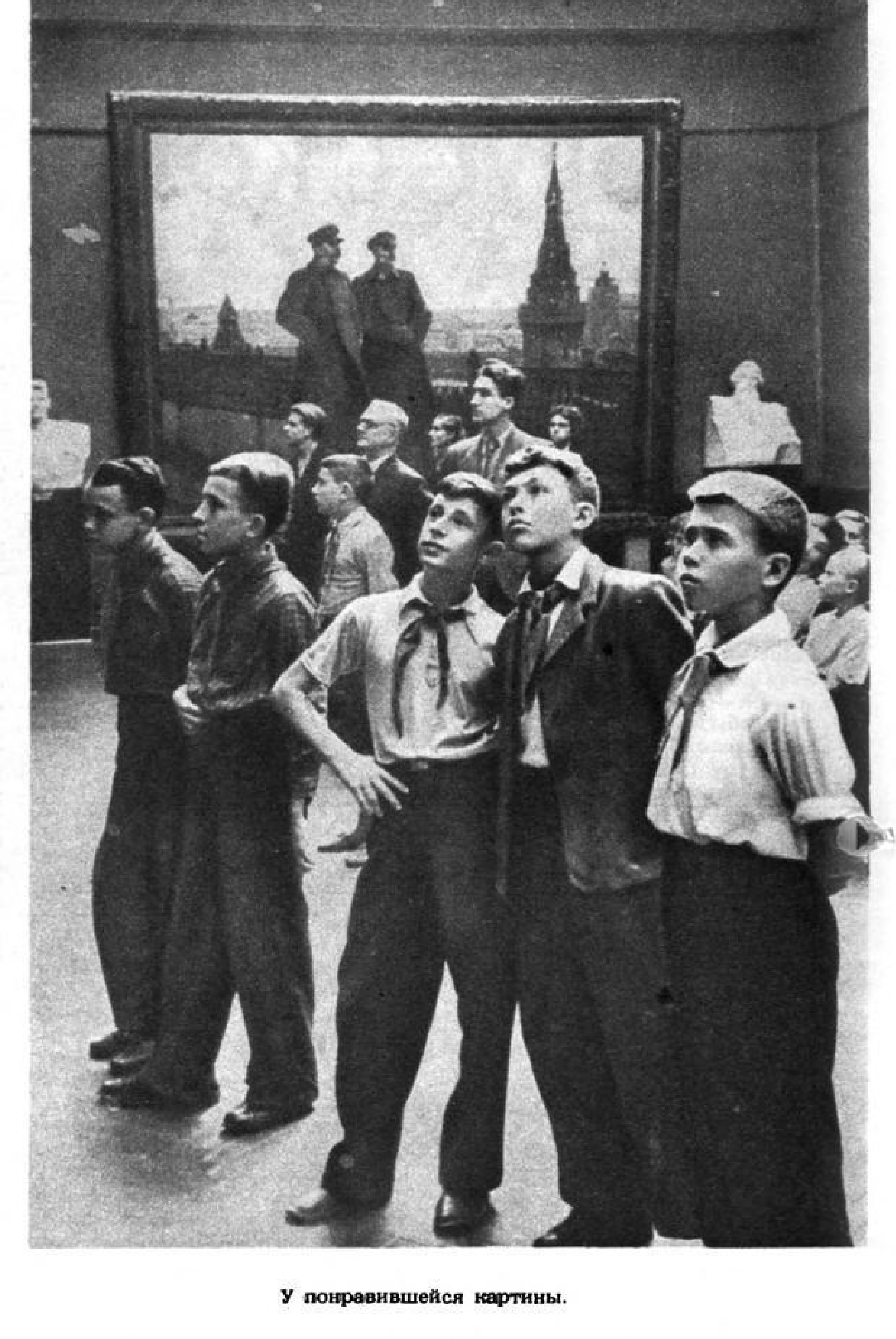
С. КАРАСЕВ и Г. КУЛИКОВСКАЯ

Знаменитому русскому художнику Карлу Брюллову было всего десять лет, когда его привели в Петербургскую академию художеств. Четырнадцатилетним мальчиком Брюллов получил серебряную медаль за экзаменационную работу «Два натурщика». В эту же академию подростками были приняты Ф. Бруни и А. Иванов.

В рисовальных школах занимались в юношеском возрасте Репин и Саврасов. С детских лет начали рисовать Айвазовский и Серов...

Из поколения в поколение в русских художественных школах воспитывались десятки, сотни талантливых сынов нашего народа. Особенно ярко проявляется эта традиция русского изобразительного искусства в наши дни: почти во всех городах страны есть изостудии и художественные училища, в которых занимаются одаренные дети. В Москве, Ленинграде, Киеве, Каунасе и Риге работают художественные школы-десятилетки.

В Московской школе при Институте имени Сурикова, существующей более двенадцати лет, прошло курс обучения около четырехсот молодых художников и скульпторов. Многие ее воспитанники стали затем студентами художественных и архитектурных институтов.

У понравившейся картины.

Напротив Третьяковской галереи, на другой стороне тихого Лаврушинского переулка, находится Московская городская художественная школа при Институте имени Сурикова.

Ее питомцы — постоянные посетители галереи. Их здесь можно видеть всегда, днем и вечером. Часами простаивают они возле замечательных произведений живописи, скульптуры, графики.

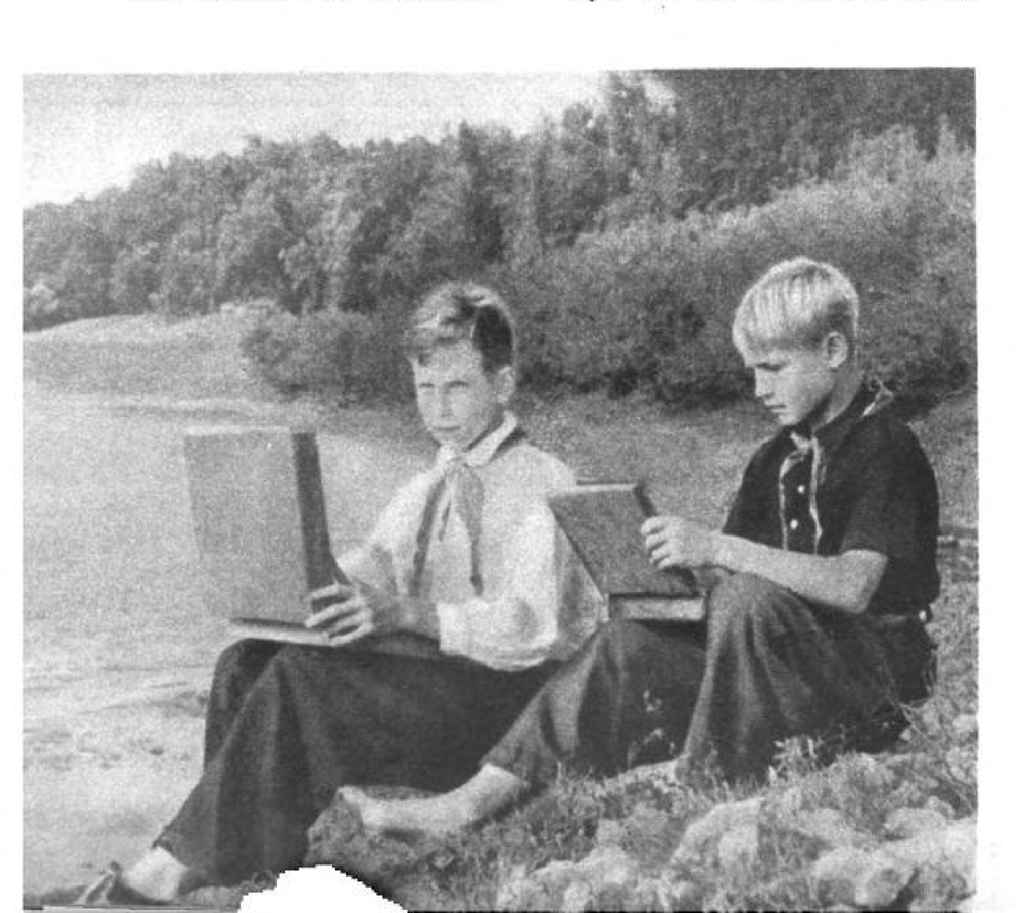
Вместе с группой оживленно беседующих мальчиков мы выходим из галереи, идем к зданию школы. Поднимаемся по широким лестницам в классы. За небольшими мольбертами сидят подростки. Перед ними на столике фарфоровая ваза, тяжелыми складками падает драпировка. Идут занятия по рисунку с гипса. В младших классах одновременно с рисунком, лепкой и акварелью изучается и композиция.

Опытные педагоги бережно выявляют наклонности каждого ученика. И. Свитич, мальчик из далекого казахстанского городка Джамбула, посвятил свою работу борьбе за мир. Рисунок еще не окончен, но, кажется, будет удачным. Второклассник Коля Юдин увлекается фантастическими сюжетами. У него неплохо получаются иллюстрации на сказочные темы. Удачен рисунок, на котором изображена Солоха, вылетающая из трубы. На гоголевской выставке в школе он получил одну из первых премий. Этюды маслом с натуры Сережи Чехова, правнука великого писателя, радуют глаз верно переданными пропорциями, правдивостью пейзажа.

К четвертому классу обычно определяется профиль будущих художников. Вера Пирогова, например, твердо решила стать живописцем, а Юра Чернов и Зина Пьянцева посвящают себя скульптуре. Пока же будущие живописцы и скульпторы проходят курс классической анатомии, осваивают перспективу, изучают историю искусств.

В школе часто бывают преподаватели Института имени Сурикова. Они читают лекции, проводят беседы о современном искусстве. Школьники, в свою очередь,— частые гости в институте. Они осматривают студенческие выставки, показывают студентам свои работы.

В гости к ребятам часто приезжают художники, артисты, писатели.

Вера Пирогова на уроке рисунка.
Слева — на берегу Оки. Юра Смиреннов и Толя Рахманин за этюдами.

Зина Пьянцева и Юра Чернов в скульптурной мастерской.

Как в родном доме, чувствуют себя здесь пятьдесят юношей и девушек, приехавших из Узбекистана, Башкирии, Урала, Сибири, Кубани.

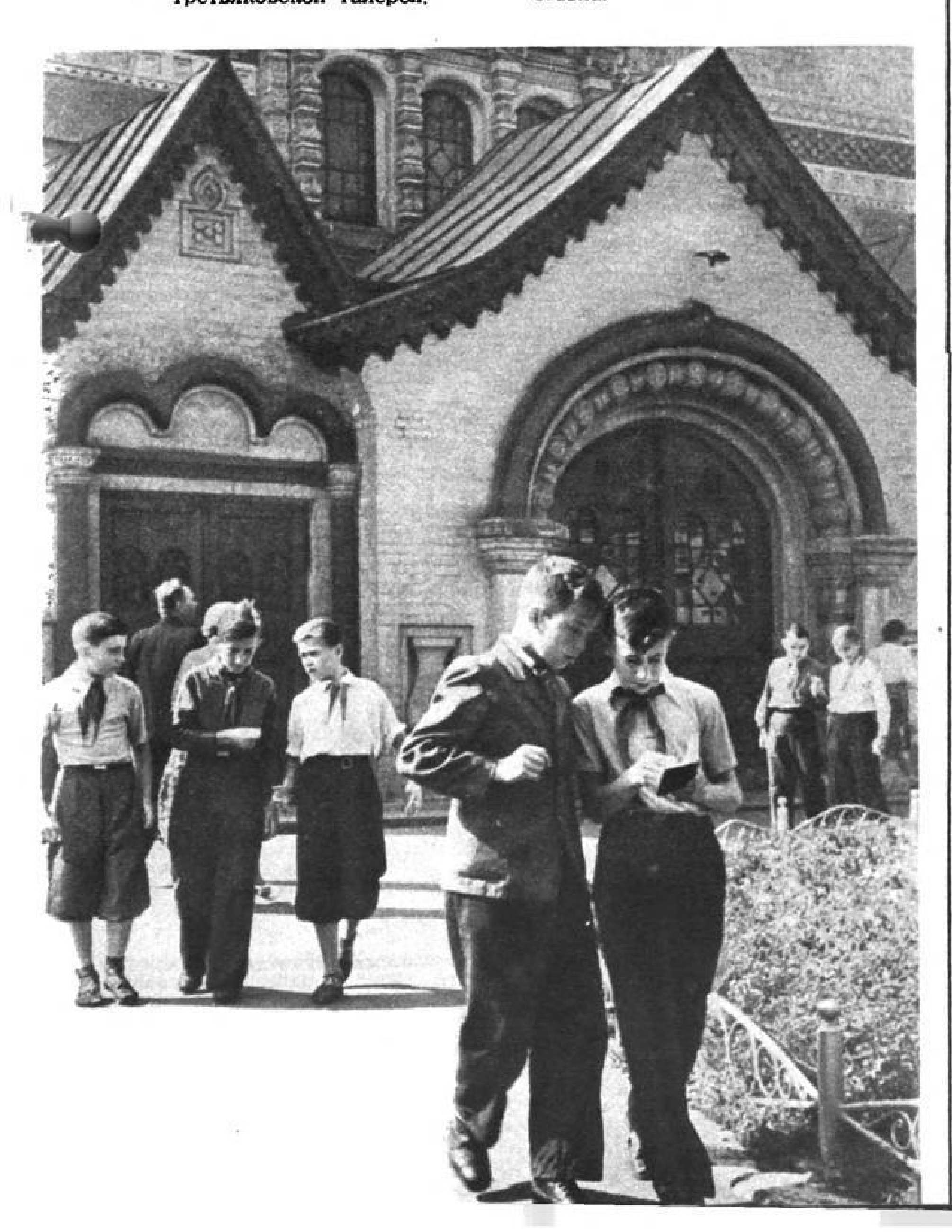
В прошлом году учащиеся младших классов побывали в пионерском лагере на живописных берегах Оки, в Доме-музее художника В. Д. Поленова. В ясный, солнечный день они усаживались на траве и раскрывали свои этюдники.

Восемьдесят учеников провели лето на Киевщине, в богатых украинских колхозах близ Канева. Большая группа ребят ездила в Крым, некоторые посетили Закарпатье и Кавказ.

Свыше тысячи натюрмортов, портретов, набросков и этюдов — вот итог летних экскурсий, походов, путешествий и встреч. Лучшие работы были вывешены на стенах прямых и светлых коридоров школы, напоминавших тогда своеобразный музей.

В это лето москвичи поехали на реку Ветлугу, на Урал, в Дзауджикау. Старшеклассники вместе с группой студентов Института имени Сурикова провели лето в окрестностях Владимира. Новые места, богатая и неповторимая в своем разнообразии природа, кипучая, полная созидательного труда жизнь советских людей вдохновят, подскажут новые темы... И осенью в школе снова откроется традиционная отчетная выставка.

↓После очередного посещения Третьяковской галереи.

ПОСЛАННИК ЗАРИ

Есть в истории техники славная, но незаслуженно забытая дата. Осенью 1815 года в пражском парке Стромовка был продемонстрирован оригинальный самодвижущийся экипаж. Из-под задних его колес вырывался белый пар, что-то громко ухало и шумело, и перед взорами изумленных зрителей катилась повозка без лошадей...

Конструктором и создателем этого экипажа был талантливый чешский изобретатель Йозеф Божек. И хотя трудно сейчас уловить даже слабое внешнее сходство между экипажем Божека и современным паровозом, творение чешского мастера останется в веках как свидетельство исключительной одаренности человека, одного из первых, кто дерзнул при помощи силы пара облегчить человечеству преодоление расстояния.

Образ Йозефа Божека воссоздан в чешском художественном фильме «Посланник зари», поставленном режиссером Вацлавом Кршка.

Вацлав Кршка уже известен советскому зрителю как автор монументальной исторической кинокартины «Герои старой Праги» — правдивого и исторически достоверного киноповествования о пражском восстании 1848 года. И в своей новой работе Вацлав Кршка рассматривает жизнь своего героя в тесной связи со средой, дает широкий исторический фон.

Очень удачен выбор актера для исполнения главной роли фильма. Создавший в фильме «Герои старой Праги» образ юного руководителя повстанцев Йожефа Фрича молодой артист Владимир Раж, играя роль Йозефа Божека продемонстрировал большое искусство перевоплощения. Талантливый механик-самоучка показан в фильме на разных этапах своей жизни, и для каждого из них Владимир Раж нашел убедительные, достоверные краски.

Зритель знакомится с юным Божеком, когда он бежит из своего родного города Брно в Прагу, собираясь учиться в университете. Первые же опыты молодого изобретателя обнаруживают его незаурядные способности. Божек конструирует стригущую машину, позволяющую увеличить производительность труда на текстильных фабриках, создает оригинальный протез человеческой руки, совершенствует часы, придавая им большую точность хода.

Но осуществление замыслов выдающегося чешского мастера наталкивалось на сопротивление правительственных сановников, на зависть малоталантливых, но высокопоставленных ученых.

И хотя Божек путем невероятных усилий все-таки сумел построить самодвижущийся экипаж, это замечательное изобретение не облегчило жизни простых людей, как о том мечтал талантливый механик.

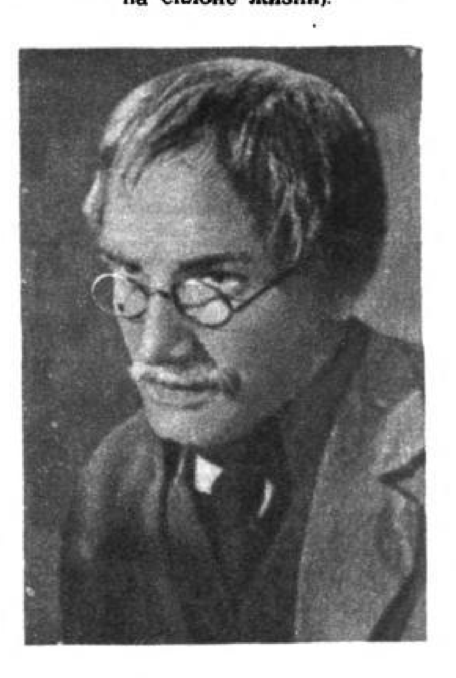
Йозеф Божек умер в нищете, его создания не получили признания в императорской Австро-Венгрии. И только в демократической Чехословакии имя славного изобретателя окружено уважением народа. Фильм «Посланник зари» — одно из свидетельств этой дани уважения к талантливому сыну народа.

Фильмом «Посланник зари» кинематография народно-демократической Чехословакии продолжает работу в биографическом жанре, начатую картиной «Ян Рогач». Кинорассказ о жизни Йозефа Божека — значительная удача этого жанра и по своему художественному мастерству и по идейной насыщенности.

В. КНЯЗЕВ

Чешский киноартист Владимир Раж в роли Йозефа Божека (вверху — Божек в юности, внизу — на склоне жизни).

«Огонек» отвечает

Лимоны в комнате

Очерк «Три русских лимона» («Огонек» № 7, февраль, 1952 год) вызвал множество откликов. Редакция получила сотни писем из Белоруссии, Украины, Сибири, с Дальнего Востока, из Казахстана, Татарии, Латвии, Литвы, Эстонии, стран народной демократии. Наши читатели—инженеры, рабочие, колхозники, домашние хозяйки, пенсионеры, школьники — задают самые различные вопросы, но у всех одно желание: разводить лимоны в комнатах.

«Я работаю врачом в санатории на станции Летяжевка, Юго-Восточной железной дороги,— пишет Р. Ф. Черлявская.— Очень бы хотелось иметь павловский лимон не только в своей квартире, но и в палатах санатория. Но с чего начать, не знаю».

П. И. Воронов, начальник известкового рудника в Свияжске, заявляет: «Хочу распространить павловский лимон среди шахтеров».

Ленинградцы, юные мичуринцы Дворца культуры имени Кирова, жалуются на судьбу сверстникам в Павлове-на-Оке: «Есть у нас животные, рыбы, птицы. Даже ежик Ванька есть. На мичуринском участке мы растим триста фруктовых деревьев, ягодные кустарники, разные сельскохозяйственные культуры. Все хорошо, а вот павловского лимона нет. Может быть, вы сумеете выручить нас?»

Широко ставит вопрос П. К. Бородулин из Харькова: «Я и товарищи по службе рассуждали о судьбе русских трех лимонов. Садоводы-любители, мы надеемся, что теперь эти полезные, красивые растения выйдут на широкую дорогу. Несомненно, миллионы почитателей природы мечтают о комнатном лимоне. Пора профессиональным союзам и городским советам подумать о нем. Не секрет, например, что высотные здания Москвы потребуют внутреннего озеленения. А мы считаем самым подходящим для этой цели именно русские лимоны...»

Мысль заманчивая! Известно, что для студентов и аспирантов Московского университета на Ленинских горах строят 6 тысяч комфортабельных комнат. И если в каждой поставить, скажем, по два лимонных деревца, то при элементарном уходе ежегодный сбор со временем составит полмиллиона плодов, по крайней мере!

Люди ищут практической помощи и советов. Однако при всем желании редакция не может ответить на все вопросы. Необходима специальная литература. Можно лишь присоединиться к тем читателям, которые сетуют, что в книжном магазине брошюр о лимонах не достанешь, да и в библиотеке редко где встретишь...

СЕЯНЕЦ ПРИНОСИТ ПЛОДЫ!

Едва ли не все спрашивают: приносят ли плоды лимоны, выращенные из семян? Читатели жалуются: сеянцы-лимоны достигли 15, даже 20 лет, а плодов еще нет. Сплошное, мол, разочарование. «В чем же секрет? — недоумевает М. Т. Терентьев из Комсомольска-на-Амуре.— Почему лимон, который я вырастил из семян, не приносит плодов, хотя ему исполнилось 12 лет? А лимоны-сеянцы майкопского кузнеца, о которых говорится в очерке, дали плоды на девятом году. Объясните, нужно ли прививать сеянец или он и так принесет плоды...»

Наука и опыт утверждают решительно: сеянец лимона не дичок, плодоносит он и без всякой прививки. Надо лишь терпеливо, грамотно за ним ухаживать. Правда, выращивание сеянцев — самый долгий путь к цели, зато, с мичуринской точки зрения, самый правильный.

Секрет в том, что сеянец в молодом возрасте наследственно неустойчив и начинает развитие сызнова. Молодой организм растения лучше приноравливается к непривычным условиям жизни, которые ему предоставляет человек. Лимон же, выращенный из черенка, взятого со взрослого плодоносящего дерева, уже обладает твердо сложившимися наследственными свойствами «предков».

Буквально тысячами опытов подтвердил Мичурин справедливость своих взглядов на сеянцы и черенки. Он и сам занимался комнатными лимонами. В его дневниках за 1887—1888 годы мы находим лаконичные записи о высаженных лимонных семенах и черенках. В мичуринском домике-музее и поныне посетители восхищаются долголетием великолепных лимонов, выпестованных Иваном Владимировичем.

Лимон-сеянец начинает приносить плоды лишь на седьмом — десятом году, укорененный черенок — на третьем, даже на втором. Зато остальные преимущества на стороне сеянца, и он щедро вознаграждает человека за терпеливость. Вот почему истые мичуринцы прежде всего стараются обзавестись сеянцами. Так, например, поступил мастер-садовод Иван Порфирьевич Ковтуненко, технический руководитель садово-оранжерейного хозяйства в Нальчике-Долинском (Кабардинская АССР). Ковтуненко удостоен звания лауреата Сталинской премии за оригинальные способы воспитания сеянцев ценных теплолюбивых деревьев — янтарного, тюльпанного и цитрусовых. Следуя заветам Мичурина, он в спартанских условиях закаляет юные сеянцы лимона, отбирая из них наиболее стойкие экземпляры. Таким образом он вырастил из семян малопримечательного завозного лимона свой, кабардинский сорт, который на восьмом году принес удивительно крупные плоды.

Курский любитель А. А. Фоменко в обычной комнатной обстановке вырастил из семени лимон, на седьмом году жизни принесший хозяину 167 плодов.

Кстати, Фоменко успешно культивирует лимон вместе с другими цитрусовыми и на усадьбе, в траншее, прикрываемой на зиму матами. Академик Т. Д. Лысенко, ездивший в Курск, знакомился с талантливой работой цитрусовода-любителя и полагает, что его комнатный лимон явится родоначальником нового сорта — курского.

Житель Колымы хирург Н. Серебренников в 1941 году посадил семечко лимона. Теперь лимон цветет, дает плоды. По словам газеты «Советская Колыма», это — первое в суровом крае лимонное дерево, которое плодоносит. Однако это далеко не первый случай в Арктике. В Воркуте — городе, лежащем за Полярным кругом, известен лимон-сеянец, приносящий по 30—50 плодов ежегодно. Зимовщики бухты Тикси в долгие полярные ночи успешно вырастили лимон из семени при керосиновом освещении. Вот уж действительно рекорд жизненной цепкости растения, родичи которого обитают в знойных долинах Индокитая!

ДО ЧЕГО ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНА ПРИРОДА!

Мы, конечно, понимаем огорчения товарищей, у которых лимоны-сеянцы подпирают потолок, а плодов все еще нет. Люди по неопытности восхищаются буйными побегами лимона, а того не подозревают, что плодов от него вовсе и не дождутся. Непомерный рост изнуряет комнатное деревцо, проживающее на площади, раз в сорок меньшей, чем на просторе, в саду. Лимону в комнате достаточно и полутора — двух метров высоты.

Напоминаем, что хороший майкопский или павловский лимон — деревцо с коротким стволиком в 15—20 сантиметров и небольшой шарообразной кроной. Но в карлике этом заложена неимоверная сила жизненности.

Как же наверняка и побыстрее создать из сеянца плодовитое деревцо? За советом мы обратились к профессору А. Д. Александрову, руководящему кафедрой субтропических культур Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Крупный знаток цитрусовых, он ответил:

— Прежде всего уясним некоторые биологические особенности лимона. В субтропиках, на вольной земле, под вольным небом, он растет, цветет, плодоносит круглый год. На нем можно видеть в одно и то же время зрелые плоды, бутоны, цветы, завязи и всегда листья.

Роль листьев своеобразна и необычайно важна. Они сменяются постепенно, примерно в среднем три года. Молодые листочки отнимают у организма растения немало питательных веществ. Но по мере вызревания они накопляют в клетках значительное количество углеводов, превращаясь в «запасной склад» лимона.

До чего, однако, природа предусмотрительна! К неприкосновенным запасам углеводов лимон прибегает при крайней необходимости, в разгар плодоношения.

Существует подсчет: для выгонки одного плода деревцо должно иметь не меньше 15 физиологически действующих листьев. Чем крона богаче листьями, тем плодовитей деревцо.

Берегите листья от комнатной «засухи», иначе они осыпаются. Если в комнате жарко и сухо, чаще поливайте землю, изо дня в день обрызгивайте крону.

Не ставьте лимон под прямые лучи летнего солнца. Привыкший жить под крышей, не испытав солнца, дождей, росы и туманов, комнатный лимон боится яркого облучения — оно причиняет нежным листьям смертельные ожоги.

Наконец, оберегайте листья от вредных насекомых. И у комнатного лимона есть враги — щитовка, красный паутинный клещик. Крохотные насекомые уничтожают листья. Средства борьбы с хищниками простые: зеленое мыло, анабазин сульфата, серный цвет. Против клещика годен и табачный отвар.

НЕОБХОДИМА ХИРУРГИЯ

— Теперь расскажем,— продолжал профессор,— как формировать крону лимона. Природа конструирует ее из побегов различного порядка, строго соблюдая очередность ветвления. Взгляните на рисунок внизу. На нем схематически показана последовательность ветвления деревца. Так вот, представьте, ветви первого, второго и третьего порядков плодов не образуют. Сколько деревцо ни корми, а эти ветви, расположенные в кроне вертикально, лишь «жируют», растут энергично, но без пользы.

Плоды появляются на ветках, лишь начиная с четвертого порядка. Эти коротенькие, сравнительно тонкие, горизонтально расположенные веточки садоводы потому и называют плодушками.

Зная основные биологические закономерности, человеку вовсе не трудно управлять ветвлением лимона и, следовательно, приблизить пору плодоношения.

Все лишнее в кроне долой! Для этого применяют обычные в садоводстве хирургические приемы — обрезку и пинцировку (выщипывание кончиков побегов), всячески подгоняя и поощряя развитие плодушек.

Хирургическое формирование кроны — дело технически несложное. Приблизительно через год после посева семени молодой сеянец достаточно окрепнет и на его главном «нолевом» побеге (будущий стволик) покажутся боковые почки. Теперь надо приступать к обрезке. Безболезненно подрежьте стволик на высоте 15—20 сантиметров. Оставьте 3—4 правильно расположенных почки.

Спустя некоторое время из этих почек и пойдут ветки первого порядка. Когда ветки первого порядка достигнут 25—30 сантиметров длины, а листья совершенно вызреют, подрежьте ветки, оставив на концах по две боковых почки.

Из сохраненных почек и начнут расти ветки второго порядка. Вновь проделайте операцию, оставив на концах ветвей второго порядка по две боковых почки.

Из них возникнут ветки третьего порядка.

Повторив опять хирургическую операцию, мы добьемся, наконец, появления веток четвертого порядка. Лишь теперь ждите бутонов, цветов, завязей и плодов.

Крону надо всегда поддерживать в хорошем состоянии, иначе труды пропадут. Необходимо целиком обрезать отплодоносившие веточки, удалять больные, поломанные или криворастущие побеги. Не жалея, надо оперировать «жирующие» побеги, напрасно отнимающие у растения «строительный материал». Если все это делать постоянно и терпеливо, сеянец на протяжении доброго полувека будет дарить чудные ароматные плоды.

Названные нами хирургические приемы касаются не только «чистого» сеянца. В одинаковой мере они обязательны и для сеянца привитого, а также для деревца, выращенного из укорененного черенка.

Схема формирования кроны комнатного лимона. Пунктиром показаны листья и побеги, которые следует удалять. № 1 — подрезка «нолевого» побега для создания короткого штамба и выгонки побегов первого порядка. № 2— подрезка побегов первого порядка. № 3— подрезка побегов второго порядка. То же самое надо проделать и с побегами следующих ветвлений.

Майкопский любитель-цитрусовод М. М. Козарьян, рабочий мясокомбината, занимается комнатными лимонами 20 лет. Снимает с дерева ежегодно 100 — 120 крупных плодов.

РОКОВАЯ ОШИБКА МНОГИХ

Итак, выращивание из семян — самый желательный и верный способ разведения лимона в новых для него местах. Но способ не единственный. Размножать лимоны возможно еще отводками, прививкой сеянцев «спящими глазками» и черенкованием.

В любительской практике выращивание лимонов из отводков встречается реже остальных, и говорить нам об этом нет особого смысла. Нет нужды описывать на страницах нашего журнала и технические подробности прививки сеянцев «глазками» (окулировка). Ее производят общепринятыми в садоводстве приемами. Мы только скажем: прививать надо сеянец в молодости, когда его ствол у корневой шейки не толще карандаша и хорошо отделяется кора.

Но что делать, спрашивают читатели, если по неведению срок, наиболее выгодный для окулировки, упущен? Можно ли, например, окулировать сеянец, которому от роду 10—15 лет, а крона, казалось бы, безнадежно запущена?

Окулировка вполне возможна и тогда. Надо лишь великовозрастное бесплодное дерево предварительно обрезать, сообразуясь со схемой, которая здесь показана. Обрезка омолодит дерево, пробудит в нем прилив жизненной энергии. Прививку производят на вновь появившихся горизонтальных ветках, равномерно разместив несколько «глазков».

Привить «глазок» лимона можно и сеянцу апельсина. Дальний родственник лимона, апельсин неплохо ему служит в роли подвоя в комнатных «субтропиках». А вот трифолиата, или так называемый «дикий трехлистный лимон», для прививки на нем комнатного лимона решительно не годится. Буквально тысячи любителей-лимоноводов «обожглись» на трифолиате, напрасно потеряв время на возню с этим подвоем. Вот типичный случай.

«Я приобрел в ботаническом саду,— сообщает М. А. Данилов из Свердловска,— два лимона, привитых на трифолиате. Летом они развивались — просто красота, а зимой сбросили листья. На следующий год летом появились новые листья, но зимой история повторилась. Дело это мне надоело, и я вырастил лимоны из укорененных черенков. Они хорошо сохраняют листья и дают плоды. Неужели лимон сбрасывал листья потому, что был привит на трифолиате?..»

Догадка тов. Данилова верна: причиной тому был подвой-трифолиата. Дело в том, что трифолиата вовсе не лимон. Это вообще не цитрусовое, не вечнозеленое растение, а листопадное, никогда в субтропиках не проживавшее.

Трифолиата — дикарь родом из Северного Китая. Свободно переносит морозы до 20—30 градусов. В Советском Союзе применяют трифолиату в роли подвоя на промышленных цитрусовых плантациях. Наши субтропики, к сожалению, не обеспечивают лимону температуры, достаточно высокой для его активной жизни круглый год. Поэтому на открытых плантациях зимой лимон держат в состоянии «спячки».

По этой причине, собственно, и прививают лимон на трифолиату. По своей биологической «привычке» трифолиата на зиму выключается из жизни, а вместе с подвоем — и лимон.

В комнатном климате все происходит иначе. Трифолиата и в теплой комнате замирает до весны: корни подвоя почти прекращают подачу воды и питания живущему на нем лимону. Между тем крона лимона продолжает в тепле вести активный образ жизни, требуя пищи и влаги. Павловский лимон, например, еще при 10—12 градусах тепла свободно бутонизирует.

Так, в комнатных «субтропиках» между привоем-лимоном и подвоем-трифолиатой, между двумя чужеродными организмами, возникают зимою непримиримые противоречия. На корнях уснувшего дикаря лимон задыхается, чахнет от голода. И чтобы спасти себя от истощения, лимон вынужден до весеннего пробуждения подвоя сбросить листья. К лету лимон восстановит зеленое убранство, но плодов от него в этом году не ждите. На следующую зиму все повторится. Вот почему трифолиата и комнатный лимон — решительно не пара для симбиоза. Лучше всего комнатный лимон устраивают собственные корни.

УКОРЕНЕНИЕ ЧЕРЕНКОВ

Прививка сеянцев широко распространена в Майкопе и в других южных районах. На Урале же и в Павлове-на-Оке лимон обычно размножают укоренением черенков. Во избежание кустарщины, открытия давным-давно «открытых америк» лучше всего придерживаться проверенных наукой способов.

Наука рекомендует для укоренения брать черенки с наиболее урожайных, относительно еще молодых растений. Но ошибается тот, кто нарезает черенки с очень молодых побегов. В них мало жизненной стойкости, и при укоренении они чаще всего загнивают. Лучше и легче поддаются укоренению черенки, взятые с побегов, заканчивающих или только закончивших рост. Побеги эти нетрудно узнать по яркой окраске и эластичности, которую они еще сохранили.

Черенок берется толщиной в 4—5 миллиметров, а длиной в 8—10 сантиметров, с 2—3 листочками. Маленькая, но важная подробность: от качества среза, его чистоты зависит качество укоренения. Тупое лезвие сжимает и калечит клетки черенка, повреждает кору. Пользуйтесь ножом, острым, как бритва.

Нижний срез обязательно делают косым, непосредственно под листом или боковой почкой. Это потому, что черенок образует корни вблизи основания листка.

Черенкование следует производить весной. Жаркое летнее время утомительно для черенка, предельно напрягающего силы при выгонке корней.

Для укоренения черенок высаживают в ящичек, наполненный мелким чистым песком.

Следите за тем, чтобы на черенке не осыпались листья. Без них черенок плохо и медленно развивает корни. Чтобы сохранить листья, черенок накрывают стеклянной банкой, а песок непрерывно поддерживают во влажном состоянии. И еще: листья черенка 2—3 раза в день опрыскивают чистой водой. До полного укоренения черенок ни в коем случае нельзя выставлять на солнце.

Выдержанный в температуре плюс 20—25° по Цельсию черенок через 3—4 недели выпустит корешки. Тогда его осторожно пересаживают в горшочек с землей. Почва должна быть легкой, достаточно питательной. Хороша смесь: четверть речного песка, столько же старого, перепревшего навоза, две четверти дерновой или листовой земли.

Наиболее пригодна посуда из обожженной глины. Растения-однолетки содержат в горшках диаметром 10 сантиметров вверху. Деревцо 2—3-летнего возраста пересаживают в посуду вдвое большего диаметра. Для лимонов старших возрастов необходимы горшки или даже деревянные кадки размером до 30 сантиметров в ширину и 40 в высоту.

Чем старше растение, тем чаще надо его поливать и подкармливать. Почва всегда должна быть рыхлой, комковатой, чтобы вода и воздух свободно проникали к корням. Лишь при этом условии тончайшие нити корневой системы, равномерно опутав и пронизав земляной ком, предельно используют то крохотное жизненное пространство, которое предоставлено лимону в неволе.

ВО-ВРЕМЯ И СЫТНО!

Если лимон растет вяло, осыпаются завязи, цветы, листья, чаще всего причиной тому голодание. Как бы ни была богата почва питательными веществами, но уже через 2—3 месяца после посадки растения она истощится. Комнатный лимон надо кормить во-время и сытно. Практично и гигиенично в домашней обстановке пользоваться минеральными удобрениями. Но это, конечно, вовсе не исключает применения общеизвестных органических удобрений.

Азот, фосфор и калий составляют основу питания лимона. В магазинах Главхимсбыта продают готовую так называемую цитрусовую смесь.

Из азотистых удобрений наиболее применима калийная селитра, содержащая калий и азот. На литр воды берут 50 граммов калийной селитры. Раствор этот применяют, обязательно разбавив: кружка раствора — 9 кружек тепловатой воды. Будьте осторожны! Раствор, содержащий калийной селитры больше нормы, ожигает тоненькие корешки и выводит растение из строя.

Если есть аммиачная селитра, то на литр воды берут ее 30 граммов и добавляют еще 20 граммов калийной соли. И этот концентрат при употреблении разбавляют чистой водой.

Для фосфорного питания лимона пользуются суперфосфатом. На литр воды берут 50 граммов суперфосфата и кипятят полчаса, иначе удобрение не растворится. Затем жидкость осторожно выливают, оставляя в посуде осадок. Раствор должен быть прозрачный, желтого цвета. При употреблении в дело и суперфосфатный раствор надо предварительно разбавить в 10 раз. Фосфорное удобрение полезно еще сдабривать переброженной навозной жижей. Она значительно повышает действие суперфосфата. Это особенно полезно, когда надо помочь растению набрать сил для плодоношения.

Как часто кормить лимон? Прямой, категорический ответ невозможен. Все зависит от обстоятельств — времени года, возраста растения, состояния его здоровья, комнатного «климата».

Профессор Александров настоятельно советует калийную селитру подавать 3 раза в месяц, раствор суперфосфата — раза два в промежутках. Количество? До полного напитания почвы раствором, пока со дна горшка из дренажного отверстия не покажутся капли влаги. Если лимон «жирует», необходимо сократить подкормку азотом, увеличив подачу фосфора. Если зимой лимон стоит на покое в прохладном месте, кормите его раз в месяц.

В Павлове-на-Оке, чтобы подхлестнуть развитие лимона, мичуринцы применяют слабенькие растворы марганца. Для подкормки подсыпают еще железную ржавчину — полграмма на килограмм почвы. Раза два в год поливают полупроцентным раствором медного купороса. С биохимической точки зрения, меры вполне оправданные. Растение способно всесторонне развиваться, если обеспечить ему полноценное питание. А оно включает в себя не только фосфор, азот, калий, кальций, но также медь, железо, цинк, марганец, даже редкие элементы. Разумеется, все это лимон потребляет в микроскопических дозах.

На Кубани среди колхозников распространен прием обильной подкормки лимона перепревшим рыбным туком. В станице Славянской, Краснодарского края, любители-цитрусоводы, подкармливая лимон «рыбой», снимают с деревца-карлика до сотни на редкость сочных плодов весом по 500 граммов. Подумайте только: 3 пуда плодов ежегодно!

КОМНАТНОМУ ЛИМОНУ НЕТ ГРАНИЦ

...Мы рассказали о самом необходимом из того, что должен знать человек, желающий выращивать лимоны в комнате. Многое еще не изведано. В сущности, селекционеры взялись за изучение комнатного лимона лишь в самые последние годы. Больше всего науку интересует проблема сеянца. Еще недавно полагали, что сеянец вступает в пору плодоношения спустя 15, даже 20 лет. Мичуринцы, как мы уже знаем, сократили этот срок до 7 лет. Несомненно, советская наука найдет вещества, резко ускоряющие биологические и физиологические процессы в лимоне. Это очень заманчивая задача, и наука зовет всех желающих испробовать силы на творческом опыте. Любители-цитрусоводы могут сделать неожиданно весьма ценные открытия.

Немалую практическую помощь начинающим лимоноводам может оказать общественность. Заслуживает подражания патриотическая инициатива майкопчан. Недавно городской комитет ВКП(б) созвал совещание, на котором домашняя хозяйка Ольга Петровна Меняйло призвала земляков-цитрусоводов в подарок жителям Сталинграда вырастить за лето по 10 саженцев.

Настоятельно советуем начинающим любителям, живущим вдали от очагов разведения русских комнатных лимонов, действовать не в одиночку, а через профессиональные союзы, мичуринское общество садоводов, станции юных натуралистов. Коллективам гораздо легче приобрести маточный фонд растений, необходимый для черенков, и производить прививку сеянцев.

Разумно поступили на московском заводе имени Владимира Ильича. Начальник жилищно-коммунального отдела А. П. Мальвинов приобрел для украшения заводского детского санатория и общежитий сотню павловских саженцев.

Алтайский колхоз имени Молотова, где председателем Герой Социалистического Труда Ф. Гринько, лимоны выращивает в собственной оранжерее, чтобы иметь черенки для раздачи колхозникам-любителям.

Если все наши плодово-ягодные станции и государственные питомники, колхозы и совхозы, санатории и городские парки, электростанции и заводы, все, кто имеет теплицы, займутся созданием маточного фонда, то через несколько лет мы «засадим» лимонами жилища миллионов советских людей.

С. КАНЕВСКИЙ

Этим летом

Рассказ

Евгений ШАТРОВ

Рисунки П. Бунина

Впрочем, началось все даже и не нынешним, а еще прошлым летом, когда Груздевы готовились к переезду на новую квартиру. Тогда-то и был обнаружен в пыльных недрах полутемной кладовки этот поцарапанный и примятый, видавший виды чемодан Андрея Семеновича. Перетянутый накрест ремнями, он хранил в себе какой-то довольно тяжелый груз.

— Что ж здесь такое? — не могла припомнить Людмила Григорьевна.— Андрюша, иди-ка сюда! Что это у тебя за имущество?

Инженер Груздев вышел в переднюю явно недовольный, что ему помешали вздремнуть. Но заметив чемодан, он сразу улыбнулся:

— Как же ты забыла, Людочка? Ведь тут... Да вот, посмотри!

Андрей Семенович быстро отстегнул ремни и открыл крышку. В чемодане поверх свертков мятого, выцветшего трикотажа лежало несколько пар футбольных бутсов.

Несмотря на протесты жены, Груздев потащил чемодан в столовую и, оседлав угол кушетки, начал перебирать свою спортивную обувь. Эх, молодость! Инженер почувствовал, как охватывает его какая-то странная, щемящая грусть... Да, да, были когда-то и мы рысаками!

Вот древние, порыжевшие от времени бутсы, полученные в студенческой команде. Вот еще пара... О, можно сказать, историческая пара! В ней пришлось выступать в Турции. Два раза знаменитый стамбульский вратарь Сатых так и не смог перехватить мяч, по которому ударили эти бутсы.

— Как быть с твоей коллекцией? Не везти же ее на новую квартиру! — сказала вошедшая в комнату Людмила Григорьевна.

В самом деле, куда девать шесть пар еще крепких, добротных бутсов и лежавшие под ними футболки, гетры, щитки? В небольшом семейном совете приняла участие и дочь Груздевых студентка Ниночка. Она-то и предложила:

— Папа! А что если послать, в Снегиревку? Там твой племянник и мой двоюродный брат...

— Ларька? Правильно! Постой, постой... Сколько ж ему теперь? Пожалуй, годков семнадцать наберется. Пригодятся мои доспехи Лариону! Еще и приятелей экипирует! Для начала погоняют мяч где-нибудь на выпасе, а там, глядишь, и команду создадут!

На другой же день чемодан обшили парусиной и отправили в ту самую деревню, где родился сорок пять лет назад инженер Груздев и где не был он с довоенных времен. О посылке, вероятно, скоро б забыли. Но Ларька ответил благодарственным письмом, которое несколько смутило и даже расстроило Андрея Семеновича. Оказалось, что его представления о сегодняшней Снегиревке безнадежно устарели.

Во-первых, как это явствовало из письма, в снегиревском колхозе «Прогресс» третий год существует футбольная команда, имеющая к тому же некоторые шансы стать чемпионом района. Во-вторых, Ларион в футбольных делах отнюдь не новичок, а капитан и тренер колхозной команды. Что касается полученных бутсов, то, по словам Ларьки, они, «конечно, пригодятся для второго состава» и переданы в распоряжение совета спортивного общества.

«Хотел порадовать племянничка, а получилось чорт знает что! Какая-то частная благотворительность!.. Очень нужны колхозу мои старые бутсы!» — с досадой подумал Андрей Семенович. Да, оказалось, что снегиревские футболисты нуждаются совсем в другом. В конце письма Ларион Груздев просил дядю «разъяснить по возможности» преимущества взаимозаменяемости игроков нападающей линии и как эту заменяемость проводить. «Мы уже пробовали, да ничего не выходит»,— признавался Ларька.

— Как это не выходит? Почему не выходит? — пожимал плечами Андрей Семенович. — Должно выйти!

Вечером он сел за ответ в Снегиревку. Не подозревая того, Ларька коснулся вопроса, по которому его дядюшка мог бы написать и докторскую диссертацию. Инженер Груздев перестал играть лет пятнадцать назад, но на всю жизнь остался знатоком и ценителем футбола.

Письмо получилось и в самом деле похожим на маленькую диссертацию. А недели через две от Ларьки прибыло ответное послание. Читая его, инженер улыбался.

Племянник сообщал, что неясные вопросы для него теперь «как на ладошечке». Оказывается, письмо Андрея Семеновича «досконально прорабатывалось» на общем собрании снегиревских футболистов. Больше того, взаимозаменяемость удачно применили уже в игре с командой соседнего колхоза «Пятилетка». Снегиревцы вышли победителями.

До сих пор своей футбольной эрудицией Андрей Семенович мог блеснуть среди болельщиков-сослуживцев. Иной раз к замечаниям Груздева внимательно прислушивались и соседи на трибунах стадиона «Динамо». Но никогда еще не случалось, чтобы спортивный опыт бывшего игрока сборной Москвы, его знание футбола оказались кому-нибудь полезными. Все, о чем писал Ларька, не то что обрадовало, а скорее немного растрогало инженера Груздева. Он живо представил себе и родную деревню и молодых своих земляков, читающих письмо.

Андрей Семенович подумал о том, как странно складывается иной раз жизнь. Сколько уже лет не был он в Снегиревке, редко вспоминал, почти не имел там родни, и вот единственным, что связало его снова с деревней, оказалась вдруг эта футбольная переписка.

Протянувшуюся ниточку оборвала зима. Выдалась она необычайно мягкая надоедливо хлипкая. Груздеву не удалось даже походить как следует на лыжах. Зима то наступала, то отступала, и никак нельзя было понять, когда же начнется весна. Незыблемость астрономических законов подтвердила лишь зазвеневшая в репродукторе мелодия футбольного марша. Пора было думать и о курортных путевках и о билете на первое состязание в Москве. В эти дни снова напомнил о себе Ларька.

«Я люблю, дядя Андрюша, смотреть в глаза правде,— писал он.— Положение в команде теперь такое, что призовых мест нам в этом году не видать. Самый лучший мой нападающий Василий Кутихин и Петька Чижов (правая полузащита) завербовались на стройку. Ну прямо не с кем играть!»

— Позволь, дружок!— забормотал себе под нос Андрей Семенович.— А где же твои резервы? Где второй состав?

Дальше Ларя писал и о резервах. Во втором составе играют большей частью школьники, ребята лет по пятнадцати — шестнадцати, на которых «никак нельзя делать ставку». Имелся у основной команды и собственный запас, но это были малоопытные игроки, не чета выбывшим. Первые игры не ладились. Но Ларька видел еще возможность укрепить футбольный коллектив.

«Прошу вас, дядя Андрей, как бывшего игрока сборной команды нашей столицы Москвы, взять над снегиревскими футболистами заочное шефство. Мы будем выполнять все ваши указания, которые просим давать в письмах».

Просьба племянника даже немного развеселила Груздева. «Вот чудак! Ну что там за шефство, да еще и заочное!» Но на все вопросы он ответил с обычной своей обстоятельностью, выразив готовность быть если не шефом, так советчиком Лариона.

Письма из Снегиревки стали приходить одно за другим. Вручая как-то мужу конверт с очередным посланием капитана колхозных футболистов, Людмила Григорьевна спросила:

— Что это у тебя за роман в письмах с Ларькой? Или требуется еще одна партия бутсов?

— Так, пустяки... Все докучает с одним тут футбольно-тактическим вопросом. Никак не соберусь ответить!

Андрей Семенович кривил душой. Вопросов у Ларьки было множество, а не один, и они вовсе не докучали Груздеву. На все письма племянника инженер отвечал самым аккуратным образом. Но Андрей Семенович вдруг подумал, что его увлечение судьбой футбольной команды какой-то безвестной Снегиревки может показаться со стороны нелепым и смешным.

В следующем же письме Груздев попросил племянника адресовать ему корреспонденцию не домой, а на службу с пометкой «лично».

Андрей Семенович прекрасно уже знал всех снегиревских игроков поименно, представлял способности каждого из них, уловил, чем грешит: команда в целом. Был Груздев и в курсе всего хода борьбы за районное первенство. Ему отлично было известно, что наиболее серьезные противники снегиревцев — это команда общества «Урожай» Бородихинской МТС и футболисты колхоза «Красная зорька».

Многие советы Груздева принесли снегиревцам несомненную пользу. Команда стала играть увереннее. Два напряженных состязания закончились победой футболистов «Прогресса». Но сколько еще игр впереди!

Однажды вечером в квартире прозвучал длинный, надсадно-настойчивый звонок междугородной телефонной станции. Пожалуй, он был некстати, так как прервал

обсуждение всех достоинств коктебельского пляжа, которому скоро предстояло принять в свое лоно семейство Груздевых. Тем не менее Андрей Семенович проворно подошел к телефону и с готовностью взял трубку.

Еще через минуту он разговаривал с каким-то далеким собеседником:

— Так... так... Плохо!.. Какой счет? Так... И как же это получилось? Так... так... так... Ну, об этом дам указания письменно!

Когда несколько помрачневший Груздев опустил трубку, Людмила Григорьевна поинтересовалась, откуда звонили.

— Откуда? Да из Харькова... Опять завод не выставил счет на оборудование... Помнишь, я еще беспокоился!

Такого случая Людмила Григорьевна не припоминала. Звонок был, разумеется, из Снегиревки. Ларька сообщил, что в сегодняшнем состязании с командой «Зорьки» снегиревцы проиграли со счетом 4 : 3. Потеряно два очка!

Анализ таблицы районного первенства, однако, показал Андрею Семеновичу, что, несмотря и на этот проигрыш, колхоз «Прогресс» может еще добиться если не первого, так второго или третьего места. Он сегодня же напишет Ларьке, что надо покончить с игрой короткими передачами. Смелее выходить к воротам противника! Сейчас же напишет... Но ведь письмо-то попадет в Снегиревку не скоро! Да и можно ли обо всем написать? Нет, вот когда бы он сам взялся за эту команду!

И вдруг Груздев совершенно ясно, необычайно отчетливо представил себя в роли тренера снегиревских футболистов. На ногах у него бутсы, а в руке судейский свисток. Приходится поспевать то на один, то на другой конец поля, вмешиваться в игру, предлагать команде все новые варианты и комбинации, поправлять, показывать. А как внимательно, как жадно прислушивается к нему молодежь!.. О, да с такими ребятами многое можно сделать!

Слышно, как в столовой накрывают на стол. Потом кто-то включил радио, и до Груздева донеслась мелодия знакомой фортепианной сонаты...

— Андрюша! Ужинать! — зовет Людмила Григорьевна.

Ест Андрей Семенович без обычного аппетита, отвечает односложно. Мысленно он опять в Снегиревке, бежит по расчерченному известковыми линиями полю, чувствует под ногами упругую траву... Только уже за чаем Груздев наконец набирается духу и говорит:

— А знаешь, Люда... Подумал я, подумал... Не хочется мне что-то в Крым! Поезжайте вы одни с Ниночкой!

— Вот тебе и раз! Столько готовились... И путевки взяты! Да с чего это ты вдруг?

— Не переношу жарищи! И чего там особенного, в Крыму?.. Ну, море... ну, скалы... ну, немного пальм... Путевку и продать можно!

— Папочка! Ты же сам утверждал, что тонна морской воды заменяет пятьдесят граммов сливочного масла! — напоминает Нина.

— Не только морской! — выворачивается Груздев. — Провести отпуск на реке тоже совсем неплохо!

— Куда же ты собрался? — недоумевает Людмила Григорьевна.

— Да вот думаю поклониться родным пенатам... Съезжу в Снегиревку... Родню навещу... А тишина там какая, покой!

— Ах, в Снегиревку! — говорит Людмила Григорьевна, украдкой переглядываясь с Ниночкой. — И что же ты будешь целый месяц делать в Снегиревке?

— Как что? Рыбу ловить! Знаете, какая там речка!

— Ах, ры-ы-бу! — протягивает Ниночка, незаметно бросая смеющийся взгляд на мать.

— Ну, что ж! Поезжай, поезжай, если уж очень хочется порыбачить!

Андрей Семенович ликует в душе, что все так легко и просто разрешилось. Теперь-то мы еще посмотрим, выиграет ли Бородихинская МТС!

Оставшиеся до отпуска дни омрачены для Андрея Семеновича лишь необходимостью поддерживать в семье иллюзию своего внезапного увлечения рыбной ловлей. Время от времени приходится говорить о каких-то необыкновенных щуках и сазанах, которые якобы только и водятся в прилегающих к Снегиревке бассейнах.

В конце июня инженер провожает жену и дочь на курорт. Через день он и сам сядет в поезд.

Перед вторым звонком и прощальными поцелуями Людмила Григорьевна говорит мужу:

— Смотри, отдохни получше! Да... кстати! На письменном столе ты найдешь небольшие подарки от меня и от Нины... Думаю, что они пригодятся тебе в Снегиревке!

— Что за подарки?

— Секрет! Пока секрет... Увидишь! — посмеивается Ниночка.

Возвращаясь с вокзала домой, инженер Груздев размышлял о том, куда ему девать складную бамбуковую удочку и набор крючков, очевидно, поджидающие его на столе. Или, возможно, купили еще и такую круглую сетку на обручах, нужную не то для ловли, не то для хранения рыбы...

Но на столе немного сконфуженный Груздев увидел совсем другое. В свертке побольше, который был от жены, лежали новые, остро пахнущие кожей футбольные бутсы. В маленьком свертке от Нины блеснули тонкие, спаянные рядком трубочки судейской сирены.

«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ» ЛАНДШАФТ В ТУРЦИИ

Министр общественных работ Турции Кемаль Зейтиноглу на съезде демократической партии заявил, что в Турции за последние два года построена 241 новая тюрьма.

(Из газет).

Рисунок Е. Ведерникова

Интересное сравнение

Английский журнал «Механический транспорт» (№ 12 за 1951 год) сообщил своим читателям о том, что фирма Рансон и Рапье с помощью других промышленных фирм страны изготовила первый мощный шагающий экскаватор. Строительство экскаватора началось в 1947 году и закончилось в 1951 году.

«Монтаж стрелы огромной машины,— сообщает журнал,— на открытом месте, в условиях любой погоды и собранной из большого количества узлов, был смелым броском в неизвестность. Возникали неожиданные проблемы, которые приходилось разрешать путем сочетания опыта и здравого смысла. Работа непрерывно продолжалась в течение 18 месяцев, включая две зимы, в продолжение которых погода иногда была ужасна».

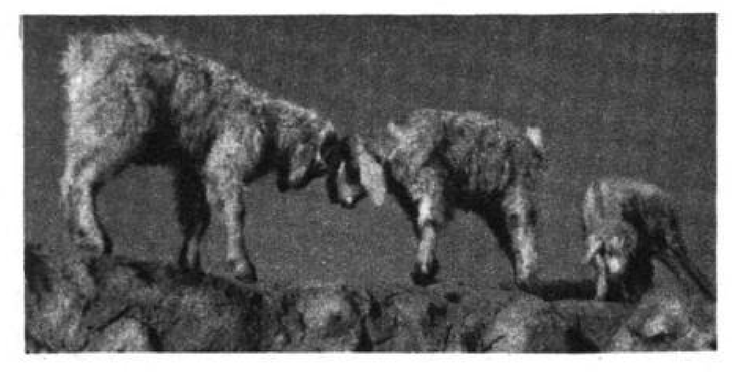
Недавно в Свердловске, на городском собрании конструкторов и технологов, главный конструктор Уралмашзавода Б. Г. Павлов привел следующие данные о темпах строительства советских шагающих экскаваторов:

— За 18 месяцев, в течение которых в Англии собиралась только одна стрела, машиностроители Уралмаша выпустили три шагающих экскаватора; более того, эти экскаваторы за тот же срок уже в виде готовых узлов были доставлены на строительство, смонтированы там, и один из них вынул более двух миллионов кубометров грунта!

Сравнение не требует комментариев.

А. НЕКРАСОВ

г. Свердловск.

Второе рождение

Эти два козленка, которые не хотят уступить друг другу дороги, так похожи, что кажутся родными братьями. На самом деле это совсем не так.

Один из них — левый — чистокровный ангорский козленок, другой — представитель недавно выведенной новой отечественной породы — казахской шерстной козы.

В 1936 году мы купили за границей партию ангорских коз. Они были размещены в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Грузии, Армении и других местностях Союза. Началась работа советских ученых по акклиматизации ангорских коз и по скрещиванию их с местными породами. В Казахстане эту работу возглавил сын кочевника-скотовода Абдул Газиз Жандеркин, ныне кандидат биологических наук, лауреат Сталинской премии.

Путем селекции ученый добился того, что чистокровная ангорская коза приспособилась к суровому климату Северного Казахстана. Результаты скрещивания ангорок с местной грубошерстной козой также оказались удачными.

Новая порода (см. нижний снимок) по многим качествам, например, по длине и прочности шерсти, превосходит ангорскую козу.

Кстати, следует отметить, что так называемая ангорская коза на самом деле не является ангорской.

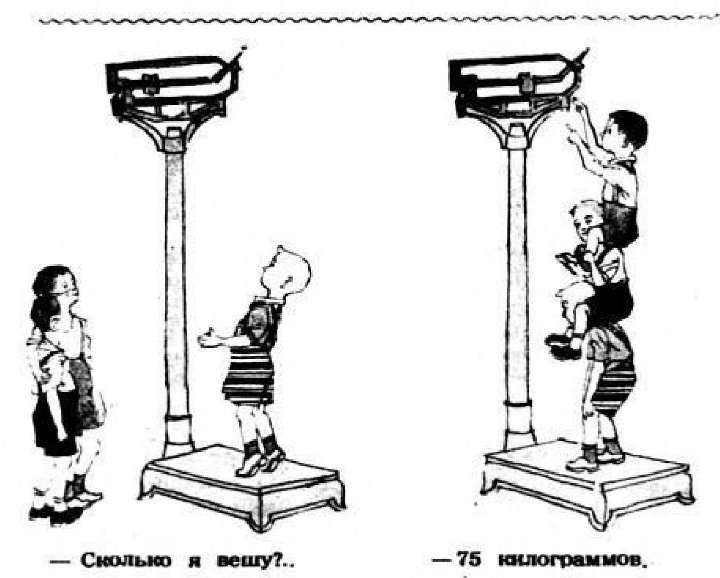
Последние исследования показали, что настоящая ее родина — Казахстан и Туркменистан. В Турцию и, в частности, в район Анкары (ранее: Ангора) эта тонкорунная коза была завезена в XIII веке, во время переселения тюркских племен.

Таким образом, процесс акклиматизации ангорской козы в Казахстане был лишь ее вторым рождением на своей родине, но уже в новом, более высоком качестве.

Вл. ШОРНИКОВ

Фото Искандера

— Сколько я вешу?..

— 75 килограммов.

Рисунок Ю. Черепанова

«На кружки»

Среди рыболовов-любителей ловля «на кружки» издавна пользуется уважением. На эту снасть ловится обычно крупная рыба; иногда попадаются такие экземпляры, что схватки с ними надолго остаются в памяти охотников. Состоит снасть из кружка диаметром сантиметров в 15 и толщиной около 2 сантиметров, с желобком по окружности, на который можно намотать лесу длиной 12—15 метров.

Кружок можно сделать из коры или древесины любой породы дерева, лишь бы материал был хорошо просушен. В центре кружка просверливается отверстие диаметром в 1—2 сантиметра, в которое вставляется круглая палочка длиной сантиметров 15, оструганная немного на конус. В вершине ее делается прорезь-расщеп, в который можно защемить лесу, как в рогульке жерлицы.

Кружок, чтобы он не намокал, нужно пропитать олифой и покрыть водонепроницаемой краской: верхнюю сторону кружка — белой, а нижнюю — красной. Когда рыба схватит наживку, кружки перевертываются красной стороной.

Кружки можно «запускать» в плесах рек с тихим течением, в прудах, но лучше всего в озерах. Предварительно необходимо изучить рельеф дна водоема. Дно должно быть ровным, в противном случае спуск надо устанавливать с расчетом на минимальную глубину, иначе кружок может остановиться, как на якоре.

Лучшая погода для ловли «на кружки» — пасмурный день, с ровным ветерком, когда кружки спокойно продвигаются в одном направлении, «облавливая» водоем. Рыболову остается одно — сидеть спокойно в лодке и наблюдать...

Но что это? Среди белых дисков один просигналил, как красный глаз светофора. «Перевертка»!

Взмах веслами, и лодка устремляется к красному диску... Кружок в руках. У рыболова под рукой должен находиться багорик, а лучше всего подсачник. К борту лодки подвести даже крупную рыбу легче, чем к берегу.

Ну, а если попадет очень крупный экземпляр? Килограммов на 10 и больше?.. Такую «утятницу» все же лучше подвести к берегу в какой-либо заливчик и уже там «побороться» с ней.

Как лучше насаживать живца? Можно цеплять за губу или за обе губы, можно — под верхнее перо. Если крючки — двойники, удобно металлический поводок пропустить через жаберную щель в рот живца и потом к поводку пристегнуть крючок: живец никогда не сорвется и будет ходить долго.

Хорошие живцы решают успех ловли. Если живцы «уснут», рыболову с кружками делать нечего. Живцы должны находиться или за бортом лодки в малявочнице — ведре с дырочками для циркуляции воды — или в лодке, в деревянной бадье, в которой вода не так быстро нагревается. Рыболов не должен брать живцов руками, цеплять живца на крючок надо, не вынимая из маленькой сеточки-сачка, который должен находиться в малявочнице.

С. МИНАЕВ

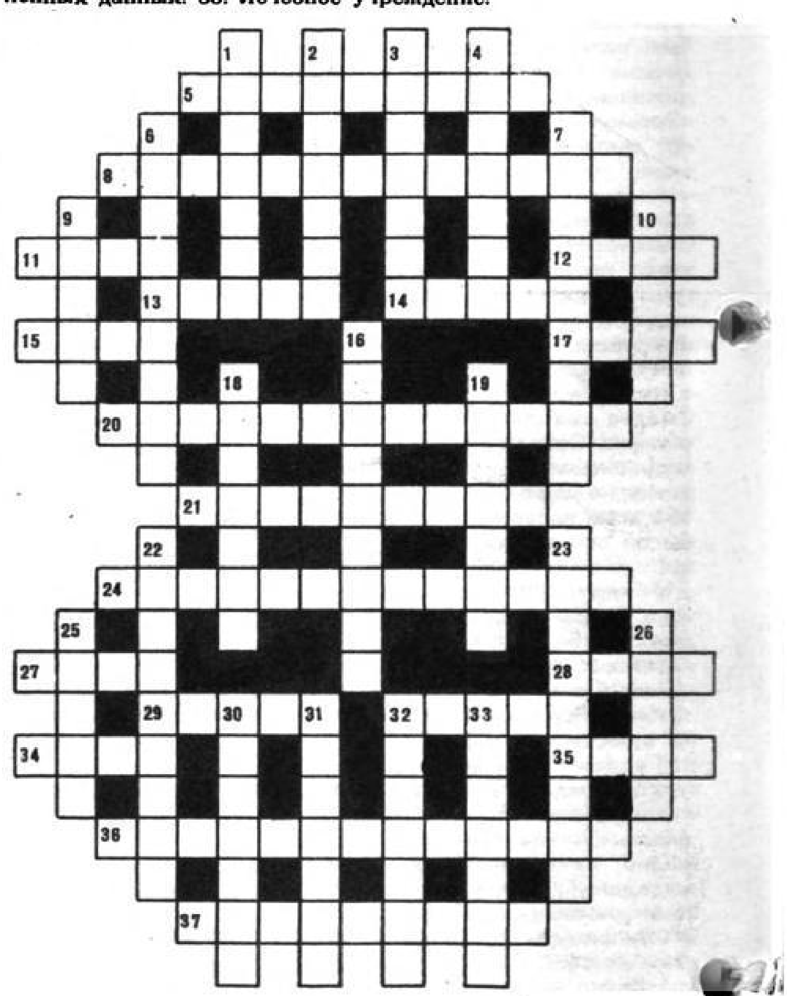
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Препроводительный документ к грузу, товару. 8. Изложение сложных вопросов в общедоступной форме. 11. Крупа. 12. Равномерное чередование. 13. Датский писатель. 14. Музыкальный термин. 15. Заранее намеченная система мероприятий. 17. Энергия, порождающая движение. 20. Ответственный распорядитель. 21. Сушеные сливы. 24. Сумма, затраченная при производстве товара. 27. Часть плоскости, ограниченная окружностью. 28. Часть света. 29. Приток Куры. 32. Небольшой сторожевой отряд. 34. Отлогая горка, возвышение. 35. Город в Краснодарском крае. 36. Работники умственного труда. 37. Певчая птица.

По вертикали:

1. На Украине: юноша, парень. 2. Воздействие. 3. Высшее звание командного состава Военно-Морских Сил. 4. Помещение для торговли. 6. Ряд колонн. 7. Оптический прибор. 9. Холодное оружие. 10. Коралловый остров. 16. Огромное ископаемое. 18. Горная цепь в Европе. 19. Мужской голос. 22. Сорт бумаги. 23. Искусство ведения войны. 25. Созвездие. 26. Бухта в море Лаптевых. 30. Соединение нескольких машин. 31. Твердый сплав. 32. Предвидение, основанное на определенных данных. 33. Лечебное учреждение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали:

7. Термодинамика. 10. Ланцет. 11. «Разлом». 13. Атакама. 16. Дентин. 17. Алигер. 18. Палисандр. 20. Упряжка. 22. Омшаник. 24. Гирло. 26. Анион. 27. Палаш. 28. Рвение. 29. Декрет. 30. Тиски. 32. Аймак. 33. Ртуть. 34. Рулетка. 36. Классик. 38. Кантилена. 41. Рябина. 43. Стансы. 44. Автокар. 47. Уникум. 48. Циклон. 49. Станиславский.

По вертикали:

1. Герцен. 2. Сметана. 3. Удача. 4. Анива. 5. Смарагд. 6. Сказка. 8. Партия. 9. Долина. 12. Перпендикуляр. 14. Костра. 15. Семипалатинск. 18. Пастернак. 19. Рокировка. 21. Жанрист. 23. Шептала. 24. Глиэр. 25. Олень. 31. Зубило. 35. Ехидна. 37. Слалом. 39. Адамант. 40. Нарцисс. 42. Анкета. 43. Секция. 45. Тисса. 46. Калач.

В этом номере помещены репродукции картин И. К. Айвазовского «Закат на море», А. П. Боголюбова «Красный парус», В. Д. Поленова «Ока», И. И. Левитана «Вечер в деревне», четыре акварели В. С. Климашина и две страницы цветных фотографий.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана

А 04451. Подп. к печ. 5/VIII 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 656. Зак. № 1864. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 3 руб.